

НА БОВЕВОМ ПОСТУ

6.1989

ПРАВДА
О ПАВЛИКЕ
МОРОЗОВЕ

РЕФОРМА
ЭКОНОМИКИ:
МЫСЛИ ВСЛУХ

НАТЫНО НЕ ДОНА
МЯРОДЗІМ ДІ АГІ СПАДЫМНЕЛІ ДАШЧЭНТУ
186 ВЕСАК
3 ПЮДЗЬМІ
НА НАШАЙ ЗЯМЛІ БЕЛАРУСКАЯ

ТЫНО НЕ ДОНА
86 ДЕРЕВЕНЬ
ВМЕСТЕ С ПЮДЗЬМІ
ДРЕЛІ ДУЛА
НАШЕЙ ЗЕМЛЕ БЕЛАРУСКАЯ

ЮЛАН
СЕМЕНОВ
НЕНАПИСАННЫЕ
РОМАНЫ

В обстановке, максимально приближенной к боевой, к реальной, — так должно проходить каждое занятие. Тогда не растеряется солдат ни при каких обстоятельствах.

На занятиях по тактико-специальной подготовке отделение сержанта Мехмана Кадырова.

Фото старшего прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.

За нашу Советскую Родину!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Издается с 1938 г.

6-1989

На вопросы нашего корреспондента отвечает участник мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС Рычин, избранный недавно народным депутатом СССР.

с. 24

Как бы ни менялся наш взгляд на прошлое, далекое или совсем близкое, как бы ни различались последующем оценки некоторых событий, будь то охрана безвинно осужденных 30-е и 40-е годы, депортация, борьба с вооруженным подпольем в отдаленных районах страны, Афганистан,—солдат неприкосновенен.

с. 30

В НОМЕРЕ:

■ КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

Точка отсчета	3
Экономика: на переломе («Круглый стол» редакции)	12
РЫЧИН Е. Быть хозяином земли	24
МИЩЕНКОВ П. Крепить контакты	27

■ ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ

ШЕМАЕНКОВ А. Трудные дни Тбилиси	6
--	---

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Есть вопрос? Отвечаем	22
---------------------------------	----

■ ПУБЛИЦИСТИКА

АСТАШИН В. Покушение на приказ	30
ИСАКОВА Л. Павлик Морозов. Кто он? Герой или «символ предательства»?	58

■ СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

СИДОРИН В. В роту пришел неформал	37
ВЛАДИМИРОВ К. Бороться! Бороться?.. . . .	38

■ ТРИБУНА ПОЛИТРАБОТНИКА

КУНДУС В. Лучше раз увидеть...	41
РЕВЕНКО А. «Изберите секретарем... мою жену»	44

■ О НАС ПИШУТ

СВИЩ О., КОРКОДЫМ В. Службу не выбирают	47
---	----

«За перестройку все кричат, да только одни работают, а другие воруют. Спекулянтов, поглядите, сколько развелось. Был бы Павлик жив — и сейчас боролся бы с ними».

с. 58

■ УРОКИ СУДЕБНОГО ДЕЛА

УШАР А. Обратни 50

■ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

ШАРОВ В. Нравственный облик советского воина 63

БУСЫГИН В. Формирование морально-боевых качеств 68

■ НАШИ ЧЕМПИОНЫ

КУБЫШЕВ И. Себя преодолеть 70

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Ю. СЕМЕНОВ. Ненаписанные романы 72

ИГНАТЬЕВ А., УЛАНОВ А. Диски (рассказ-быль) . 92

УСКОВ В. Истоки (стихи) 94

■ РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ 96

На нашей обложке: 1 с.— Хатынь.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, Г. А. Малюшкин, Г. М. Масленников, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, А. В. Пономарев (ответственный секретарь), Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиновой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. А. Богданова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. **Телефоны:** секретариата — 361-82-57. Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 5.04.89.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 11,5.
Г-25914

Подписано к печати 17.05.89.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Зак. № 1087 Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда». Хорошевское шоссе, 38.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Н

АШЕ ВРЕМЯ, время революционных преобразований немислимо без авангардной роли каждого коммуниста в борьбе за обновление общества. Ведь кто, как не он, подает людям пример в труде, жизни, поведении. Военнослужащие, вызволявшие из руин жителей армянского города Спитака, рассказывали о таком случае.

Автоколонны и вертолеты доставили массу посылок для пострадавших от землетрясения. Их разгрузили и... никто не решился заняться раздачей посылок — ждали указания сверху. Но тут появился майор в милицмейской форме. Без суеты организовал выдачу теплой одежды, продовольствия, назвал вертолетчикам селения, где люди особенно нуждаются в помощи. Кто-то, видимо, из местного управленческого аппарата спросил офицера: «А почему не составляете ведомости на раздачу, не берете подписей у граждан? И вообще, кто вас уполномочивал?» «Беда уполномочила», — коротко ответил он и продолжал заниматься своим делом. Это был коммунист майор В. Солдатов...

Так поступали и поступают большинство коммунистов наших войск. Участие в ликвидации последствий страшного землетрясения в Армении — яркий образец мобилизующей энергии войсковых партийцев, сумевших в сложнейшей обстановке организовать личный состав на оказание помощи пострадавшим от стихийного бедствия, на поддержание общественного порядка в разрушенных населенных пунктах. Но это, так сказать, условия экстремальные. А что же происходит в нашей обыденной жизни?

И здесь на первый план выходят такие составляющие стиля истинного коммуниста, как обостренное чувство нового, личная ответственность за перестроечные процессы. Обладающие этими качествами люди, а среди них можно назвать немало

партийных активистов, например, подполковников Н. Чурсинова, А. Ревенко, быстрее находят свое место в борьбе за демократизацию жизни войск. И ведь не случайно на необходимость повышения активности коммунистов, овладения ими политическими методами руководства указывалось практически на всех партконференциях и партконференциях в ходе минувшей отчетно-выборной кампании. Были высказаны тысячи критических замечаний и предложений, причем каждый второй секретарь цеховой и первичной парторганизации избирался из двух и более кандидатур. Скрупулезно обобщались передовой опыт и новые формы работы, из них извлекались уроки на будущее.

Преодоление рутины, безответственности, бюрократизма нельзя рассматривать как очередную кампанию. Это — дело, с которым недопустимо медлить ни одного дня, оно вместе с тем требует длительной, систематической работы. Точкой отсчета тут выступает совесть каждого коммуниста.

Но не везде еще сегодня дают отпор тем, кто высокими, «правильными» словами пытается замаскировать свою бездеятельность, работу спустя рукава. Своего рода лакмусовой бумажкой для разоблачения такой позиции должен служить вопрос: «А сам ты что сделал для устранения недостатков?»

Нередко партийную требовательность и критику пытаются использовать как устрашающую дубинку, средство сведения счетов с неугодными. Понятно, что с коммунистов спрос особый, и когда он предъявляется с соответствующим вниманием и тактом, в здоровой политической и нравственной атмосфере, сложившейся в парторганизации, тогда больше расковывается инициатива людей, они смелее поднимают голос против негативных явлений.

В ряде партийных организаций мирятся с иждивенчеством и инертностью, тормозящими обновление. Не надо забывать, что иждивенчество имеет и вторую сторону

медали — равнодушные. Как не вспомнить в этой связи строки, обращенные к партидцам в письме Военного совета и Политуправления, о необходимости вырвать с корнем из казармы такую заразу, как неуставные взаимоотношения: «...разве в этих негативных явлениях не усматривается ваша недостаточная борьба с ними? Усматривается. Поэтому надо многим из вас пересмотреть свое отношение к извращениям воинских уставов».

Нужно бить тревогу, если парторганизация не вникает в жилищные и продовольственные проблемы семей военнослужащих, пассивно ожидает перемен, уповая на верхние эшелоны, не способствует наращиванию возможностей подсобного хозяйства, где мы реально можем внести вклад в претворение в жизнь решений мартовского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС.

Испытанным средством партийного влияния на массы является личное общение коммуниста с людьми. В. И. Ленин считал такое общение совершенно обязательным для партийца, тем более руководителя, и сам показывал в этом достойный пример, встречаясь с трудящимися, выступая в партийных коллективах, на заводах и фабриках, в общественных организациях. Ленинская традиция обязывает войсковых коммунистов активнее переносить воспитательные усилия в караул, войсковой наряд, роту. И конечно, первым встречаться с личным составом призван партийный секретарь — человек, наделенный особым доверием своих единомышленников.

Давно подмечена взаимосвязь: каков секретарь парткома, партбюро, парторганизации, такова и работа первичной. Если он полон идей и энергии, если тверд, последователен и неустанчив в проведении партийной линии — боевит и энергичен почерк парторганизации. И наоборот, если секретарь стал «карманным» чиновником при начальнике политоргана или командире, дублирует их работу, склонен к перестраховке, то и другим коммунистам трудно проявлять инициативу, вести поиск нового.

Встречаются факты иного рода, когда политорганы скупятся на моральную поддержку секретарей, на конкретную помощь им, не стимулируют труд партийных вожаков, особенно неосвобожденных, мало заботятся об их обучении. Кое-где ослаблена работа по укреплению партийного товарищества.

Могучую силу представляют собой коммунисты, вооруженные решениями XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партконференции. И, конечно, эта сила будет мощнее, организованней, если ее постоянно приумножать новым пополнением, неустанно шлифовать стиль работы с ним опытных кадров.

На последнем сборе командно-политического состава внутренних войск перед руководителями политорганов был поставлен вопрос: почему в ряде мест появилась тенденция к снижению числа военнослужащих, вступающих в партию? В ответ на-

звали несколько причин. Не исключая и ослабления кое-где работы по отбору в КПСС, на первое место все же поставили основную — значительно возросшие требования к человеку, решившему связать свою судьбу с Коммунистической партией. «Главный критерий при оценке качества вступающего в партию, — подчеркивалось на XIX Всесоюзной конференции КПСС, — его позиция и реальное участие в перестройке».

Это обязывает партийный актив, политорганы постоянно помнить, что отбор достойных людей в партию — это, по своей сути, штучная работа, в которой не обойтись без скрупулезности, выверенности, обстоятельного подхода. Именно здесь надо поступать по принципу: семь раз отмерь, один раз отрежь. В этом деле неприемлемы поспешность, кампанейщина, введение каких-либо разрядок. На недопустимость такого подхода указывается в постановлении ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе Ташкентской областной парторганизации по приему в партию и укреплению партийных рядов».

Практика последних лет подтвердила действительность предварительного обсуждения на собраниях воинских коллективов кандидатур, вступающих в партию. Широкая гласность позволяет выявить подлинные качества тех, кто подает заявление в парторганизацию, желает встать в ряды борцов за перестройку. К сожалению, не все парторганизации внедряют эту форму работы, чем существенно снижают «планку» взыскательности и требовательности к вступающим.

Коммунисты. Они всегда были авангарде борьбы за проведение в жизнь идей своей партии. Можно привести тому тысячи примеров. Обратимся лишь к одному примечательному периоду в истории нашей Родины — зарождению стахановского движения. Когда Алексей Стаханов решил доказать, что новая техника плюс умело организованный труд создают возможности для каждого труженика достичь выдающихся результатов, то вместе с ним в забой опустился М. Дюканов. Не будучи таким силачом, как Стаханов, он, к всеобщему удивлению, не только повторил, но и превзошел рекорд товарища. Иначе Дюканов действовать не мог — он был парторгом участка шахты. Вот у таких коммунистов нам и нужно учиться.

Сегодня с усилением ответственности за результаты перестройки неразрывно связано возрастание роли коммунистов как в целом в обществе, так и в каждом трудовом, воинском коллективе. Это, как отмечалось на торжественном заседании в Москве в связи с 70-летием Великого Октября, заключается «в повышении ответственности всех организаций партии и каждого коммуниста за ход дел в обществе». И от того, насколько коммунисты войск будут отвечать своей миссии прорабов перестройки, во многом зависят реальные перемены в жизни частей и подразделений.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О выведении из состава Вооруженных Сил СССР пограничных, внутренних и железнодорожных войск

В целях приведения состава Вооруженных Сил СССР в полное соответствие с установленными Конституцией СССР задачами и функциями, для выполнения которых они созданы, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Вывести из состава Вооруженных Сил СССР пограничные, внутренние и железнодорожные войска.

2. Установить, что всеобщая воинская обязанность распространяется на граждан, проходящих воинскую службу как в Вооруженных Силах СССР, так и в пограничных, внутренних и железнодорожных войсках.

3. Установить для пограничных, внутренних и железнодорожных войск порядок, условия и сроки прохождения службы, комплектования личным составом такие же, как для Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Сохранить для пограничных, внутренних и железнодорожных войск существующий для них порядок материально-технического и финансового обеспечения.

4. Поручить Совету Министров СССР рассмотреть вопросы, вытекающие из настоящего Указа, и при необходимости внести предложения в Президиум Верховного Совета СССР.

5. Министерству обороны СССР и Министерству юстиции СССР по вопросам, вытекающим из настоящего Указа, внести в установленном законом порядке предложения об изменении Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» и других законодательных актов СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. ГОРБАЧЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 21 марта 1989 г.

С КОЛЛЕГИИ МВД СССР

ПОДДЕРЖИВАТЬ ПРАВОПОРЯДОК ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ

Итоги работы правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка в стране за первый квартал текущего года свидетельствуют, что кардинального поворота на этом участке деятельности не произошло. На одну треть возросло количество зарегистрированных преступлений. Причем уличная преступность по сравнению с первым кварталом минувшего года увеличилась почти на 82 процента, а преступность среди несовершеннолетних возросла на 22,5 процента, что вызывает справедливое недовольство трудящихся. Правоохранительные органы, как отметила состоявшаяся 14 апреля коллегия МВД СССР, допустили промедление, не приняли исчер-

пывающих мер по поддержанию правопорядка. Об этом с большой обеспокоенностью говорили докладчик первый заместитель Министра внутренних дел СССР генерал-полковник внутренней службы В. П. Трушин и выступившие в прениях.

Важнейшими направлениями деятельности органов и войск, подчеркнул в своем выступлении на коллегии Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакатин, являются дальнейшее развитие инициативы кадров, повышение организованности, дисциплины, боеспособности, морального духа личного состава путем скорейшего решения вопросов правовой защиты сотрудников милиции и военнослужащих, усиления внимания к их социальным нуждам, координации работы всей правоохранительной системы, совершенствования оперативно-розыскной и следственной деятельности, укрепления связи с рабочими коллективами, со средствами массовой информации.

ТРУДНЫЕ ДНИ ТБИЛИСИ

МНОГИЕ ГАЗЕТЫ, ВЫХОДЯЩИЕ В АПРЕЛЕ, СООБЩАЛИ САМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ В ТБИЛИСИ, И О ДЕЙСТВИЯХ ТАМ ВОИНОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.

«Тбилиси. 10 апреля. [Корр. ТАСС]. Как уже сообщалось, в последние дни лидеры неформальных группировок крайнего толка смогли обострить обстановку в Тбилиси, где несколько дней подряд проходили несанкционированные митинги антисоветского характера. Им удалось создать драматическую ситуацию в ночь с 8 на 9 апреля у здания Совета Министров Грузии, в результате которой произошла трагедия с человеческими жертвами.

Для обеспечения порядка, пресечения антиобщественных проявлений в столице республики введен комендантский час».

(Красная звезда. — 1989. — 11 апреля)
Обозреватель «Литературной газеты» Юрий Рост в республиканской газете «Молодежь Грузии» 12 апреля писал:

«В 4 утра, без предупреждения, четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километров 10 в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропустив машины, толпа сомкнулась. Следом за бронетранспортерами шли солдаты... Оказавшись перед линией людей, они остановились.

...Камней и палок в этой фазе драмы я не видел.

Затем, словно по команде, взметнулись дубинки... Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли камни, палки, выломанные тут же из заграждений, дубинки, отобранные у солдат... В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом... В возникшей панике толпа бежала по тем, кто не смог выдержать гонки и упал...»

А вот другое сообщение:

«Думаю, надо откликнуться на единый порыв моих сограждан, — писал Э. Елигулашвили, — найти солдата, который в самый тяжкий миг помогал вытаскивать раненых девочек из-под ног убегающей толпы, — этот факт получил широкий резонанс».

(Литературная газета. — 1989. — 19 апреля)

ДА, ПО РЕШЕНИЮ правительства Грузинской ССР воины внутренних войск совместно с милицией участвовали в поддержании общественного порядка в

Тбилиси. Но так ли все было, как пишут Юрий Рост и некоторые другие журналисты, пытаясь обвинить наших воинов в человеческих жертвах.

Мне довелось беседовать с многими офицерами, солдатами, жителями столицы Грузии — непосредственными участниками тех событий. Как все это не вяжется с безответственными публикациями, которые мне довелось читать в те дни, когда в городе действовал комендантский час.

...С офицером части внутренних войск, которая дислоцируется в Грузии, капитаном С. Можаяевым мы едем по безлюдным улицам Тбилиси. В городе — комендантский час. Темно, но не все спят в домах. Вон прижалась к стеклу женская фигурка с малышом на руках. Ждут.

— Неспokoйно, наверное, на душе. А разве у нас спокойно? Вот до чего довели людей неформальные лидеры, — переговариваются между собой солдаты. — Вчера задержали человека, расклеивающего антисоветские листовки, чернящие нашу страну, перестройку, партию. Разве нельзя было пресечь всю эту гадость?

Дальше разговор состоял больше из воспоминаний о службе, вернулся к началу событий в Тбилиси.

За два дня до этого часть возвратилась из Степанакерта.

Каждый был занят своим делом. Приводили в порядок снаряжение и экипировку, ремонтировали боевые и транспортные машины, отлаживали другую технику.

Внезапные события резко усложнили и без того напряженный режим работы военнослужащих. Из передач местного радио и телевидения солдаты узнали о том, что в Грузии, в ее древней столице, несколько дней кряду возникали и проходили несанкционированные митинги и демонстрации антисоветского характера. Нормальная жизнь города оказалась парализованной.

Потребовались экстренные меры. Правительство ГССР призвало на помощь подразделения внутренних войск и Краснознаменного Закавказского военного округа.

Уже в 17 часов 6 апреля 1989 года часть получила задачу частью сил, во взаимодействии с органами внутренних дел, обеспечить надежную охрану общественного порядка в районе Дома правительства ГССР и телецентра.

ВРЕМЯ НЕ ЖДАЛО. Командир части полковник Л. Выскребенец на совещании офицеров предельно кратко довел задачи, начальник политического отдела подполковник П. Волошин напомнил подчиненным особенности политической работы по выполнению полученного приказа.

Опыт многодневной службы в НКАО сполна пригодился офицерам и солдатам. Прошли считанные минуты, и батальоны прибыли к месту службы. На улицах стало больше патрулей от подразделений Советской Армии, нарядов милиции. Ситуация менялась буквально по часам.

ЗАКАВКАЗЬЕ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ

Хулиганствующие элементы ночью пытались нападать на военнослужащих. Военные машины забрасывали камнями и бутылками. Отмечались неоднократные попытки срывать листовки с текстом Обращения военного коменданта к населению города Тбилиси, гражданам республики. Кое-где расклеивались прокламации антисоветского содержания, варварски уничтожались памятники, осквернялись дорожки сердцу каждого честного человека могилы. На дверях квартир, где живут военные, появились зловещие кресты.

Солдаты с возмущением обсуждали происходившие события. Особенно поразили их сообщения о том, что значительно усилилось волнение среди молодежи. Так, в актовом зале Тбилисского государственного университета, как об этом сообщала местная пресса, состоялось собрание, где активно муссировалась мысль об образовании «временного правительства», раздавались призывы к гражданскому неповиновению.

А вот на митинге возле Дома правительства один из лидеров возмутителей спокойствия Церетели громко заявил, что он располагает информацией о том, будто бы правительство Грузии хочет вступить в контакт с лидерами неформалов. Однако мы (кто это мы? — А. Ш.) ни на какие переговоры не пойдем и от лица свободной Иверии (далеко зашли! — А. Ш.) будем говорить лишь с Кремлем. Не вяли митингующие увещаниям католикоса всей Грузии Или Второго, грубо оскорбляли и прерывали его призывы к благоразумию.

Страсти накалялись. Большинство участников собрания у Дома правительства — студенты, школьники, трудящаяся молодежь. Как и предполагали неформальные лидеры, они, эти девушки и юноши, фактически стали их своеобразными заложниками. В расчете именно на молодые горячие сердца, их душевную эмоциональность эти горе-вожди во все более грубой форме пропагандировали антисоветские лозунги, открыто звали к свержению Советской власти в Грузии.

А если уж говорить откровенно, все это было похоже на попытки государственного переворота. Иначе как объяснить обращение к западным державам, создание забастовочных комитетов, пикетирование заводов и фабрик, вузов и школ, призывы «до конца стоять» у Дома правительства.

Нехватка политической зрелости, амбициозность и демагогия позволили организаторам беспорядков создать драматическую неуправляемую ситуацию.

В этой связи части отводилась очень важная, но несколько иная роль, отличная от задач других подразделений внутренних войск и Советской Армии. Ей предстояло отсечь бушующую толпу от Дома правительства, надежно охранять его, не допустить прорыва экстремистов внутрь здания. Эту задачу часть получила в 23.30 8 апреля. Действия по вытеснению толпы с площади назначили на 4.00 9 апреля. На подготовку оставалось 5 часов. Продумывалось материально-техническое обеспечение предстоящих действий, форма одежды, снаряжение и экипировка

солдат. Политработники провели беседы о важности задач по охране общественного порядка, предупредили воинов об ответственности за нарушение социалистической законности.

Действия начались, развивались и проходили в строгом соответствии с данными распоряжениями. Воины действовали мужественно, проявляли самоотверженность, самообладание и высокую политическую сознательность. Примеров тому множество.

Отсекая толпу хулиганов от Дома правительства, оставляя проходы для выхода одумавшихся и помогая им покинуть место сбора, воины внутренних войск и милиционеры встретили яростное сопротивление, многие демонстранты находились в нетрезвом состоянии, были вооружены палками, камнями, арматурой. Но несмотря на опасность умело и слаженно действовали подчиненные офицеров Л. Грищенко, Р. Залалутдинова, В. Любовацкого. Высокое личное мужество, самообладание, смелость проявили капитан С. Можаяев, старшие лейтенанты С. Костеневич, Э. Сомов, сержант Г. Любишин, младший сержант В. Клинов, ефрейтор Г. Леушканов.

В ОИНАМ ПРИШЛОСЬ встретиться с подлостью и коварством, порой жертвовать собой в борьбе с этим злом. Младшие сержанты Александр Богатов и Сергей Сивков, например, увидели, как группа разъяренных молодчиков напала на пожилых мужчин и женщин, находящихся в толпе демонстрантов, и пыталась с ними расправиться: кто поймает в этом хаосе, что здесь за потасовка? Зато вотом можно будет всю вину свалить на солдат, милицию, очернить их в глазах общественности. Не раздумывая, младшие командиры бросились на выручку людям, пресекли избиение, переправили пострадавших в более безопасное место. Но подлость не хотела мириться с поражением. Несколько хулиганов незаметно подкрались к воинам сзади, ударили ножами в спины.

Особенно ярко выветилось в ходе событий войсковое товарищество, готовность грудью встать на защиту своих командиров. Так, рядовой Сергей Пряхин прикрыв собой командира батальона. Заметив, что к офицеру, поднимающему упавшую женщину, прорывается хулиган с металлическим прутом, воин бросился ему наперерез и успел вовремя. Отважный солдат получил тяжелую травму.

Как показывают конфликтные ситуации, в первую очередь экстремистские элементы вели «охоту» за офицерами и их семьями.

Не случайно по решению военного коменданта жилища офицеров были взяты под охрану. Но надо отдать должное благоразумию жителей города — никаких эксцессов они не допустили.

С кем бы я ни встречался из тбилисцев — у всех на устах одно: скорее бы стабилизировалась обстановка.

Верится, что так и будет. Барьером на пути подлости становится наше ратное братство, наше войсковое товарищество.

Полковник А. ШЕМАЕНКОВ,
наш спецкор.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- КТО ЖЕ НАРУШАЕТ ЗАКОН?
- АУ, АНОНИМЩИК!
- ПЛАТИТЬ ПО ТРУДУ
- ХОЧУ КУПИТЬ МАШИНУ

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Почему я не участвовал в выборах?

Как гласит Закон СССР о выборах народных депутатов, избирать — право, а не обязанность. То есть это дело сугубо личное и добровольное: хочу — голосую, а не хочу — не голосую. Все как будто очень просто, демократично. Но, однако, без каких-либо причин взять и не голосовать — по меньшей мере несерьезно.

Вот и у меня решение отказаться от своего конституционного права пришло не вдруг.

Начались сомнения с довольно банальной ситуации: я обнаружил свою фамилию в списке избирателей. Нет-нет, вы не подумайте, что я душевнобольной какой-то или признан судом недееспособным. Короче, я не отношусь к лицам, которые согласно Закону не участвуют в выборах. Я военнослужащий, и меня должны внести в списки избирателей. Вопрос только: в какие? Статья 32 Закона дает четкое разъяснение: либо в списки воинской части, либо по месту жительства. Но в том-то вся и загвоздка, что я не живу на территории части и вообще нигде не прописан.

Как же я попал в списки избирателей? А очень просто: члены избирательной комиссии, недолго думая, внесли меня в списки избирателей части.

Между тем я нигде не прописан несколько лет. Уже не говорю о том, что мне не предоставлено никакого жилья. В таком же положении, как и я, находится моя жена. Я не знаю пока, какие у нее конкретные возникли проблемы с выборами, потому что она сейчас живет у своей мамы в другом городе. Но то, что у моей семьи масса трудностей с реализацией элементарных конституционных прав — это утверждаю вполне определенно. Жена, к примеру, не может устроиться на работу,

лишена возможности пользоваться медицинской помощью, продолжать образование.

У нас подрастает сын, ему через год в школу идти, а возьмут ли его туда, учитывая положение родителей?

Наконец, в городе, где я служу, существует талонная система распределения мяскоколбасных изделий, сахара, масла и т. д. И тут мы обделены — нет прописки!

Однако вернемся к выборам. Внося мою фамилию в списки избирателей, члены избирательной комиссии совершили подлог документов и, если руководствоваться статьей 13 Закона, должны нести за это ответственность. Но они, мне кажется, не виноваты ни в чем, поскольку не члены избирательной комиссии решают вопросы прописки и обеспечения военнослужащих и их семей жильем.

Тех же, кто эти проблемы должен решать, вот уже в течение двух с половиной лет не могу найти. Все это время живем мы под страхом быть уличенными в нарушении паспортного режима, а то и «загреть» по соответствующей статье УК РСФСР за бродяжничество...

Вот такие невеселые мысли не давали мне покоя накануне выборов и в день их проведения 26 марта. Вот чем вызван отказ мой от голосования.

Впрочем, мой поступок — даже не отказ, а вынужденная мера. Кто меня может упрекнуть в непоследовательности? Кто подскажет, как жить в таких условиях? Неужели штамп о прописке у нас решает все?

Кто же все-таки должен помочь мне прописаться?

Прапорщик С. ПРОЦЕНКО.
УВВ по Западной Сибири.

ИЗМЕНИЛИ ТАКТИКУ...

Чего только не было в этом письме! Тут тебе и противоречия, и грубые, ничем не подкрепленные выпады в адрес начальников, и «доказательства» их вины, целиком построенные на слухах...

Если же отбросить эмоции и ничего не значащие рассуждения о якобы поспрессанной справедливости, то суть конфликта можно выразить следующим образом: группа курсантов, чьи интересы представлял Сергей Иванов, недоумевала, почему срок их учебы на прапорщика продлен чуть ли не вдвое? Дескать, заманили людей, пообещав, что будут они заниматься три месяца, а путь к желанному званию оказался гораздо длиннее. Правда, из письма же следовало и другое: что о нововведении прибывшим на учебу объявили сразу и те, кто не захотел дополнительных хлопот и усилий, отбыли восвояси...

А вот как объясняет автор жалобы причины обру-

шившихся на него и его сослуживцев невзгод: «Среди курсантов ходят разные слухи вроде того, что их специально решили задерживать на случай каких-то чрезвычайных обстоятельств или что это, мол, перестраховка». Убедительно? Мягко говоря, не очень. Даже если и допустить, что должностные лица учебного подразделения не разъяснили подопечным, как положено, сути нововведения.

По просьбе редакции с письмом на месте разобрался офицер управления боевой подготовки ГУВВ МВД СССР. И вот что выяснилось. Срок обучения курсантов — кандидатов в прапорщики утвержден решением начальника внутренних войск МВД СССР. Сама жизнь потребовала более обстоятельной подготовки этой категории военнослужащих. Изменение нашло свое отражение и в учебных программах. В письме же сообщалось, что вновь набранная группа занималась по старым програм-

мам. Несостоятельность такого утверждения была доказана документально на собрании личного состава учебного подразделения. Здесь же был затронут вопрос об объективности автора при написании жалобы. И тут-то выяснилось, что она... анонимная: человек с указанной на конверте фамилией есть, однако он к письму никакого отношения не имеет...

Жаль, конечно, что это не было обнаружено раньше, до того, как началась работа вокруг «сигнала». Как известно, анонимки нынче не подлежат рассмотрению.

Об этом письме, может быть, и не стоило заводить разговор. Да вот беда: рассмотренная анонимка — не единственная в редакционной почте. С теми, что без подписи, мы поступаем однозначно — списываем в дело. Любители подметных опусов, надо полагать, твердость позиции редакции усвоили четко. Но не все, однако, успокоились. Кое-кто пытается продолжать свои грязные делишки, изменив лишь тактику...

Но времена нынче другие, не оставляющие анонимщикам никаких шансов на успех.

Отдел писем и информации.

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

НАДОЕЛО ЖИТЬ В ОБМАНЕ

Уважаемая редакция!

Когда в Армении произошло землетрясение, мои сослуживцы все как один решили внести свой посильный вклад в дело скорейшей ликвидации последствий стихийного бедствия. Оперативно собрали по десять рублей с каждого. Пусть небольшие это деньги, но мы предлагали их от всей души.

Каково же было наше удивление, когда вскоре на собрании прапорщиков услышали, что от нашего коллектива в фонд пострадавшим от землетрясения перечислено на 210 рублей меньше собранной нами суммы. Выходит, кто-то их присвоил? Уж не командир ли роты капитан В. Свиридов — ведь именно ему по списку передан весь наш сбор?

Начали разбираться. К выяснению истины подключился политотдел части. В ре-

зультате появилась... новая ведомость, в которой стояли уже совсем другие суммы добровольных взносов военнослужащих подразделения. Таким образом, видимо, намеревались увести от ответственности замешанных в неприглядной истории с «пропавшими» деньгами.

Я и прапорщик С. Соколов отказались подписаться в липовом документе. Хотя, например, на меня пытался оказать давление заместитель командира роты по политической части капитан В. Миргородов.

Получается, на словах все мы за перестройку, а делами своими все тут же перечеркиваем.

Надеюсь, вы поможете объективно разобраться в конфликте и назвать вещи своими именами. Надоело жить в обмане.

Прапорщик Т. АСЛАНОВ.

Приволжское УВВ.

ОПЕРАЦИЯ ПРОШЛА УСПЕШНО

Дело приняло неожиданный оборот. В Институте хирургии им. А. В. Вишневского моей жене в операции отказали: дескать, время упущено. Состояние ее ухудшалось. Тогда ведущий хирург Центрального военного госпиталя внутренних войск МВД СССР подполковник медицинской службы Д. Долгополов решился таки на хирургическое вмешательство...

Операция прошла успешно. Спасибо вам, товарищи Кит, Долгополов, Трофимов, Черненко, Корсаков! Спасибо вам, люди в белых халатах! Внутренние войска могут гордиться такими мастерами благороднейшей из профессий.

С. ГОРИСТОВ, майор в отставке.

ВОПРОС РЕБРОМ

ЗАРАБОТАЛ — ПОЛУЧИ

Стойко переносить тяготы и лишения воинской службы — наша уставная обязанность. Но в последнее время нам напоминают о ней так часто, словно и не прапорщички мы, а новобранцы на учебном, не разобравшие, почему фунт лиха. Конечно, лицам ответственным проще всего сослаться на безвыходность положения, подкрепив для пущей убедительности столь обтекаемую формулировку выдержкой из устава. Во всяком случае намного проще, чем всерьез задуматься над тем, как облегчить условия контролерской службы и быта семей прапорщичков. А они, эти условия, к сожалению, далеки даже от минимально приемлемых.

Посудите сами. Каждому контролеру отводится вполне конкретный и немалый по всем меркам участок службы. А что делать, если участков почти в полтора раза больше, чем контролеров во взводе на сегодняшний день? Да плюс к тому, еще два-три человека, как правило, в отпуске или на больничном? В теоретическом плане вопрос несложный, его решение под силу и школьнику младших классов. А вот в практическом...

Есть два выхода. Первый — сделать все возможное и невозможное для того, чтобы привести численность личного состава взвода в соответствие со штатным расписанием, — требует немалых затрат сил и энергии от командования и администрации ИТУ. Видимо, поэтому у нас выбрали второй выход, менее хлопотный и затратный: назвать трудности, переживаемые нами, временными (хотя тянется все это уже около года). Тогда следует только распорядиться: в силу служебной необходимости организовать несение контролерской службы имеющимися людьми. Понятно, что ему, командованию, это ничего не стоит. А чего это стоит нам и как сказывается на качестве службы, — можно представить. Достаточно сказать, что положенное количество постов не выставляется, а там, где следует нести службу попарно, дежурит один.

Почему же никто не рвется, не горит желанием пополнить собой поредевшие ряды нашего малочисленного и скудеющего день ото дня взвода? Неужели армейская служба утратила привлекательность и престижность? Или, может быть, кадровки плохо агитируют новые «кадры»? Не в этом дело. Видимо, и престиж, и агитация, не подкрепленные конкретными, овестьствованными «аргументами», недорого ценятся. Да и что они могут посулить новичкам, кроме трудной службы с увеличенной служебной нагрузкой?!

С жильем туго. И не только потому, что его нет, то есть не строят, а потому, что дают его контролерам весьма неохотно. Такой пример: осужденный, освобождаясь из нашего учреждения, устраивается тут же поблизости на работу, и его сразу обеспечивают жильем. С нами разговор другой, и единственное, на что могут определенно рассчитывать молодые прапорщички и военнослужащие сверхсрочной службы, — это солдатская казарма. А каково тому, кто уже успел обзавестись семьей?

Не удивительно, что в последнее время прибывших во взвод вдвое меньше покинувших его.

Не пора ли подумать о том, что дополнительный труд наших контролеров должен дополнительно и оплачиваться? Понятно, что служим мы не длинного рубля ради: он, кстати сказать, не такой уж и длинный. Но ведь материальная заинтересованность и стяжательство — понятия абсолютно разные, и каждый имеет право на то, чтобы получать по труду. Журнал «На боевом посту» уже писал как-то, что моральные стимулы при всех их достоинствах и в армейской среде совсем не мешают материальным и не исключают их. Напротив, они неплохо сочетаются друг с другом, и нередко материальные оказываются куда эффективнее. Уж коли несем я и мои товарищи службу не только за себя, но и за тех, кто не желает жить и трудиться в глубинке, почему бы нам не получать за них, пользующихся всеми благами и удобствами городской жизни?! Думается, и социальная справедливость состоит не в том, чтобы все получали поровну, а в том, чтобы каждый получал содержание в зависимости от своего вклада.

Прапорщик Ю. ОЛИЙНИЧЕНКО,
Ордена Красной Звезды УВВ по Северо-Западу и Прибалтике.

В конце прошлого года был на сборе, который проводился в соседней части. Так вот там зампотех разъяснил по нашей просьбе порядок приобретения военнослужащими транспортных средств в личное пользование. Полученной информацией я, возвратившись в роту, поделился с сослуживцами. Вскоре я и несколько прапорщиков написали, как положено, рапорты по команде с просьбой поставить в очередь на машину. Однако командир нашей части отказал нам, ссылаясь на то, что прежде надо получить заключение ВВК и сдать зачет по знанию правил дорожного движения. Кому же верить! И где логика! Состояние здоровья у нас проверяют ежегодно, зачем еще ВВК! Зачем пороть горячку с правами, если неизвестно, когда будет транспорт!

Нужны ли такого рода искусственные преграды в нашей нелегкой службе! Их и без того хватает.

Капитан В. КАРПОВ.

267

вителями общественности готовят списки кандидатов на приобретение легковых автомобилей и (отдельно) мотоциклов с колясками. Списки эти составляются с учетом очередности подачи рапортов (заявлений). В первую очередь в них включаются инвалиды Великой Отечественной войны, участники Великой Отечественной войны, отличники боевой службы, боевой и политической подготовки, победители социалистического соревнования.

Запрещается включать в списки лиц, не проходящих на день их составления службу или не работающих в воинских частях.

Уволенные в запас или отставку военнослужащие внутренних войск обеспечиваются автомобилями и мотоциклами через военкоматы по месту жительства наравне с другими военнослужащими (приказ МО СССР № 88—1988 г.). Причем такое право предоставляется тем из них, кто имеет выслугу 25 лет и более.

Что же касается тех, кто проходил службу в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане, то льгота на приобретение транспорта в личную собственность им не предусмотрена. Только инвалиды из числа военнослужащих, выполнявших интернациональный долг, при наличии соответствующих медицинских показаний могут обеспечиваться вне очереди бесплатно автомобилем «Запорожец» с ручным управлением.

КТО ПОСЛЕДНИЙ ЗА «ЖИГУЛЯМИ»?

ОТ РЕДАКЦИИ. Заместитель начальника внутренних войск по Украинской ССР и Молдавской ССР по тылу полковник Б. Мельник, разбивавшийся по нашей просьбе с фактами, изложенными в письме, сообщил, что командир части был неправ. Зачисление в очередь на приобретение легковых автомобилей в личное пользование производится на основании рапортов военнослужащих, подаваемых по команде.

Учитывая, что в редакцию продолжают поступать и другие письма по затронутому вопросу, мы попросили более подробно осветить его начальника службы управления тыла ГУВВ МВД СССР подполковника Г. ВЕДУТУ. Вот что он разъяснил.

Порядок продажи органами военной торговли легковых автомобилей и мотоциклов с колясками определен инструкцией, введенной в действие приказом заместителя Министра обороны — начальника Тыла Вооруженных Сил СССР от 12 июля 1979 года № 70. Он, в частности, определяет, что рапорты (заявления) на покупку вышеназванных транспортных средств регистрируются и учитываются в специальном журнале непосредственно в воинской части. На основе их ежегодно составляются и представляются по подчиненности заявки.

Командиры воинских частей, соединений, начальники училищ в пределах выделенных фондов совместно с политорганами и предста-

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ЭКОНОМИКА: — НА ПЕРЕЛОМЕ

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА «НА БОВОМ ПОСТУ» В ОРШАНСКО-ХИНГАНСКОМ КРАСНОЗНАМЕННОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

На снимках: стр. 12 (сверху вниз) — Е. Блиоков; полковник В. Ганночка; пропагандисты Центрального УВВ — участники «круглого стола»; стр. 13 (сверху вниз) — А. Салуцкий; В. Клейн; П. Малышев.

Фото А. Александрова.

ПРОВЕСТИ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» НА ТЕМУ, ВЫНЕСЕННУЮ В ЗАГОЛОВК, РЕДАКЦИЮ ЗАСТАВИЛИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПИСЬМА, ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ ВСЕ ЧАЩЕ

СТАВЯТ ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ НА КОТОРЫЕ ВОЛНУЮТ БУКВАЛЬНО ВСЕХ И КАЖДОГО. РЕЧЬ ИДЕТ О НАШЕЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ, РАЗБУДИВШЕЙ И ВСКОЛЫХНУВШЕЙ ВСЕ ОБЩЕСТВО, ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ, О РЕШЕНИЯХ МАРТОВСКОГО (1989 Г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС. НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ, В ДИСКУССИОННЫХ БЕСЕДАХ СЛУШАТЕЛИ ВСЕ ЧАЩЕ ОБОЗНАЧАЮТ ПРОБЛЕМЫ, НА КОТОРЫЕ ОДНОЗНАЧНО НЕ ОТВЕТИШЬ, А НЕКОТОРЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ УХОДЯТ ОТ ОСТРЫХ ВОПРОСОВ, НЕ ИМЕЯ АРГУМЕНТОВ ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЕСТНЫЙ И ОТКРЫТЫЙ СПОР.

В БЕСЕДЕ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ, СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР, ИЗВЕСТНЫЙ ПУБЛИЦИСТ; ПАВЕЛ МАЛЫШЕВ, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР; ЕВГЕНИЙ БЛИОКОВ И ВЛАДИМИР КЛЕЙН, ВЕДУЩИЕ НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, КАНДИДАТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК; ПОЛКОВНИК ВЛАДИМИР ГАННОЧКА, ВОЕННЫЙ ЭКОНОМИСТ; ПОЛКОВНИК ВЛАДИМИР ДУРБАЖЕВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО УВВ ПО ТЫЛУ.

ВЕЛ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПОЛКОВНИК АЛЕКСАНДР ГОРЛОВ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК.

УЧАСТИЕ В БЕСЕДЕ ПРИНЯЛИ ТАКЖЕ ПРОПАГАНДИСТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК И ЧАСТЕЙ МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА, ОФИЦЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА, ВЕТЕРАНЫ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК.

ВЕДУЩИЙ. В последнее время все чаще заходит речь о «белых пятнах» не только в практике, но и в теории социалистического хозяйствования. Раздаются даже такие голоса, что политической экономии социализма, как таковой, не существует. Что можно сказать о недоработках в общих вопросах экономической теории!

■ **П. МАЛЫШЕВ.** Необходимость принципиального прорыва на теоретическом фронте ныне обозначилась особенно резко, ибо политическая экономия социализма оказалась недиалектической. Жизнь диалектична, а наука — вопреки этому. Такой парадокс. Главная беда нашей политэкономии в том, что она ограничилась лишь изучением наиболее общих законов функционирования, развития и смены исторически определенных общественно-экономических формаций, исключив такие актуальные проблемы, как оптимальное функционирование экономики, эффективность хозяйственных решений, соотношение затрат и результатов, рынок и ценообразование, и многие другие, зачислив их в круг явлений, «лежащих на поверхности экономической жизни». На протяжении многих и многих лет наша политэкономия была первым союзником экстенсивных методов хозяйствования. Словом, куда шла — туда и пришла. И потому перестройка экономической теории невозможна без критического переосмысления и своего наследия, богатого теоретического потенциала, накопленного мировой экономической мыслью.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** Экономическая наука социализма оказалась ненаучной и недиалектической, как вы отметили. Что же мы тогда строили?

■ **П. МАЛЫШЕВ.** Тут, видимо, следует сказать о том, что вместо изучения реального, живого социализма предпочтение отдавалось конструированию умозрительных моделей. Особенно эта тенденция проявилась в 70-е годы. И научная, и учебная, и справочная литература, и периодика фиксировали «эталонное» представление о социализме. Ему приписывали идеальные, утопические черты, а на реальность закрывали глаза. Словом, действовали по принципу: этого нет, так как при социализме этого быть не должно. Даже там, где налицо были конфликты, противоречия, предпочитали говорить о «нерешенных проблемах», «трудностях» и т. д.

Время развеяло эти иллюзии.

■ **Е. БЛИОКОВ.** К сказанному добавлю следующее. Еще в 70-х годах мы буквально кричали о проблеме внедрения фундаментальных научно-технических достижений, а, по существу, капвложений на производственное освоение этих достижений не выделялось. И мы сразу же стали катастрофически отставать от передовых стран. Именно в 70-х годах производительные силы бросили вызов производственным отношениям.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Одно очень известное произведение начинается так: «Вначале было слово...»

■ **РЕПЛИКА.** Это Библия, и этому произведению тысячи лет.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Верно. Но я не о Библии, а о том, что от неправильного, несправедливого, ошибочного слова проистекают ошибочные дела. И потому ответственность наших общественных наук, в том числе экономической, велика чрезвычайно. Плохо выполняется Продовольственная программа, пусты полки магазинов, миллиарды, вложенные в сельское хозяйство, эффекта не дали. Видимо, установки экономической науки были да и есть таковы, что никакого прорыва мы сделать не в состоянии. Попробую это доказать.

К началу 70-х годов экономическая наука обосновала так называемую концепцию сселения неперспективных деревень, принесшую нашей деревне неисчислимы беды. Исходили из грубо математической логики: в удаленных селениях, дескать, трудно создать современные условия для жизни людей, для этого требуется больше учителей, врачей, удлиняются транспортные связи. А если собрать жителей в поселках городского типа, эти проблемы значительно упростятся. Наука, казалось бы, учла с точки зрения экономики все... кроме жизненных реалий, народной психологии, исторического, нравственного, культурного опыта крестьянства. Все, кроме человеческого фактора, как сказали бы мы сегодня.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Мне помнится, что эта экономическая концепция была не просто продиктована сверху, как это нередко случалось в застойное время, а всесторонне обоснована крупными учеными!

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Именно солидные ученые доказали правомерность бюрократического требования о том, что число деревень в нашей стране надо сократить с 705 тысяч до 120 тысяч — почти в 6 раз! И тут я подхожу к главному — к самим рекомендациям. Все перечислить трудно, однако главные из них были такими: уменьшить долю колхозно-кооперативной собственности, преобразуя колхозы в совхозы и формируя собственность общенародную. Говорилось о необходимости на 40 процентов снизить объем продукции личных подсобных хозяйств сельских жителей, избавить многих из них от подворий и перейти на селе к магазинному снабжению продуктами. Предполагалось и в дальнейшем уменьшить число мелких деревень, переселяя жителей в крупные поселки. Наконец, ставилась задача к 1990 году на 40 процентов увеличить на селе продажу алкогольных напитков.

■ **ГОЛОС ИЗ ЗАЛА.** Словом, окончательно спойте деревню, подтолкните крестьянство к деградации!

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Думаю, что комментарии здесь излишни. Но все-таки мне представляется полезным сопоставить ту концепцию с направлением нынешней аграрной политики.

Ведь сегодня мы взяли курс на всемерное развитие кооперативных начал и личных подворий, пытаемся возродить вымо-

рочные села и хутора, ведем борьбу с пьянством и алкоголизмом. Все наоборот! А ведь рекомендации, высказанные в вышеупомянутом прогнозе, не остались на бумаге. Этот «сценарий будущего» деревни оперировал сотнями миллиардов рублей капиталовложений, предлагая инвестировать их в «урбанизацию» сельского хозяйства, что и было сделано. Наш аграрный поезд, если говорить откровенно, был направлен в тупик, из которого мы теперь с превеликими трудностями вынуждены выбираться.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** Кто же был автором такой крупномасштабной диверсии против деревни, и в основном российской?

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Недавно в «Новом мире» писатель Василий Белов, сетуя на роковую роль таких научных разработок, предложенных правительству, заметил: «Кто был папаша, судить трудно». Кто был папаша — и впрямь неизвестно, зато мамашу назову: академик Татьяна Ивановна Заславская. У этой бесчеловечной теории шестикратного сокращения деревни есть и крестный отец — бывший директор Института экономики и организации производства Сибирского отделения Академии наук, в стенах которого Заславская разрабатывала проект истребления села, академик Аганбегян.

Вот такие рекомендации науки подвели нас к пропасти. За гибельное дело урбанизации деревни Т. И. Заславская удостоилась звания членкорра, а затем и академика. Ныне она руководит очень важным участком — социологией и, как говорится, идет в авангарде перестройки.

В заключение скажу, что небезыntenесен вопрос, заданный в журнале «Наш современник» поэтом Борисом Куликовым: «Товарищи Заславская и Аганбегян не сегодня стали академиками. Очень хотелось бы узнать, за какие такие выдающиеся экономические открытия и их практические внедрения нынешние смельчаки удостоились столь высоких степеней и званий?»

Видимо, хотя бы частично я ответил на этот вопрос.

■ **Е. БЛИОКОВ.** Думаю, что упоминаемая здесь академик Заславская следовала линии технократов. В то время шло наращивание единичной мощности сельскохозяйственной техники (трактор К-700, комбайн «Дон» и другие крупные машины). Естественно, встал вопрос о крупных формах хозяйствования. Но в этой логике экстенсивного развития мы попали в ловушку. Комбайн «Дон» оказался невыгодным. Техническая идея, направленная на укрупнение, увеличение мощностей вошла в противоречие с самым главным — с землей. Какой здесь выход? Я считаю, что сейчас малые формы хозяйствования, которые будут использовать малую механизацию, внесение органических удобрений, найдут действительно оптимальные взаимоотношения с землей.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** России нашей всегда не везет. Вот кое-кто говорит, что «Дон» плох. А для канадцев он почему-то хорош

оказался, покупают. А нам он плох. Мы все время говорим о системах мер, и опять человек остается в стороне. Как ему на земле работать? Мы надеемся найти панацею в технике, в комплексах колоссальных, в малых формах, которые нас спасут. Понимаете, не спасет это, нас губит экономкратический подход. Расчеты идут вне зависимости от условий жизни человека. Не просто социально-экономических условий, а во всей взаимосвязи его жизни и работы на земле.

■ **Е. БЛИОКОВ.** Я только пытался сказать об удовлетворенности своим трудом. Механизатору не все равно, на какой технике работать. Не всегда он от своего труда получает удовлетворение.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Это только один из компонентов, а мы говорим о жизни на земле.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Мы сейчас подходим к очень интересному вопросу. Один из пропагандистов просил, чтобы мы попытались на него ответить. Звучит он так:

«Наблюдая за нынешними попытками взорвать деревню, вернуть крестьянину чувство хозяина, порой видишь их осколочность, статичность, отсутствие целостной концепции по решению ключевых вопросов. Есть ли такая концепция вообще?»

■ **В. КЛЕЙН.** На мой взгляд, такой концепции сейчас нет. Я внимательно выслушал Анатолия Салуцкого и согласен, что во многом виноваты наши экономисты. Действительно, подлинно научной экономической школы у нас в стране нет, и тому есть объективное обоснование. В подходах к социально-экономическому развитию страны неоправданно преобладали идеологический и политический факторы. С самого начала мы сосредоточились на создании ультрацентрализованной экономики.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Вот вы тут говорили о концепциях, что их нет. Так вот, этих концепций у нас больше чем надо. Только что вы услышали о концепции сселения неперспективных деревень. Я со своей «ненаучной» позиции считаю, что слабость всей нашей экономической политики состояла в том, что концепций было много, а вот идей не хватало. А аграрный вопрос нельзя решить такими же методами, как проблемы большой химии, машиностроения и т. д. Для крестьянства в России всегда имели первостепенное значение не только материальные факторы, а также и культура, психология, история. Но сегодня, кажется, идея появляется. Она в том, чтобы использовать всенародную тягу к земле, к памяти предков, чтобы направить силы народа на подъем глубинки, снять все ограничения, которые мешают горожанам приобретать дома в деревне, обрабатывать участки, чтобы горожане, вчерашние крестьяне, возвращались в деревни, а квартиры в городе оставались за ними, шел бы трудовой стаж и т. д. Если пойти на это, то появляется еще один канал решения проблемы занятости, когда начнут закрываться убыточные предприятия.

■ **В. КЛЕЙН.** Ясно, что небольшому хозяйству нужна опора, но в лице кого? Колхоза? Кооператива? На западе крестьяне объединены в разнообразные формы кооперативов, которые и оказывают им необходимую помощь. И эта система очень эффективна.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Возвращаюсь к вопросу о кооперативах. Ведь существует немало моделей их организации за рубежом. Кто бы хотел коснуться этой проблемы!

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что глубоко ошибается тот, кто думает, что предстоящее России можно достигнуть легко и просто узаконенными приемами, скопированными с западных.

Это наша жуткая болезнь: как там у них, давайте и у нас попробуем. Ведь условия совершенно разные. В крестьянском труде такая специфика, что просто копировать нельзя. Вот мы сейчас говорили о фермерстве. Почему бы не попробовать у нас? Конечно, можно — в Прибалтике. А возьмите того же Сивкова, архангельского мужика: дочь семь верст плывет на лодке, чтобы попасть в школу, нет телевизора, нет дороги, нельзя вызвать «скорую помощь». Кто из вас согласится жить в таких условиях? Нельзя возвращать человека к дикому состоянию, да это и невозможно. Он и не вернется. В США еще в 70-х годах 88 процентов ферм были соединены с городами дорогами с твердым покрытием. Там никого не загонишь в глубинку типа нашей. Осваивать нашу глубинку методом фермерства — безнадежно. Себя-то он прокормит, а вот товар дать не сможет. Зато глубинку можно осваивать кооперативам и артелям тем самым ленинским методом производственной кооперации, которая у нас так и не была осуществлена. Не трогая наши сильные сегодня хозяйства, нужно параллельно развивать и аренду, и кооперативы.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** «Комсомольская правда» уже несколько лет обсуждает проблему: «Выбираю местом жительства деревню». Как вы к этой идее относитесь?

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Мы этим занимаемся уже 25 лет. Почему это дело не идет и не пойдет сейчас? Пока мы будем посылать молодежь в слабые, разваленные хозяйства, она там не удержится. Объясню на примере. Я в журнале «Наш современник» опубликовал серию статей по этой теме. И мне посыпались письма, и многие от воинов: где такая артель, мы готовы туда поехать... И они хотят взять в аренду много земли, вести самостоятельное крупное хозяйство, создать кооператив по производству мяса. Да, в крупное самостоятельное хозяйство, созданное своими руками и обеспеченное в социально-бытовом отношении, молодежь пойдет. А в старые, разваленные деревни — нет. К тому же к созданию самостоятельных крупных ферм на селе у нас пока еще относятся местные руководители с подозрением.

■ **ВЕДУЩИЙ.** А как вы думаете, кто бы

мог возглавить такое движение!

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Отвечу. Вот, скажем, если бы внутренним войскам договориться с каким-либо секретарем обкома партии и послать ваших ребят после службы. Это на всю страну прозвучит. Они ведь очень быстро поднимут дело.

■ **РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА.** В войсках есть такая традиция. Она родилась в конце 20-х — начале 30-х годов, когда после службы целые подразделения образовывали совхозы, коммуны.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Сейчас нужно на новой основе это дело ставить, на кооперативных началах. Есть закон, правовая защищенность. Одно важно — найти хороших председателя, бригадиров, которые знают и любят землю. 12—15 уволенных в запас воинов горы свернут, и девчата к ним приедут.

■ **В. КЛЕЙН.** Идея привлекательная, но тут есть ряд трудностей. Пока нет принципиальных решений, на какое звено кооператив может опираться: на колхоз, совхоз или быть вообще только в орбите регулирования со стороны Советов. Кооператив вынужден арендовать землю у колхоза или совхоза. Но последние связаны директивными показателями.

Если они не склонны раскрывать свои возможности, никогда не дадут развернуть-ся аренде полностью.

«Грубейшие отступления от ленинского курса в аграрной сфере обернулись большими издержками социального, экономического и нравственного характера».

Из материала
мартовского (1989 г.)
Пленума ЦК КПСС.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Есть простой путь. Давайте с некоторых слабых убыточных хозяйств снимем план и дадим им право делать то, что они хотят. Как только снимем план, сразу же получим тот самый кооператив. Но план нужно снимать так, чтобы не перекладывать его на соседнее сильное хозяйство. План нужно снимать с района в целом. Это тот же путь, как было с переходом от продразверстки к продналогу.

■ **В. КЛЕЙН.** Но вы учтите, что в любом случае это предполагает радикальные изменения во всей системе хозяйствования. Скажем, что толку от превращенного в кооператив колхоза, если он ничего не сможет купить на рынке. Ведь если он уже не связан с планом, то и фонды ему не выделяются в централизованном порядке. На рынке же ничего не купишь.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Вы рассуждаете как экономист, ученый, то есть в чистом виде. Я же исхожу из жизненной практики. И знаю много сильных председателей колхозов, которые готовы взять на буксир подобные кооперативы, дать в аренду любую технику, семена, пока они не станут на ноги. Есть предложения такого рода: направить средства на развитие фермерства, давать кредиты по 100—150 тыс. руб., но смогут ли они потом рассчитаться? Лучше вложить эти деньги в кооператив, в 10 семей.

■ **Е. БЛИКОВ.** Что-либо предлагая, надо исследовать альтернативы. Может быть, через 5 лет этого уже не надо будет и средства пропадут. Если мы направим средства на освоение глубинки, то не дадим на другое — на новую технологию, технологию фотосинтеза, к примеру, которая дает стократное повышение урожайности. Зачем нам тогда эти земли осваивать, когда можно сократить пахотные площади в 10 раз. Не нужно трогать то, что сложилось. И если кто-то живет в глубинке, нужно создавать условия для него. Если кто-то живет на освоенной территории, пусть живет. Поэтому нельзя предлагать какие-то общие формы хозяйствования для всех.

■ **В. КЛЕЙН.** Когда мы создаем арендные коллективы или кооперативы, одновременно нужно разворачивать широкую оптовую торговлю средствами производства. Каждый коллектив или крестьянин должен иметь право свободно купить трактор или комбайн или взять его в аренду. Значит, все это должно быть доступно на рынке. Но вопрос упирается в следующее: до каких пор следует допускать свободный рынок, в каких соотношениях должны быть план и рынок? Вот еще одно «белое пятно».

■ **ВЕДУЩИЙ.** Хотелось бы заострить внимание на проблеме «Войска и кооперативное движение». Тут товарищи высказали мысль, что в 30-е годы у нас организовывались сельхозартели. Были и позже инициативы, одобренные ЦК ВЛКСМ: «И в запасе останься солдатом», «Сменим рычаги боевых машин на рычаги тракторов», «После службы — на село». Сегодня в нашем разговоре обрисовался практический аспект, где можно себя и показать, и проявить. Нужна всемерная поддержка в этом деле.

■ **В. ДУРБАЖЕВ.** И кстати, возникло такое предложение. Вот, в частности, в Курской области, где дислоцируется одно из наших подразделений, имеются земли. Они принадлежат Министерству обороны, и хотя в приличном состоянии, достаточно плодородные, но на протяжении ряда лет оставлены и не обрабатываются. Мы изучали этот вопрос и вот что выяснили. Землю и имеющиеся хозяйственные постройки нам готовы предоставить в аренду на длительный срок. По соседству имеются крепкие хозяйства, которые могли бы на первых порах оказать необходимую помощь, заключить взаимовыгодные догово-

ра. Конечно же, основную нагрузку по обеспечению техникой и необходимыми материалами взяло бы на себя наше управление. Даст добро и окажет помощь ГУВВ — мы готовы взяться за создание современного высокорентабельного хозяйства.

Расчеты нами подготовлены. Это мог бы быть экспериментальный военный совхоз с подавляющим большинством вольнонаемных рабочих (преимущественно наших бывших солдат). Должности военнослужащих мы готовы обеспечить, не выходя за рамки общей численности. Возможны и другие варианты, к примеру, хозяйство, основанное на системе арендных подрядов. Где, опять же хочу подчеркнуть это, арендаторами стали бы наши бывшие военнослужащие.

В связи с этим есть пожелание нашим комсомольским организациям. Их сейчас справедливо критикуют за то, что утонули в бумагах и призывах. А тут реальная возможность проявить себя в деле. Так вот, хотелось, чтобы нашлась молодежь в наших подразделениях, которая после увольнения в запас выразила бы желание стать ядром такого хозяйства.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Это заслуживает внимания. И думается, руководство войск, Политическое управление это ваше начинание поддержит.

■ **В. ГАННОЧКА.** При современном кадровом строении Вооруженных Сил и внутренних войск вполне естественно, что усиления военнослужащих должны быть направлены на поддержание высокой боевой готовности, овладение техникой и оружием.

Законом Союза ССР «О кооперации в СССР» установлено два основных вида кооперативов — производственные и потребительские.

Участие военнослужащих в производственном кооперативе должно рассматриваться как вид совместительства, поскольку помимо основной деятельности предполагает выполнение другой оплачиваемой работы.

Как известно, в Положении о прохождении воинской службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР, утвержденном постановлением Совета Министров СССР, совместительство офицерам запрещается. В отдельных случаях такое совместительство может быть разрешено военнослужащему в персональном порядке Министром обороны СССР, Министром внутренних дел СССР, их первыми заместителями. Аналогичным образом решен вопрос о совместительстве прапорщиков, военнослужащих сверхсрочной службы. Таким образом, по общему правилу участие военнослужащих в производственных кооперативах запрещено.

Что же касается потребительских кооперативов (гаражные, жилищные, садово-огородные и т. п.), не связанных с производственной деятельностью входящих в них граждан, то каких-либо ограничений

на вступление в них военнослужащих не установлено.

Однако в связи с реорганизацией, сокращением, структурными изменениями в Вооруженных Силах в перспективе может возникнуть возможность более полного участия военнослужащих в кооперативном движении.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Сегодня нет недостатка в призывах обратиться к опыту рыночной экономики, хотя и высказываются опасения: не принесет ли его использование при социализме ущерб нравственной стороне жизни! Общественное бытие, мы говорим, определяет общественное сознание. Но ведь ни тяжелые материальные условия, ни беззакония культа личности, ни годы застоя не замутили родники нравственных сил нашего народа. С другой стороны, рынок в условиях капитализма обеспечивает высокий жизненный уровень людей, а это, судя по их отношению к общечеловеческим ценностям, не является ущербным для нравственных устоев. Так, может быть, больше заботы нужно проявлять о нравственности, тогда ей не повредит и «скашивание к рыночной стихии»!

■ **П. МАЛЫШЕВ.** Кто всерьез берется за эту проблему, тот рискует услышать: «Куда вы лезете, ведете себя так, как будто хватаетесь рукой без резиновой перчатки за провод с высоким напряжением». Вот насколько острый это вопрос.

Надо взять на вооружение формулу XXVII съезда об обеспечении здорового функционирования товарно-денежных отношений на социалистической основе. Не проблема «план и рынок», а проблема взаимодействия специфических законов социалистического производства и законов товарного обмена — вот где видится выход из тупика.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** Чайановская теория взята на вооружение многими европейскими странами. А почему не у нас? Почему, по существу, погибли такие хозяйственники, как Худенко, кто виноват?

■ **В. КЛЕЙН.** Чаще всего виновата не та или иная личность, а система. Во всяком случае, на начальном этапе становления Советской власти при том стечении обстоятельств, которое имело, роль личности была, безусловно, выше, чем сейчас, когда создан мощный бюрократический аппарат, когда приветствуется только верность догмам. Разумеется, это не снимает проблему личной ответственности за те или иные решения. Такие, как Худенко, это живой укор, бельмо на глазу у представителей жесткой бюрократической власти. Это угроза для их политической власти.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Бытует мнение, что американская и японская рыночная экономика управляется более организованно, чем наша плановая. Не проще ли перенять этот опыт!

■ **Е. БЛИОКОВ.** Да, в американской, японской экономике добились очень больших успехов, особенно в области организационного управления.

Удалось отладить прогрессивные органи-

зационные структуры управления, которые позволили сделать колоссальный рывок на пути научно-технического прогресса. Таким образом, создан механизм межотраслевого управления, чего пока нет в нашей стране.

У нас сейчас идет организация совершенно новых структур, на которые мы рассчитываем и которые нам позволят преодолеть отставание во многих областях. Ну, в частности, в межотраслевых научных комплексах. Это совершенно новые организационные структуры. Например, межотраслевые объединения. Инициатива шла снизу, от ленинградцев. То есть предприятия вышли из подчинения министерств и ведомств. Создали такого рода объединения с непосредственным подчинением центру.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Конечно, очень многому мы можем поучиться у западной экономики. С точки зрения и организации, и технологии. Но я хочу задать два вопроса. Один основополагающий: а нужно ли нам догонять Запад по организации и технологии? Представьте себе, что сейчас в наших магазинах вдруг возникает такое же изобилие, как, допустим, где-нибудь в Южной Корее, в Ольстере. А чего они там бунтуют? Чем же они все-таки недовольны? Думаю, что в западном обществе, где полки магазинов завалены продуктами, есть свои проблемы, ничуть не меньшие, а может быть, и большие, чем у нас. Но другие. У нас на полках маловато. Но вопрос у нас не стоит так: кому сегодня есть, а кому подождать. А там этот вопрос всегда витает, если, конечно, говорить по их счету. И там полно других вопросов, общество у них более социально поляризовано. Если вы, конечно, работаете, то уровень жизни на Западе выше. Но есть возможность действительно потерять все. Кроме того, безработица, об этом хорошо О. Лацис писал в «Знамени». Там даже если человек несколько месяцев без работы, то это его психологически ломает.

Второй вопрос. То, что сейчас говорили наши уважаемые экономисты о единых нормах прибыли, отчислений и так далее. Это, естественно, одна из самых болевых точек. Об этом и Аганбегян писал, экономисты на этом настаивают. Но почему это не входит в жизнь? Мне кажется потому, что у нас совершенно разные стартовые условия при переходе на самофинансирование различных предприятий. Единая норма отчислений мгновенно приводит к разорению, гибели целого ряда предприятий. А точнее, примерно трети. И в сельском хозяйстве, и в промышленности. Это венгерский вариант, по существу, с безработицей и прочими проблемами.

■ **В. КЛЕЙН.** В Венгрии пока еще безработицы нет.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Простите, уже есть. Подчеркну еще, что чисто экономические меры, не увязанные с реальной нашей жизнью, пронизывают буквально все. Если мы пойдем на то, что мы не боимся безработицы, что мы вводим конкуренцию западного толка: пусть выживает сильней-

ший и погибает слабейший, тогда никаких проблем нет. Тогда нужно вводить эту единую норму отчислений — и все. Сейчас что происходит? Богатый — богатеет, а бедный — беднеет. Уже годы идет этот процесс — после апрельского (1985 г.) Пленума. Процесс, обозначившийся совершенно четко. И стоит ввести эту меру, как треть колхозов вымрут вообще. А что это означает? Уедут люди, и земля уйдет в залежь. А сильные хозяйства (у нас их треть), как показала практика 70-х годов, они всегда были сильные, но они накормить страну досьята не могут.

■ **В. КЛЕЙН.** Я отвечаю вам. Дело в том, что единый налог — это та норма, которую государство в равной мере предъявляет всем. Да, предприятия находятся сейчас в разной ситуации — одни богатые, другие бедные. Но нужны новые решения. Предположим, будет введен такой порядок, что, скажем, добровольно какая-то часть предприятий может хозяйствовать не в соответствии с долговременными нормативами, а в соответствии с системой налогов, тогда общество в какой-то мере избавится от необходимости заниматься их проблемами. Правильно? Это касается тех предприятий, которые сейчас могут платить налоги. Зато мы можем сосредоточиться на нуждах как раз слабых предприятий. Это легче, чем заниматься всегда всеми. Конечно, проблема переходного периода — это всегда особенно острая проблема.

«Из самой сущности социалистического строя вытекает необходимость демократических методов управления экономикой, всеми общественными процессами. А из этого следует неприемлемость командно-административной системы».

**Из материалов
мартовского (1989 г.)
Пленума ЦК КПСС.**

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Нельзя забывать, что экономика, в том числе высокоразвитая, высококонкурентная, очень сильно связана со всеми другими факторами жизни. Мне приходилось довольно много бывать на Западе, и я себе это хорошо представляю.

■ **В. КЛЕЙН.** Дело в том, что сознание-то наше портится от пустых магазинов. Видите, как народ нервничает?

■ **Е. БЛИКОВ.** Дефицит рождает аморальное поведение.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Спор, который мы завели с экономистами, очень важный, принципиальный. Экономисты такого толка, как Н. Шмелев, например, предлагают запад-

ные образцы внедрить у нас. Но давайте что-то свое попытайтесь предложить!

■ **В. КЛЕЙН.** Вы в этом смысле правы. Но учтите, что если мы отвергаем все общие закономерности развития любого общества, то тем самым говорим, что мы принципиально другие люди, что ли? Если бы не было общих закономерностей развития любого общества, то нужно отвергнуть, скажем, Маркса или Ленина.

Мы все время что-то придумываем, а нужно всего лишь создать такие условия, чтобы не мешать работать крестьянину так, как он того хочет. Ситуация, к сожалению, такова, что на современном этапе развития человеческой цивилизации возможности науки меньше, чем значение практики. И наука во многом должна именно следовать практике и пытаться ее постигнуть. А мы все пытаемся придумать какую-то теорию и подогнать под нее практику. Это в принципе неверный подход.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** Или взять перекосы, которые происходят в нашем кооперативном движении. Пенсионерка Лидия Ивановна Иванова из Свердловска пишет мне с горечью: «Слышали как-то по радио, кооперативы созданы на Севере, они собирают там ягоды — бруснику, клюкву, еще и грибы и продают за границу. Так почему же за границу да почему же это не нашим детям ягоды? Детей у нас более чем достаточно больных, но говоря о здоровых детях, чтобы они ягоды кушали. Почему лучше для заграницы, а что же нам останется?»

Но все это блекнет перед другим фактом, о котором говорю не без содрогания. Об этом факте сообщила в Минмедбиопром одна из иностранных фирм, на которую, видимо, он произвел шокковое действие. Ведь один из кооперативов предложил ей за валюту... донорскую кровь! Совсем недавно десятки стран мира, откликнувшись на трагическую беду Армении, передавали нам благороднейший, бесценный дар — донорскую кровь. Десятки тысяч советских людей пришли на донорские пункты, чтобы помочь пострадавшим от землетрясения. А в это время кто-то прицеливается торговать кровью на экспорт.

Понятно, факт единичный, исключительный. Конечно, он не должен бросать тень на кооперацию в целом. Однако заставляет задуматься над тем, какие темные силы группового эгоизма разбужены девизом «Что не запрещено, то можно!» Но ведь хорошо известно: одна крайность быстро порождает другую. Нынешние всплески такого эгоизма стали следствием всеохватных запретов прошлых лет. И сегодня нам угрожает шараханье в обратную сторону: ужаснувшись иным антиобщественным проявлениям, не попытаемся ли мы так регламентировать кооперативное движение, что в конце концов станет запрещено «все, что можно?»

Как ни странно, к такому развитию событий подталкивают прежде всего экстремистские требования некоторых экономис-

ЭКОНОМИКА: НА ПЕРЕЛОМЕ

тов дать право «безбрежной» инициативы для кооперативов. Не имея опыта в новом деле, мы на первых порах и без того поторопились, слишком раздвинув границы кооперации, и недавно под давлением самой жизни вынуждены были упорядочить деятельность некоторых ее видов. На мой взгляд, это верный шаг, позволяющий несколько снять социальную напряженность, возникшую вокруг кооперативов, сблизить групповые интересы различных слоев общества. Сначала надо бы набраться опыта, отладить налоговые и лицензионные службы, а уж потом шагать дальше.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Экономическая реформа и армия. Эта проблема все чаще обсуждается в прессе. Раздаются голоса о переходе Вооруженных Сил к кадрово-милиционной системе и в перспективе — к милиционной. Некоторые горячие головы предлагают создание так называемых национальных частей в республиках, а экстремистские элементы пытаются вообще противопоставить народ армии, используя при этом средства массовой информации. Есть факты попыток дискредитации в глазах советских людей внутренних войск, их важных государственных функций по обеспечению общественного порядка в стране. Какие будут суждения по данной проблеме!

«...У нас не только практика, но и наука оказалась беспомощной, не смогла предложить сразу необходимые проекты, меры, которые бы помогли нам создать нужные механизмы, обеспечили переход к эффективному хозяйствованию».

Из материалов апрельского (1989 г.)
Пленума ЦК КПСС.

■ **В. ГАННОЧКА.** Касаясь этих вопросов, воспользуюсь выступлениями в печати Маршала Советского Союза С. А. Ахромеева и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерала армии М. А. Моисеева. Итак, существует ли для Советского Союза военная опасность и угроза сегодня? Пацифистские дебаты на этот счет вредоносны. В результате наших известных инициатив напряженность снизилась, уменьшились военная опасность и угроза в мире в целом и для СССР. Но имеет место и другое. По-прежнему руководители администрации США и Пентагона повторяют, что по отношению к Советскому Союзу они проводят политику силы. Об этом говорят и практические действия США. Мы люди военные и обязаны все это учитывать.

Теперь о переходе на территориально-милиционную систему комплектования. Речь

идет, по существу, о наемной армии, но при этом игнорируется тот факт, что милиционная система при современных сложнейших средствах борьбы абсолютно нереальна, а профессиональная наемная армия — это колоссальное увеличение расходов на нее. Естественно, нам это еще не под силу.

■ **В. ДУРБАЖЕВ.** Думаю, что в условиях научно-технической революции и повышенных требований к боевой готовности милиционная система — это шаг назад. Что значит изучать, так сказать, приватно технику и тактику в условиях современных средств вооруженной борьбы? К тому же к неказарменной военной службе мы не готовы с точки зрения и нашей общей культуры.

■ **ВЕДУЩИЙ.** Следует сказать и о том, что армия, внутренние войска — активные участники народнохозяйственного экономического процесса в стране. И это еще больше сближает народ и армию. Любая боль страны воспринимается ее вооруженными защитниками как своя собственная. Так было в Чернобыле, когда первыми на место беды прибыли воины внутренних войск и армии. Так было в Армении. Не замечать мужества, самопожертвования военнослужащих в экстремальных ситуациях, а также в беззаветной службе по охране общественного порядка могут только те «заинтересованные лица», которым на руку извращенные понятия о гласности, демократизации, перестройке, которые исповедуют вседозволенность и анархию. В этой связи нельзя не сказать о попытках некоторых газет Литвы опорочить конституционную всеобщую воинскую обязанность, являющуюся почетным долгом советских граждан, государственное предназначение внутренних войск. Это они распространяют небылицы о «испачканных погонах, грязном мундире внутренних войск». А вот что пишет газета «Вечерние новости» г. Вильнюса: «Пропагандистская машина давно сделала свое черное дело. Она сформировала и закрепила извращенное лицо армии. По-прежнему нашу молодежь — и рабочую, и академическую — гнетет бремя всеобщей воинской обязанности». Кто же этот «специалист» по проблемам защиты социалистического Отечества! Это некий Ритис Тарайла, который свой собственный опыт службы живописует так: «Попал в сержантскую школу. И сразу понял, что мое представление об армии, как бы это выразиться, не соответствует действительности. Меня сразу же заставили не просто приспособиться к жизненным нормам сомнительной ценности, а просто-напросто беспрекословно подчиняться» (!!) И тут же Тарайла выдает признание: «В своей журналистской практике я лишь раз писал на военную тему». Вот такие «знатоки» и формируют у читателя черной лик армии.

■ **А. САЛУЦКИЙ.** К сожалению, подобных «оценщиков» немало не только по отношению к армии и внутренним войскам. Они, ничтоже сумняшеся, берутся сказать

«новое слово» в экономике, без взвешенного подхода вторгаются в аграрную политику, не говоря уж об искусстве и литературном процессе.

В этой связи показателен очерк Н. Шмелева «Новые тревоги» («Новый мир», 1988, № 4), в котором автор, отмечая трудности нынешнего этапа экономической перестройки, пишет: «Нужен успех, видимый успех — успех не когда-то, а уже в ближайшее время. Этот успех мог быть достигнут уже в прошлом году, если бы не сознательное (или бессознательное — что не легче) сопротивление перестройке, особенно на селе, не парализовало подобную возможность».

Из этих строк нетрудно понять, что их автор все неудачи списывает исключительно на силы торможения и полностью игнорирует несовершенства собственной программы «экономического оздоровления», высказанной годом ранее. Силы торможения, конечно, существуют и действуют, однако утверждать, будто бы уже в 1987 году, если бы не эти силы, аграрный сектор добился бы «видимого успеха», — это значит проявлять полнейшую неосведомленность о тех сложных процессах, какие протекают сейчас в деревне, причем на всех уровнях — от бригады до райкома партии. К сожалению, перелома в аграрных делах пока не произошло, прежде всего не произошел перелом в сознании рядового крестьянина. И между прочим, не в последнюю очередь по той причине, что умозрительные концепции самого Шмелева, в том числе и по части фермерства, оказались чуждыми крестьянину. И списывать все только на силы торможения, на «молчаливый заговор против перестройки» — есть в очерке и такие слова, — по меньшей мере, недобросовестно. Такая позиция, подстрекая к выискиванию повсюду «врагов перестройки», в то же время препятствует объективному и разностороннему изучению реальных обстоятельств нынешней аграрной экономики, предлагает, по словам Л. Н. Толстого, «ломить по-европейски».

■ **ВЕДУЩИЙ.** Выступая в ООН, М. С. Горбачев говорил о конверсии военного производства — переходе от экономики вооружений к экономике разоружения. Насколько это реально в обозримом будущем?

■ **В. ГАННОЧКА.** Прежде всего, что такое «конверсия». В политическом и экономическом лексиконе этот термин только начинает приобретать права гражданства. Он обозначает постепенный перевод части мощностей оборонной индустрии на мирные рельсы. М. С. Горбачев призвал народы и государства — участников мирового сообщества к демилитаризации международных отношений. Подкрепляя слова делами, наша страна объявила о том, что военный бюджет СССР будет урезан на 14,2 процента, а производство вооружений и военной техники — на 19,5 процента.

Эти цифры определяют и масштабы конверсии советского военного производства, план которой сейчас разрабатывается

в рамках проводимой в стране экономической реформы.

Конверсия военного производства, перевод военной экономики на мирные рельсы — дело не простое. Оно потребует огромных усилий и немало времени, но позитивные сдвиги уже налицо. Ныне на заводах оборонной промышленности изготавливается почти 10 миллионов телевизоров, 95 процентов всех отечественных холодильников и множество другой бытовой техники.

Конверсия предполагает не только сокращение и перепрофилирование военного производства, но и использование в народном хозяйстве снимаемой с вооружения боевой техники. Из 10 тысяч танков, которые СССР сокращает в Европе, только 5 тысяч будут физически ликвидированы, остальные переделаны в тягачи для гражданских нужд.

■ **ВОПРОС ИЗ ЗАЛА.** Не скажется ли конверсия на обеспечении безопасности нашей страны?

■ **В. ГАННОЧКА.** Говоря о наших инициативах по сокращению Советских Вооруженных Сил, М. С. Горбачев в своем выступлении в ООН подчеркнул: «Мы будем поддерживать обороноспособность страны на уровне разумной и надежной достаточности, чтобы ни у кого не возник соблазн посягать на безопасность СССР и его союзников».

К этому трудно что-либо добавить.

■ **Е. БЛИОКОВ.** Заданный вопрос имеет такой ракурс. До недавнего времени у нас существовало два сектора экономики: военная и, так сказать, гражданская. Жили и работали они по разным совершенно критериям. В военной экономике был один критерий — критерий превосходства. А в гражданской — вала. А такого автономного существования долго не может быть. И в гражданской экономике должны быть критерии высокого качества и превосходства. Надо укрепить гражданские отрасли, повысить их уровень. И тогда при необходимости можно будет гражданскую продукцию быстро переводить на военную. А сейчас получилось, что гражданская авиация, скажем, до того низка по уровню, что военная ее использовать не может.

■ **ВЕДУЩИЙ.** В нашем разговоре мы коснулись ряда животрепещущих проблем экономической реформы, ее различных аспектов, включая военный. Естественно, что эта более чем трехчасовая беседа не претендует на окончание темы, она гораздо шире, многообразнее. Редакция намерена и впредь предоставлять страницы журнала для обсуждения актуальных вопросов современности. Мы ждем от идеологического актива войск, всех читателей новых предложений по тематике выступлений журнала, отзывов о «круглом столе».

Беседу записали
полковник Ю. ДУРНЕВ,
майор О. ВОЛКОВ.

ЕСТЬ ?? ВОПРОС? отвечаем

НА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ ГАЭС

Мы часто слышим о необходимости беречь и экономно расходовать электроэнергию. Но ведь складировать ее невозможно.

Рядовой А. МИТУСОВ.

В реализации Энергетической программы СССР особое место отводится строительству маневренных энергетических мощностей. Среди них — гидроаккумулирующие электростанции. Первая промышленная станция такого типа строится в Московской области, под Загорском. А в Литве на берегу Каунасского искусственного моря сооружается вторая ГАЭС — Кайшядорская, одна из крупнейших в республике строек пятилетки.

Что же такое гидроаккумулирующая станция и зачем она нужна? Выражение «пик нагрузки» знакомо всем. Потребление электроэнергии в течение суток неодинаково. По утрам и вечерам, особенно зимой в морозы, ее расход резко возрастает. Затем ночью электроэнергия избыток. Но ведь складировать ее, к сожалению, невозможно.

Где же выход? Вот тут-то в роли своеобразной кладовой энергии и выступает ГАЭС — гидроаккумулирующая электростанция. Как она работает? Вспомним задачу, известную еще со школьных времен: «Вода из бассейна А переливается в бассейн Б». На этом принципе и основано действие ГАЭС. Верхний бассейн станции располагается на сто метров выше Каунасского моря, которое выполняет роль нижнего бассейна. Соединят их восемь напорных трубопроводов. В здании ГАЭС разместятся восемь обратимых агрегатов — турбонасосов мощностью по 200 тысяч киловатт каждый. Ночью, когда потребность в электричестве мала, они работают как насосы — перекачивают воду из нижнего водохранилища в верхнее. Так создается потенциальный запас электроэнергии. А утром и вечером, в часы пик, откроются затворы на водоприемнике, и накопленная вода хлынет вниз, к агрегатам, которые теперь уже будут трудиться в турбинном режиме, вырабатывая электроэнергию и отдавая ее энергосистеме.

Больше двух миллиардов киловатт-

«ЕСТЬ ВОПРОС! ОТВЕЧАЕМ» — НОВАЯ РУБРИКА ЖУРНАЛА. НА САМЫЕ РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧАТ ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛИ. ИТАК, ЧТО ВАС ИНТЕРЕСУЕТ! ЕСТЬ ВОПРОС!

часов в год — такова будет добавка, которую дадут агрегаты Кайшядорской ГАЭС в Объединенную энергосистему северо-запада страны. С вводом ее в эксплуатацию повысится надежность и экономичность энергосистемы, экономия условного топлива составит около полумиллиона тонн в год.

Чтобы построить ГАЭС, в отличие от гидростанции, не нужны могучие реки, большие водохранилища. Она меньше других электростанций влияет на окружающую среду. А поскольку верхний бассейн располагается на возвышенности, его воду самотеком можно подавать для нужд сельского хозяйства.

Принимая избыточную электроэнергию от атомных и тепловых электростанций, заставляя с максимальной отдачей трудиться мощные турбины, гидроаккумулирующие станции принесут значительную экономию органического топлива.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ БЕРИИ

Известно, что предшественники Берии на посту наркома внутренних дел Г. Ягода и Н. Ежов имели прямое отношение к организации массовых репрессий. Кто были эти люди!

Старший лейтенант И. ГОЛИК.

Ягода Генрих Григорьевич, родился в 1891 г. в Рыбинске, член ВКП(б) с 1907 г., принимал участие в организации Красной гвардии в Петрограде, участвовал в гражданской войне на Южном и Восточном фронтах. В 1919—1920 гг. — член коллегии Наркомвнешторга. С 1920 года — на руководящей работе в ВЧК—ОГПУ, член коллегии, управляющий делами. С 1923 г. — заместитель председателя ОГПУ, с 1934 г. — нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности. С сентября 1936 г. по апрель 1937 г. — нарком связи. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1927 г. и 1930 г.). Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 апреля 1937 г. Г. Ягода отстранен от должности наркома связи «ввиду обнаруженных преступлений уголовного характера». 13 марта 1938 года осужден к расстрелу и 15 марта расстрелян вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и другими, осужденными по делу так называемого правотроцкистского блока.

Ежов Николай Иванович, родился в 1895 г. в Петербурге, рабочий с 14 лет, член ВКП(б) с марта 1917 г. В ноябре 1917 г. в районе Витебска формировал красногвардейские отряды. В РККА с 1918 г. по 1921 г. по партмобилизации, военком ряда частей. С 1922 г. — секретарь Семипалатинского губкома, Казахского крайкома ВКП(б). В 1929—1930 гг. — замнаркома земледелия. В 1930—1934 гг. — заведующий Учетно-распределительным отделом и Отделом кадров ЦК ВКП(б). На XVII съезде партии избран членом ЦК, с 1935 г. — секретарь ЦК ВКП(б). С сентября 1936 г. — нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности (присвоено 27 января 1937 г.).

Постановлением ЦИК СССР от 17 июля 1937 г. «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий...» награжден орденом Ленина. В ноябре 1938 г. освобожден от должности наркома внутренних дел и назначен наркомом водного транспорта. В 1939 г. был арестован, 1 апреля 1940 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян.

ТАК ТРЕБУЕТ ЗАКОН

У одного из наших военнослужащих за нарушение правил дорожного движения при управлении личным автомобилем ГАИ изъяла водительские права. Правильно ли это, ведь военнослужащие за административные правонарушения отвечают по Дисциплинарному уставу!

Прапорщик А. ВАСИЛЬЕВ.

Обратимся к закону, к Кодексу РСФСР об административных правонарушениях. Статья 16-я определяет, что военнослужащие за административные правонарушения несут ответственность по Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил СССР. В то же время за нарушение правил дорожного движения, правил охоты, рыболовства и охраны рыбных запасов, таможенных правил и за контрабанду эти лица несут административную ответственность на общих основаниях. Исключение состоит лишь в том, что к военнослужащим не могут применяться такие меры административного наказания, как штраф, исправительные работы и административный арест.

Следует знать, что орган, принявший решение по административному проступку, допущенному военнослужащим, уведомляет об этом командование и общественные организации части, которые в свою очередь вправе применить в отношении виновного меры общественного воздействия. «С целью общественного осуждения нарушителей воинской дисциплины и общественного порядка проступки военнослужащих, по решению командиров и начальников, — говорится в статье 44 Дисциплинарного

устава Вооруженных Сил СССР, — могут обсуждаться на соответствующих собраниях личного состава по категориям военнослужащих».

Лицо, подвергшееся административному взысканию, считается не имеющим его, если в течение года со дня исполнения взыскания не совершит нового административного правонарушения.

Закон содержит и правила обжалования действий органа, наложившего административное взыскание. Жалоба на постановление может быть подана в течение десяти дней со дня его вынесения и направляется в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу.

Решение командира или начальника о наложении на военнослужащего взыскания за совершение административное правонарушение в соответствии с правилами Дисциплинарного устава может быть обжаловано в порядке, предусмотренном главой пятой названного устава.

«КАССЕТНАЯ КУЛЬТУРА»

Не раз приходилось читать и слышать «о кассетной культуре». Что это понятие обозначает? Когда оно возникло?

Рядовой А. ИНОЗЕМЦЕВ.

«Кассетная культура» возникла в нашей стране еще в начале 60-х годов, когда у молодежи широкое распространение получили магнитофоны. Это было своеобразным ответом молодых людей на нерасторопность фирмы «Мелодия», радио, телевидения.

На магнитофонные кассеты стали переписываться пластинки супермодных американских и английских рок-групп, концертные записи советских ВИА и бардов.

С развитием электроники появилась возможность записывать целые программы даже в домашних условиях, даже одному человеку (путем многократного наложения). И вот уже начиная с середины 70-х годов появляется «магнитофонный рок». Записи эти приобрели большую популярность у молодежи своим нетрадиционным подходом к слову и музыке.

«Кассетная культура» — и от этого не отмахнуться — явление современного мира.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ ЗЕМЛИ

**О НОВЫХ ПОДХОДАХ
В АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКЕ
В БЕСЕДЕ С НАШИМ
КОРРЕСПОНДЕНТОМ РАЗМЫШЛЯЕТ
НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР АПК
«МОСКВА» ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ
РЫЧИН.**

— Евгений Сергеевич, изменилось ли к вам отношение людей после избрания вас народным депутатом СССР?

— Никаких особых изменений во взаимоотношениях с коллегами у меня не произошло. Требовательность к себе, разумеется, повысил. Нужны более смелые решения. Ведь мартовский (1989 г.) Пленум партии, в работе которого мне довелось принимать участие, выработав аграрную политику КПСС в современных условиях, призвал нас развивать самостоятельность и инициативу.

— Среди военнослужащих внутренних войск срочной службы немало сельских жителей. Есть механизаторы и агрономы, шоферы и экономисты. Через некоторое время они вернутся в родные места. А сейчас следят за переменами. Им, конечно же, запомнилось, как ставился вопрос на мартовском Пленуме ЦК КПСС: мы должны с вниманием отнестись к опыту работы агропромкомбинатов, агрофирм и объединений. Возглавляемый вами, Евгений Сергеевич, агропромышленный комбинат «Москва» только что отметил третью годовщину. А сколько подобных объединений в стране? И можно ли в настоящее время констатировать, что АПК являются высокопроизводительными продовольственными фирмами?

— Первый советский агрокомбинат «Кубань» родился в Краснодарском крае. А вскоре и в Подмосковье создаются сразу три АПК: «Раменский», «Каширский» и наш — «Москва». Сейчас в стране уже 330 агрокомбинатов и агрообъединений.

Видимо, не обойтись без некоторых по-

яснений. Буду, естественно, обращаться к нашему АПК. В его состав входят совхозы, колхозы, предприятия пищевой промышленности, оптовой и розничной торговли, а также организации, специально созданные для обслуживания основного производства: автотранспортное предприятие, проектно-строительная организация, служба материально-технического снабжения, финансово-расчетный центр. И каждое из 33 хозяйств и предприятий сохраняет полную юридическую самостоятельность, работает на принципах хозрасчета и самоокупаемости. Создавая объединение, мы исходили из того, что необходимо сломать ведомственные барьеры на пути сельскохозяйственной продукции «от поля до прилавка», повысить заинтересованность партнеров при ее выращивании, доставке и реализации.

Многие интересуются, удалось ли нам осуществить задуманное. Однозначного ответа я, как правило, не даю. Форма новая, многое еще должно пройти проверку жизнью.

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что агропромкомбинаты и агрофирмы — один из наиболее реальных путей в перестройке системы управления агропромышленным комплексом в рамках районного или межрайонного звена. Ведь, скажем, АПК «Москва» за прошлый год только сельскохозяйственной продукции дал более чем на 300 миллионов рублей, причем прибавка к предыдущему году составила 14 миллионов.

— Евгений Сергеевич, наши воинские коллективы в меру своих сил и возможностей тоже участвуют в решении Продовольственной программы. Одни выращивают свиней, другие — бычков и кур, третьи — зелень и овощи. Какой бы вы дали практический совет нашим энтузиастам?

— Позволю себе обратить их внимание на такой момент: там, где начинают специализироваться на выращивании одного вида продукции, как правило, появляется нехватка в кормах, органических удобрениях или в чем-то еще. Думаю, что вашим товарищам нужно выходить в местные Советы с просьбой о выделении земельных участков. Тогда можно будет обратиться к реальной практике крестьянского подворья. Допустим, семья выращивает овощи в открытом грунте. Естественно, хороший хозяин не станет на одном участке из года в год сажать все ту же культуру, иначе земля погибнет. Без травопольного севооборота тут не обойтись. А коли появилась трава — значит, нужен скот. Есть скот, стало быть, есть и органические удобрения — опять-таки возможность увеличить урожай. Как видите, все взаимосвязано. Так что у разворотистого старшины роты будут и коровы, и свиньи, и куры, и картофель, и овощи, и погреб. Да и о таком моменте не нужно забывать: солдаты, в недавнем

СЛОВО НАРОДНОМУ ДЕПУТАТУ СССР

прошлом работавшие на земле, не потеряют навыки. Может, кого-то и из горожан привлечет сельский труд.

А после увольнения в запас приглашаю желающих на постоянную работу в наши совхозы, расположенные в Озерском районе. Это в 150 километрах от Москвы, в бассейне Оки. Там мы будем развивать агропромышленное производство на основе арендных коллективов, крестьянских хозяйств.

— От имени читателей журнала благодарю вас за рекомендации, приглашение на работу. Но давайте вернемся к проблемам агропромышленного комбината. На мартовском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что без кардинального изменения экономических отношений и социальных условий на селе не «сработают» ни капитальные вложения, ни техника. Что, на ваш взгляд, предстоит совершенствовать в методах экономических подходов, материальной заинтересованности людей?

— Действительно, тут есть о чем подумать. Ну раз у вашим хозяйственникам посоветовал позаботиться о хороших погребках, то, пожалуй, сначала разовью эту мысль.

Не секрет, что много сельхозпродукции портится на овощных базах. Какие варианты мы апробуруем сегодня, чтобы улучшить положение дел? Скажем, такое решение: совхоз сдает базе свою продукцию на хранение. Деньги же за нее получает не все, только определенную часть. Остальная сумма — после реализации. Если получена прибыль, то она делится между базой и совхозом. Так совхоз и база становятся партнерами. Одному выгодно бороться за качество при выращивании, другому — при хранении. В перспективе не исключается возможность объединения производителей и овощных баз в акционерное общество. Прибыль будет делиться по пакету акций.

Может быть и такой вариант: часть холодильных камер база передает совхозам в аренду. Тогда они сами будут складывать овощи или картофель на хранение, следить за соблюдением технологических требований, а базе платить арендную плату.

Не стоят в стороне от поисков торговые работники. Коллектив арендного магазина № 2 на Фрунзенской набережной, например, взял в аренду в совхозе «Горский» Озерского района 250 гектаров земли. Сейчас на базе магазина создана производственная бригада. Она будет выращивать разнообразную овощную продукцию и поставлять ее в магазин.

И все же в практике хозяйствования проблем еще предостаточно. Возьмем зарплату. Ее регламентацию вообще считаю самым уродливым искажением нашей экономики. Смотрите, что получается. Все мы, работники АПК «Москва», составляем один коллектив. Но оцениваются наши усилия по-разному: у рабочих совхозов и иных хозяйства одни «ориентиры», у специалистов — другие, в аппарате АПК — третьи. Как же можно без натяжек говорить о еди-

ном механизме агрокомбината? Раз я генеральный директор АПК, то почему не дать мне право самостоятельно решать, кому и сколько платить? Еще одна острая проблема — госзаказ. Дают его агрокомбинатам «под завязку». А надо бы процентов 20—25 оставлять для маневра, предоставить возможность хозяйству самому распорядиться своей продукцией.

Хочу надеяться: мои знания, мой опыт, накопленные в течение первых лет перестройки на посту генерального директора агрокомбината «Москва», помогут мне как народному депутату СССР выходить с предложениями о введении в практику наиболее действенных мер по дальнейшему развитию сельскохозяйственного производства в стране.

— Евгений Сергеевич, удовлетворяет ли вас объем сельскохозяйственной продукции, который в настоящее время поставляет АПК «Москва» на прилавки столицы, и какие в этом плане перспективы?

— Я уже называл цифры. Ежегодно мы реализуем помидоров, огурцов, зеленого лука, салата, моркови, капусты, свеклы и другой разнообразной продукции в общем объеме на десятки и даже сотни миллионов рублей. Но, знаете, я слишком хорошо помню то недавнее время, когда голова не столько кружилась, сколько трещала от обилия победных цифр, а прилавки при этом пустели, хозяйства беднели, деньги обесценивались. Так что доверие к цифре нынче подорвано. Не цифрами хотелось бы убеждать — реальным изменением дел в торговле сельхозпродукцией. Конечно, в обеспечении рынка АПК уже чего-то добились. Например, наш комбинат в так называемое несезонное для овощей время обеспечивает 80 процентов их поставок в Москву. Восемь из тринадцати наших хозяйств выращивают овощи и зелень в теплицах, они у нас расположены более чем на 400 гектарах. Однако потребность столицы в овощах в это время года мы не удовлетворяем и наполовину.

Где же выход? Нужно строить новые теплицы. Ради увеличения ассортимента, получения продукции лучшего качества, поступающей из южных районов, заключили долгосрочные договоры о поставках овощей и фруктов с хозяйствами Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Украины. Развиваем экономически выгодное сотрудничество с Венгрией, Югославией, Голландией, Францией, США.

В заключение хочу сказать, что в своей работе мы придерживаемся принципа: горожанам нужна фирменная торговля добротной сельскохозяйственной продукцией при высоком уровне обслуживания. Именно из этого мы исходили, когда подводили недавно итоги трехлетней работы АПК «Москва». После проведения анализа хозяйственной деятельности нам лучше видны многие нерешенные проблемы. И вывод напрашивается такой: надо всемерно поощрять развитие инициативы и самостоятельности, предприимчивости кадров. Словом, строить работу так, как определил мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС.

Суровая обстановка в этом зале. Суровые слова обвинений и приговоров здесь звучат. Ни кому не до улыбок.

Подсудимого отныне будут называть преступником. Ему — отбывать наказание. В данном случае — за дезертирство.

Свершился суд. Выполнил боевую задачу караул, возглавляемый прапорщиком С. Медведевым.

Фото
А. Александрова

ПЕРЕСТРОЙКА охватывает все новые сферы нашей жизни. Ее неотъемлемая часть — борьба за нравственное оздоровление общества, утверждение социальной справедливости, решительное пресечение посягательства на народное добро, права и интересы граждан. И здесь роль правоохранительных органов трудно переоценить.

Анализ проблем деятельности исправительно-трудовых учреждений и принятые меры по повышению эффективности их работы свидетельствуют о том, какое огромное значение придает партия исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших преступления.

Мы знаем, насколько усложнилась организация надзора за осужденными из-за сокращения численности контролеров, ухудшения криминогенного состава охраняемых. В этих условиях администрация ИТУ и воинские подразделения принимают необходимые меры для стабилизации обстановки в учреждениях, предотвращения и профилактики преступных явлений.

Ныне, как никогда, актуальны и важны вопросы взаимодействия сотрудников ИТУ с военнослужащими, ибо только совместными усилиями, деловым сотрудничеством можно достигнуть определенных успехов. Это подтверждает и изучение оперативной обстановки на охраняемых объектах: тесное взаимодействие — ключ к решению любых проблем. Причем к решению без проволочек и ведомственных амбиций. И там, где обе стороны — союзники и соратники и действуют, так сказать, с двух направлений, но имея перед собой одну цель, — там лучше порядок, режим и надзор за осужденными. Примечательно, что в подобных подразделениях ощущаешь тесный контакт офицерского и начальствующего составов. Военнослужащие и сотрудники дисциплинированы, так как за нарушения с них спрашивает и то, и другое «командование». Теряет всякий смысл деление участков на «свои» и «чужие», на первый план выступает забота о конечных результатах. Не удивительно, что в такой атмосфере никто не проходит мимо упущений и недостатков, напротив, каждый стремится устранить их или оказать в этом содействие другому.

Всегда ли, говоря о взаимодействии, мы задумываемся над тем, какой смысл содержит в себе это емкое понятие? Други-

ми словами, что такое взаимодействие? Однозначно ответить на данный вопрос трудно. На мой взгляд, это и принятие решения по организации надзора на сутки с учетом складывающейся обстановки и в результате живого и творческого его обсуждения, и совместные учения, тренировки по пресечению и ликвидации чрезвычайных происшествий и групповых эксцессов в колонии, и комиссионное обследование инженерно-технических средств охраны. Нельзя забывать и о таких «узлах» взаимодействия, как создание коммунально-бытовых условий для военнослужащих, обеспечение жильем контролерского состава. На мой взгляд, очень эффективны, а следовательно, и полезны совместные партийные собрания, служебные совещания, в частности, по вопросам устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Есть и другие элементы взаимодействия, и все это в совокупности не идеал, а требование реальной жизни. Во многих регионах именно по таким направлениям строится сотрудничество администрации и подразделения. Такие контакты, к примеру, налажены на Урале между начальником ИТК подполковником внутренней службы В. Ильиным и командиром подразделения майором Д. Маннаповым. Единство требований к подчиненным со стороны руководителей, творческий, нешаблонный подход к вопросам взаимодействия дают положительные результаты в их деятельности. Заметно повысилась дисциплина военнослужащих, почувствовавших контроль со стороны начальствующего состава колонии, улучшился правопорядок за счет совместных мероприятий по укреплению режима и надзора за осужденными. Сократились простои транспорта, повысилась эффективность обысковой работы без увеличения затрат времени на нее, четче, строже стал контроль за работой подчиненных.

Трудно сказать со всей определенностью, как мы завершим этот год (хочется надеяться, что показатели будут лучше), а вот в минувшем удалось добиться позитивных сдвигов. Сократилось количество умышленных убийств в колониях, почти на треть уменьшилось число хулиганств, фактов мужеложства, не допущено эксцессов в следственных изоляторах.

Однако немало было и трудностей. Резко осложнилась обстановка в лесных ИТК,

КРЕПИТЬ КОНТАКТЫ

что объясняется перемещением осужденных в эти подразделения из других регионов страны. В колониях УЛИТУ из числа прибывших почти 10 процентов — особо опасные рецидивисты. Естественно, уровень преступности возрос. Больше стало побегов и тяжелых телесных повреждений.

Во многих УИД—ОИД, УЛИТУ обстановка и на сегодняшний день продолжает оставаться сложной. В условиях резкого роста криминогенного состава охраняемых при общем сокращении их числа увеличился удельный вес осужденных за тяжкие преступления, неоднократно судимых. Почти треть осужденных имеет различные психические отклонения.

Беспокоит нас то, что кое-где заместители командиров подразделений по службе контролеров самоустранились от организации надзора за осужденными, большую часть служебного времени проводят в ротах, а не на объектах. В свою очередь отдельные командиры подразделений — редкие гости в оперативной части колонии, не владеют информацией о негативных процессах среди личного состава и осужденных, крайне болезненно реагируют на критику, не всегда устраняют недостатки, порой пытаются скрыть их, не придавать огласке, создавая внешнюю видимость благополучия. Понятно, что это еще больше обостряет обстановку и ухудшает правопорядок в ИТУ.

НАПОМНЮ насущное требование дня — перестройку нужно начинать с себя, со своего отношения к службе. Не все человеческие взаимоотношения предусмотрены инструкциями. Думать надо, творить, а спрятать голову в песок, как страус в минуту опасности, и прикрываясь пресловутым мещанским принципом «моя хата с краю», дело не поправит и службу не улучшит. Проходят времена слепых и бездумных исполнителей, которых в дрожь бросает, если нужно принять выходящее за рамки устоявшихся правил, неординарное решение или проявить инициативу: как бы чего не вышло. А оно, к сожалению, выходит.

Судите сами. Любой эксцесс в колонии возникает локально. Вот на этой-то стадии и надо проявить расторопность, предотвратить конфликт, принять незамедлительные, оперативные меры, а в случае необходимости решительно изолировать виновных. Нет же, начинаются дебаты, уговоры, звонки и согласования: «А что, если...», «А вдруг...», «А не получится ли...». Никто на себя ответственность брать не хочет, а время идет, конфликт разрастается, как снежный ком, грозя непредсказуемыми последствиями. И ведь осужденные видят растерянность администрации и военнослужащих, что, конечно же, придает им силы. По сути дела, своими нерешительными действиями должностные лица провоцируют этот конфликт, подогревают страсти. Со временем, понятно, меры примут, но каких усилий и затрат это будет стоить!

Помнится, в прошлом году в одной из среднеазиатских колоний за употребление

спиртных напитков в штрафной изолятор были водворены трое осужденных. Начальник ИТК «разобрался» и принял неожиданное решение: двоих освободить, а одного (в назидание другим, что ли?) оставить. Неужели нельзя было предположить, что собутыльники в знак ложной солидарности потребуют освобождения и третьего? Так и произошло. Сначала к ним присоединились отдельные крикуны, но администрация никаких быстрых, действенных мер не приняла, зачинщиков не изолировала отчасти из-за нерешительности, отчасти полагая, что все закончится само собой. В результате в эксцесс были втянуты большие группы осужденных, и ликвидировать его стало возможным лишь с вводом на объект военнослужащих.

Зачастую вместо того, чтобы повысить бдительность, боеготовность, то есть устранить первопричины побега, мы начинаем искать «крайних».

Не хотелось бы докучать общими рассуждениями, но хотя бы несколько слов о необходимости высокой бдительности скажу. Сколько происшествий произошло из-за пренебрежения ею, халатности. Иные военнослужащие, особенно малоопытные, видя внешне безразличные лица осужденных, полагают, что те на них не обращают никакого внимания. И не догадываются, а мы, к сожалению, не разясняем, что все и вся находится под пристальным наблюдением охраняемых. Их безразличие — маска.

Почему произошел, например, дерзкий побег через основное ограждение или КПП? Потому что преступник долго и скрупулезно высчитывал, кто и как несет службу, «нащупывал» слабый, уязвимый участок, на котором часовой либо отвлекается, либо дремлет. Если же солдат халатно осматривает транспорт, значит, и этим можно воспользоваться — так рассуждают осужденные.

И что у нас получается? Зачастую вместо того, чтобы повысить бдительность, боеготовность, то есть устранить первопричины побега, мы начинаем искать «крайних». И нет конца бюрократическим и демагогическим выяснениям и разглагольствованиям: кто виноват? а состоял ли на учете осужденный как склонный к побегу? если не состоял, то почему? Вопросы громоздятся один на другой, а результатов нет.

Таких «почему» можно задать (и задают, лишь бы уйти от ответственности) немало. Но неужели здравомыслящий руководитель серьезно думает, что если осужденный стоит на учете как «склонник», то побег исключен? В учетах ли суть? Наивно и нелепо так полагать, ибо совершить преступление может любой осужденный, к приме-

ру, под влиянием неожиданно появившихся причин (угроза со стороны других осужденных, болезнь близкого родственника, ссора с представителем администрации, удачное стечение обстоятельств, наконец). Как-то утром в одном из лесных ИТУ осужденный вышел из общежития и заметил, что солдат на вышке спит. Он тут же возле вышки преодолел основное ограждение.

Почти две трети бежавших не стояли на учете как лица, склонные к побегу, и совершили преступления без предварительной подготовки. Скажу больше, анализ причин побегов дает основания полагать, что постановка «склонников» на учет вообще малоэффективна.

НЕСМОТЯ на комплексные меры по укреплению правопорядка в учреждениях и воинских частях, мы не смогли полностью искоренить такое позорное явление, как отпуск осужденного из-под охраны.

У многих свеж в памяти пример, когда осужденные Шаньгин и Харченко в производственной зоне договорились с часовым КПП сержантом Я. Чернаком выехать за продуктами в город. И выехали. А вскоре были задержаны в городе инспектором ГАИ и доставлены в колонию. Повторюся: факт позорный, и он, увы, не единичен.

Допустили нечистоплотность, более того, пошли на предательство интересов службы офицеры Сухашвили, Головин, Белогородцев, сотрудники колонии Федоров, Дергунов, Писуков. И в этой связи нельзя не сказать о слабой политико-воспитательной работе с военнослужащими и сотрудниками ИТК, низком уровне их правовой грамотности, идейной закалки. А иначе чем объяснить наличие неслужебных связей. Они — не бескорыстная помощь из жалости и сочувствия [такое практически не встречается], а свидетельство алчности, жадности обогащения, несовместимых со службой в войсках и органах.

Немало вредят делу организации четкого надзора за осужденными халатность, некачественное несение службы дежурными помощниками начальника колонии и контролерским составом. Отдельные руководители и их заместители самоустранились от руководства дежурной службой в ИТУ, ее пустили на самотек. А иногда и вовсе используют эту службу не по прямому назначению, а для решения мелких производственных или хозяйственных вопросов. Подобное отношение к исполнению функциональных обязанностей — верный путь к нарушению правопорядка в колонии, ослаблению контроля за качеством службы контролеров. Если же учитывать в настоящее время сокращение численности и не всегда высокое качество контролерского состава, то нужно понять, что задачи, стоящие перед дежурной службой, задачи далеко не простые, следует решать с полной отдачей сил.

Коротко о взаимодействии при расследовании чрезвычайных происшествий. Наблюдается негативная тенденция, когда при со-

ставлении совместного заключения каждая сторона не прочь переложить свою вину на плечи «соседа». Как правило, это сопровождается жаркими спорами со взаимными обвинениями, часто личного характера. Естественно, затягивается время. Стоит ли ломиться в открытую дверь? Обе стороны должны указывать в заключении свои недостатки и причины их возникновения, а уж вышестоящее руководство и командование оценят, насколько самокритично подошли их подчиненные к составлению документа и исправлению негативных явлений.

В последнее время с расширением гласности деятельность ИТУ стала «зоной повышенного внимания»...

А это накладывает на нас дополнительную ответственность...

Обстановка в ИТУ остается напряженной. Оно и понятно: в связи с гуманизацией нового законодательства многие положительные характеризующие осужденные попадают под действие закона и будут освобождены. В колониях остается наиболее криминогенная часть осужденных, не желающих вставать на путь исправления. От них всего можно ожидать.

В последнее время с расширением гласности деятельность ИТУ стала «зоной повышенного внимания». Резко возрос интерес печати к вопросам труда и быта осужденных. Только в истекшем году в местной и центральной прессе было опубликовано свыше 150 статей различной направленности о работе исправительно-трудовых учреждений, которые посещают ныне не только журналисты нашей страны, но и представители зарубежных средств массовой информации и пропаганды — из США, Франции, ФРГ и других стран. В некоторых регионах сегодня снимаются документальные и художественные фильмы на базе ИТУ, освещаются условия содержания осужденных и работы сотрудников администрации. А это накладывает на нас дополнительную ответственность за соблюдение должного порядка и социалистической законности в деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Подчеркну: полное выполнение поставленных перед нами задач зависит от того, насколько каждая сторона проникнется чувством ответственности, воспримет необходимость происходящих перемен, творчески и целеустремленно будет проводить в жизнь исправительно-трудовую политику. Обстановка требует незамедлительного изменения нашей работы, и прежде всего стиля. Руководствуясь старыми узковедомственными подходами и амбициями, дальше работать нельзя.

**Генерал-майор внутренней службы
П. МИЩЕНКОВ, первый заместитель
начальника ГУИД МВД СССР.**

ПОКУШЕНИЕ НА ПРИКАЗ

НА ВСЕНАРОДНОЕ обсуждение вынесен проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Меня особо заинтересовала статья 27, которой нет в действующем Законе, — «Исполнение приказа или распоряжения». Вот полный ее текст: «Не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное во исполнение приказа или распоряжения, если лицо не создало преступного характера этого приказа или распоряжения (выделено мной.—В. А.). При этом за деяние, совершенное во исполнение преступного приказа или распоряжения, ответственность несет лицо, отдавшее такой приказ».

Я не юрист и потому полагал, что все это к военной сфере ни с какой стороны не подходит. Как я размышлял? Статья появилась на свет в противовес командным методам управления народным хозяйством. Прежде не раз случалось, когда министерства и ведомства безраздельно властвовали над предприятиями, не неся за негативные последствия хозяйственной деятельности ни юридической, ни финансовой, а подчас и моральной ответственности. А когда шло разбирательство в причинах ущерба, то зачастую уже невозможно было доискаться, кто отдал приказ. Да не очень и старались. Ну и как водилось, всю вину сваливали на «стрелочников». Теперь же анонимность любого приказа будет ликвидирована.

Но ведь в воинской деятельности ее никогда не было. Здесь всегда известно, кто твой непосредственный или прямой командир (начальник), а значит, и от кого исходит распоряжение.

За последнее время я прочитал многие публикации по обсуждаемому законопроекту. Они убедили меня — статья 27 относится к военной сфере полностью, поскольку не предусмотрены никакие исключения. Ведь готовится общесоюзный Закон, а не какой-то казанский или калужский, тем более не ведомственный акт.

Собственно, недоумение вызывает не статья в целом, а только одна ее строчка: «...если лицо не создало преступного характера этого приказа или распоряжения».

Каков юридический смысл оговорки? Очевидно, когда понимаешь вредность полученного приказа, то можешь, даже обязан под страхом будущей ответственности его игнорировать. Именно такое толкование этой фразы дают некоторые комментаторы, в частности доктор юридических наук А. Яковлев (Литературная газета.—1989.—1 февраля): «А за исполнение явно преступного приказа отвечает и исполнитель». Но тогда возникает очень много вопросов.

Прежде всего, как отличить приказ преступный, по каким критериям? Ведь каждый отдающий распоряжение командир или начальник непременно объяснит его интересами воинского долга. Приказ может быть подкреплен соответствующей политической работой. В любом случае добьются необходимого его понимания, исходя из декларируемых целей. А они на словах никогда не будут явно преступными.

В ряде публикаций имеется, казалось бы, серьезный аргумент в пользу безупречного приказа: таковой всегда опирается на закон. Это, конечно, так. Но, значит, солдатам и наиболее близким стоящим к ним офицерам, то есть конечным исполнителям любого воинского приказа, надо знать все законы СССР или хотя бы уголовное законодательство. Это нереально. Правда, кое-какие шаги в этом направлении предпринимаются: расширяется правовая пропаганда, вводятся элементы правового обучения. Установлен правовой минимум. Но, во-первых, он только для офицеров, во-вторых, это капля в правовом море. Но даже если бы военнослужащий разбирался во всех тонкостях законов, их не так-то просто спроецировать на повседневную воинскую практику, тем более на конкретный приказ, да еще с учетом фактора времени. Иной раз отдача приказа и его исполнение разделяют считанные минуты. Это характерно в первую очередь для боевой обстановки или ситуаций, близких к ней. Как тут быстро сориентироваться — хорош приказ или плох?

Основная опасность цитируемой строчки состоит в том, что она разрешает исполнителям анализировать получаемый приказ. А какова у них для этого возможность (я пока не говорю о беспрецедентности такого акта)? Обычно они не знают всей

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«кухни» принятия решения, чем там, «наверху», руководствовались, из какой обстановки исходили, на какой закон опирались. Нельзя забывать и о секретности, что в большей мере характерно именно для воинского приказа. Его зачастую доводят не до всех, а только в части, их касающейся, и т. д. Словом, рядовому исполнителю почти невозможно докопаться до первоисточника приказа. И никакой иной оценки, кроме официальной, он дать ему не в состоянии.

А главное, это не нужно. Дисциплинарный устав (а он является законом, поскольку утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 года) запрещает подвергать сомнению воинский приказ. Уяснить его исполнитель обязан, но только для того, чтобы лучше реализовать, проявить инициативу — в определенных условиях предпочтительно, ревизовать же его — нет! «Приказ командира (начальника) — закон для подчиненных. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок», — гласит статья 6 этого Устава. Как видим, весьма категорично и без всяких оговорок относительно качества распоряжения.

Противоречие между статьей 6 Устава и цитируемой строчкой статьи 27 обсуждаемого законопроекта настолько глубоко, что при всем желании нельзя найти даже приблизительные точки соприкосновения. В самом деле, на одном полюсе — возможность невыполнения приказа, если кому-то он показался преступным, на другом — все меры принуждения в случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного, все меры — вплоть до его ареста и привлечения к судебной ответственности.

Каждый гражданин, начиная служить, принимает присягу и торжественно клянется беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. И потому неповиновение и неисполнение приказа является тяжелейшим воинским преступлением. В ныне действующем Законе об уголовной ответственности за воинские преступления (что отражено в уголовных кодексах союзных республик) эти виды преступлений стоят на первом месте (соответственно статьи 2 и 3). За них в зависимости от обстановки и последствием предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. В военное время не исключается смертная казнь.

Мне могут возразить: новые Основы для того и готовятся, чтобы потом в соответствии с ними переработать и закон, и уголовные кодексы, и уставы. Изменить можно и даже нужно. Только не выплеснуть бы вместе с водой и ребенка. Можно, например, ликвидировать статью 6 Дисциплинарного устава. Но ведь она защищает единоначалие и систему подчиненности в армии. Или теперь это уже никому не нужно? Что касается уголовных кодексов, то в них на основании статьи 27 можно, видимо, предусмотреть освобождение от ответственности за неисполнение — пусть с оговоркой — явно преступного приказа. Поможет ли это делу? Не разрушит ли фундамент воинского здания?

У ВЕРЕН, убежден, что статья 27 законопроекта в нынешней редакции подрывает авторитет командиров и начальников. Армия или войска, будь то пограничные или внутренние, всегда отличались сплоченностью и единством. В этом их сила. Без доверия же невозможно исполнение никакой командной должности. Всякое сомнение тут, выполнение приказов с оглядкой подрывают саму основу функционирования воинской сферы — повиновение и исполнительность. Ведь любой воинский коллектив, большой или малый, — это, по существу, корпорация граждан, живущих по приказу.

Сейчас иногда пишут, что Административная Система (именно с прописных букв, поскольку под этим понимается существующий в нашей стране общественно-политический строй) — это система, которой пересажены военные органы. Тут и спорить нечего — в мирной хозяйственной жизни их надо ликвидировать. Только попутно не отрезайте их там, где они от рождения, свои, материнские. Это не противоречит начавшемуся процессу демократизации в военной сфере, потому что демократизация здесь не покушается на единоначалие и приказ.

А может, дух статьи 27 уже вселился в юристов? Может, нашей независимой Фемиде был выдан звонок? Или мы опять торопимся? Иначе как объяснить, что статья 27 уже находит отражение в судебной практике? Я имею в виду третью главу очерка Г. Бочарова «Афган» (Литературная газета.—1989.—15 февраля). Суть дела такова. Рядовой Шмаков по приказу командира части Рудых расстрелял пленных. За это солдата приговорили к 5 годам исправительно-трудовой колонии усиленного режима, Рудых же освободили от амнистии.

Друзья солдата заявили протест: «Выносся решение, военный трибунал признал Шмакова виновным, а командира, отдавшего приказ, отпустили из-под стражи. Мы, бывшие воины-интернационалисты, не понимаем, чем руководствовался суд, вынося такое решение. Находясь в боевых действиях, мы твердо знали, что приказ командира, согласно уставу, — высший закон для подчиненных».

Верно пишут, так требовали с них, так учили. С этим вроде бы согласен и автор очерка: «Допустим также, что я тоже не понимаю, почему офицер Рудых не был осужден по-настоящему». Но далее он дополняет: «Поразительно: даже сегодня, отойдя от угара ожесточенности, они, величающие себя воинами-интернационалистами, даже не пытаются задуматься над тем, что совершил их товарищ».

О чем, собственно, спор, что здесь произошло? Обычная подмена понятий. Право перепутали с моралью. А оно хоть и опирается на нее, но никогда не идет с ней вровень, тем более не обгоняет. Что такое явно преступный приказ с точки зрения права? Значит, безусловно, бесспорно, доказанно таковой. Значит, человек, его отдавший, преступник. Но давно известно, что последнее слово тут всегда за судом и только за ним. Другими словами, тот или

иной приказ если и может быть объявлен преступным, то не в момент его получения, а лишь после выполнения, и даже в плане историческом, когда мы переоцениваем какие-то ситуации прошлого, далекого или совсем близкого.

Литература последнего времени подчас пытается обвинить солдата то в охране незаконно осужденных, впоследствии реабилитированных, то в депортации периода коллективизации, в годы войны и сразу же после ее окончания. Но, скажите, при чем здесь солдат? Ведь одно дело назвать палачом, oprичником (а современная публицистика на подобные эмоции не скупится), заклеить позором тех, кто поступил так, когда мог действовать иначе. Особенно принимающих преступные решения. Другое дело—солдат. У него выбора не было никогда, он должен поступать так, как приказали, ибо связан присягой. И осмеивать его только за то, что пошел на ту службу, на которую призвали, поехал туда, куда послали, делал то, что заставили, иначе говоря, лишь за подчинение — вот это уж поистине аморально.

Особое недоумение вызывает порицание солдат за то, что вроде бы вообще критике не подлежит. «Сейчас в число жертв сталинизма пытаются записать себя и те, кто пролил немало крови, зверствовал в составе националистических банд». Это из интервью газете «Известия» (1988.—25 октября) секретаря Президиума Верховного Совета Литовской ССР И. Гурлякаса. Верные слова. Но как тогда понимать публикации, которые, хотя и не отрицают наличие в Прибалтике в первые послевоенные годы вооруженного подполья, тем не менее обвиняют войска НКВД в боевых действиях против них?

«...Буржуазно-националистическое подполье, — пишет доктор исторических наук профессор В. Кашаускене в статье «Противоречивые страницы истории» (Тiesa.—1988.—5 июля),—начало террор против Советской власти и Коммунистической партии. Однако и карательные операции против антисоветского вооруженного подполья стали проводиться сразу же войсками НКВД и милицией». Почему «однако» и почему нельзя «сразу же»? Если антисоветские вылазки и террор были, то уместно ли здесь, в данном контексте, называть проводимые операции карательными и таким же образом оценивать командира 4-й дивизии войск НКВД генерал-майора П. Ветрова?

В случае неповиновения, повторюсь, санкции наступали неотвратимо. Статья 6 Дисциплинарного устава существовала и в годы войны, и раньше. Насколько мне удалось установить, общевойсковые уставы с рождения нашей армии менялись пять раз. И всегда каким-то правовым актом они возводились в ранг закона. Смысл изменений и дополнений виделся то в гуманизации взаимоотношений между военнослужащими, в частности между начальником и подчиненными, то в утверждении их большей жесткости. А вот требования о святости и неизменности приказа оставались, по существу, неизменными, если не считать незначительных уточнений. Это еще раз подтверждает мысль, которую я уже

высказывал однажды: никому, никакому правительству не нужны солдаты, не желающие выполнять приказы (я, конечно, имел в виду правительство СССР).

Прочитывая эти слова, преподаватель одного из училищ с пафосом восклицает в письме: «Что мы предлагаем нашим воинам? Бездумно выполнять приказы? А в чем же отличие социалистической армии от фашистской? А как же тогда с ленинским «не за страх, а за совесть»?

Однако вспомним всю ленинскую фразу: «Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески» (Полн. собр. соч.—Т. 46.—С. 386). И так, исполнять. Исполнять не выборочно, а именно все законы, все приказы. Эта ленинская мысль отрицает дисциплину палки, но утверждает сознательное, добросовестное исполнение (а не неисполнение) приказов.

В ОДНОЙ из передач Всесоюзного радио (2 ноября 1988 года) под рубрикой «Писатели за рабочим столом» известный публицист А. Ваксберг тоже вел разговор о том, всякий ли приказ безупречен с точки зрения нравственности. Почему такое пренебрежение к приказу—понятно. Административные методы руководства народным хозяйством основательно подорвали репутацию всяких инструкций, параграфов, предписаний, а точнее, их сочинителей. Лучше, если бы жизнь текла своим чередом, саморегулировалась и всяких попуканий было меньше. Но, очевидно, совсем от приказов мы не избавимся. И если уж они появляются на свет, то должны непременно выполняться. Особенно это касается приказа воинского.

Рассуждать же при получении приказа: «морально—аморально», судить командира по своему разумению недопустимо хотя бы потому, что голос чувства—плохой советчик. Этот голос всегда скажет, что приказ не тот, если он подвергает опасности здоровье, а то и самое жизнь. Поэтому не дайте усомниться в нем, а убедить, что он единственно правильный и единственно возможный в данных условиях,—значит убрать первое и основное препятствие для его выполнения.

Сказанное вовсе не означает, что любой приказ нельзя анализировать по истечении какого-то времени. Можно и даже нужно: чтобы извлечь уроки. Но такая критика ничего не изменит в прошлом, и потому она не должна распространяться на рядовых исполнителей приказов. Ведь их «вина» всегда лишь в том, что они были добросовестны. Поступать иначе — создать парадоксальную ситуацию: тогда героями могут стать те, кто приказ не выполнил.

Всякие рассуждения о военном приказе были бы не полны, если бы мы—на этот раз в более общей форме—не коснулись афганской темы. Здесь тоже надо четко различать отношение к этой войне, теперь уже бывшей, и отношение к солдату, ее участнику. Тожество здесь быть не может. Мы сейчас все чаще и откровеннее критикуем политику ввода наших войск в Афганистан, говорим о ней как о «старых наших грехах». И тут нет ничего противо-

НАШ ДЕВИЗ:

ЗОРКО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ,
НАДЕЖНО ЗАЩИЩАТЬ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!

Короткая строка в расписании занятий — „Марш-бросок в горной местности“.

А сколько пота прольется солдатского, прежде чем командир проставит отметку „вып.“! Кое-кто и мозоли натрет, если не научился наматывать портянки. Но „слабачков“ к итоговым занятиям все меньше и меньше будет — это наверняка.

**УТОСНОВАТЬ
ВЗЯТО В РАССОДУ**

Каждый день летней боевой учебы проходит с максимальной отдачей, так как воины хорошо знают поговорку „Отличников по осени считают“. В передовики соревнования выйти хочет каждый. И дело вовсе не в наградах и поощрениях. Главное — чтобы росло мастерство. Главное — быть уверенным в себе и товарищах, когда выполняешь боевую задачу. Уверенность

такая приходит именно в напряженных занятиях.

■ На горном склоне отделение сержанта Николая Кибитова.

■ В учебный бой ведет подчиненных сержант Виталий Барвет (снимок слева вверху).

■ Значок „Воин-спортсмен“ по заслугам вручили ефрейтору Дмитрию Шапиро. Полосу препятствий преодолевает он словно играючи.

Фото старшего прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.

18 ИЮНЯ — ДЕНЬ
МЕДИЦИНСКОГО
РАБОТНИКА

Чтоб „вместо сердца — пламенный мотор“ — это только в песне... Да, впрочем, и мотору ремонт необходим бывает. Тем более в наш беспокойный век, когда слова „инфаркт“, „аритмия“, „стенокардия“ встречаются, увы, чаще, чем добрые старые „милосердие“, „душевность“, „сострадание“...

Пламенные гвоздики — заботливому доктору. Майор медицинской службы Валентина Витальевна Бабухина после окончания Первого ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Московского медицинского института им. И. М. Сеченова много лет успешно трудится в Центральном военном госпитале внутренних войск МВД СССР.

МИЛОСЕРДИЕ

Фото
старшего
прапорщика
А. АЛЕКСАНДРОВА.

Сейчас будет включена сирена, тревожно запульсирует на крыше реанимобиля проблесковый маячок — бригада „скорой“ спешит на выручку человеку. Надо успеть! Надо спасти!

естественного, если бы весь этот негатив автоматически не обрушивался на солдатскую голову. Вспомним хотя бы сакраментальные слова одного бюрократа, впрочем, отражавшие мнения определенных лиц: «Я вас в Афганистан не посылал».

Как бы ни менялся наш взгляд на далекое или совсем близкое, как бы ни различались в последующем оценки некоторых событий, будь то охрана безвинно осужденных в 30-е и 40-е годы, депортация, борьба с вооруженным подпольем в западных районах страны, Афганистан,—солдат неприкосновенен. Ибо в своих действиях он выражал волю правительства, в любом случае следовал приказу.

Такой вопрос еще и еще раз задаешь себе, когда смотришь документальную ленту «Боль» производства «Беларусьфильм». Московская телевизионная программа организовала ее обсуждение 18 сентября 1988 г. Отдельные фрагменты показывали в передаче «Служу Советскому Союзу!» 2 октября 1988 г. Мне особенно запомнились рассуждения о том, что надо менять образ врага. Мысль верная, если речь идет о перспективе, даже ближайшей, или, наконец, о дне сегодняшнем. Когда же все это обращаем в прошлое, то создаем ситуацию, как в старом, но совсем не смешном анекдоте: сначала делаем что-то неприличное, а потом оглядаемся.

Когда в тех передачах говорят, что нельзя видеть врага в душманах, то советскому солдату, воевавшему против них вместе с афганской армией, как бы намекают: ты сражался не за те идеалы. Он, естественно, в лучшем случае озадачен—как же так? Я помню глаза бывшего солдата из кинофильма «Боль», пять лет назад потерявшего в Афганистане руку. Глаза, полные недоумения. Он буквально в тупике: «Может, за дело воевали, наверное, за дело».

В одной из этих передач («Служу Советскому Союзу!») выставили на посмешище солдата из внутренних войск—рядового А. Грошева. Он в Сумгаите защитил своего командира от нападения хулиганов и принял на себя удар камнем. Несколько месяцев провел в госпитале. Был при смерти. Выжил. За мужество удостоен государственной награды. И вдруг репортер ни с того ни с сего спрашивает: «Вот сейчас внутренним войскам при охране общественного порядка расширили некоторые права. Вы будете стрелять, если прикажут?» Кому как, а мне этот вопрос показался провокационным. Ведь в том же Указе очень четко обозначены условия, когда

оружие применять можно, а когда категорически запрещается, там немало «если», «тогда, когда». И вопрос в самой общей форме недопустим, ибо ставит солдата в двусмысленное положение. Тем более что основные события в его судьбе остались за телекадром. А поскольку на груди война сияет орден Красной Звезды, то телезрители невольно подумали, что именно «за стрельбу где-то на Кавказе» (такой вопрос был задан на пресс-конференции) он и получил этот орден. К тому же он все время повторяет: «Я старался выполнить воинский долг», «Я старался выполнить приказ». До чего же мы порой бестактны!

Как же вышел солдат из затруднительного положения? Он ответил после некоторого раздумья: «Буду (то есть стрелять. —В. А.), если прикажут». Заметьте, он не стал, как некоторые «сверхпрогрессивные» офицеры, рассусоливать, хорош этот приказ или нет. Он ответил, как и подобает солдату.

Не подвергали сомнению приказы своих командиров и другие военнослужащие, участвовавшие в охране общественного порядка в Закавказье. Даже тогда, когда экстремисты размахивали перед ними наспех намалеванными лозунгами: «Русские солдаты—освободители», где ваша совесть?, «Солдаты, не выполняйте приказы разбоя и убийства».

Да, было время, когда там в выражениях не стеснялись. Но военнослужащие четко разбирались кто есть кто. Они не отождествляли хулиганов, погромщиков с армянским или азербайджанским народом, свой долг видели в твердом противостоянии взрыву национализма. И как бы ни было трудно, солдаты приказы выполняли. А была бы в действии статья 27, может, и был бы дан повод в них усомниться. Ведь такие страсти, такой напор! Их нельзя сбрасывать со счетов, если позволяется ревизовать приказ командира. У каждого же крутятся мысли: «Командир прав. А толпа, столько людей—они неправы?».

Вывод ясен. Статья 27 в таком виде, в каком она представлена в законопроекте, не годится. Оговорка «если...» должна быть убрана. Или добавлена еще одна: это не относится к военной сфере в силу совершенно особых условий ее функционирования, здесь ответственность в любом случае несет командир. Мысль можно уточнить: если подчиненному покажется приказ незаконным, преступным, он обязан выполнить его, а затем обжаловать.

Полковник В. АСТАШИН.

Утро вечера мудренее

◆ НЕ КОНФЛИКТУЯ
С БИОРИТМАМИ

◆ ТЯГОТЫ, КОТОРЫХ
МОЖНО ИЗБЕЖАТЬ

◆ РЕЗУЛЬТАТЫ — ВЫШЕ,
ЗАТРАТ — НИКАКИХ

РАССКАЖУ об одном полезном, но не пробившем себе дорогу деле.

Как известно, есть немало резервов повышения эффективности служебно-боевой деятельности войск, укрепления воинской дисциплины путем активизации человеческого фактора. Один из них — оптимизация ритма воинского труда в суточных нарядах и караулах. Ее можно достичь изменением времени заступления солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров подразделений и частей на службу.

Сегодня большинство военнослужащих войск к выполнению боевых задач приступают после напряженного трудового дня с достаточно высокой социальной активностью. День у военнослужащих очень напряжен. Занятия по боевой и политической подготовке, различные виды работ, общение в замкнутом коллективе — все это утомляет, а порой приводит к стрессам. Кратковременный отдых, который положен им перед заступлением в суточные караулы, полностью не снимает усталости. Не до конца восстанавливаются защитные силы организма, обеспечивающие психологическую защиту от переутомления.

Дело тут прежде всего в привычке. На протяжении жизни будущие военнослужащие начинают трудиться вскоре после пробуждения (школа, ПТУ, техникум, работа до призыва, учебный сбор и т. д.). А вот прибыв в подразделения, они вынуждены приспосабливаться к физиологически непривычному и даже чуждому для их организма ритму воинского труда. Это порой и приводит к раздражительности, суетливости, ухудшению настроения, к снижению внимания. У некоторых военнослужащих появляется озлобленность, а иногда и немотивированные страхи. Ослабляется механизм защиты в конфликтных ситуациях.

И для офицеров заступление в суточные караулы, выполнение обязанностей в составе дежурной службы после трудового дня также не самый оптимальный вариант. Причем зачастую они приходят на службу без предварительного отдыха. Отсюда снижение трудоспособности офицеров, безразличие к службе. Отражается это и во взаимоотношениях с подчиненными: несдержанность, раздражительность, невнимательность и т. п.

В связи с этим представляется целесообразным перенести время заступления в суточные караулы и наряды с 18.00 на 9.00.

Такой шаг в порядке эксперимента уже предпринимался в двух частях — УВВ МВД СССР по Западной Сибири и дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Хотя эксперимент был непродолжительным, определенные положительные результаты он дал. Повысилось качество несения боевой службы, крепче стала воинская дисциплина. Сами военнослужащие заметили, что у них улучшилось настроение, физическое самочувствие. А это, как мы все знаем, напрямую влияет на качество боевой службы. Но это ползавное дело, как всякое новое, натолкнулось на инерцию мышления, застойную психологию отдельных командиров. Далеко не все поняли преимущества утреннего заступления в караулы, даже несмотря на очевидные положительные результаты первых проб.

Как при этом организовать жизнь подразделений, части?

Подъем личного состава и другие мероприятия распорядка дня, включая завтрак, проводятся по обычному варианту. После завтрака начинается подготовка к службе (хотя ее можно сделать и накануне, это зависит от конкретных условий служебно-боевой деятельности подразделения).

Смена караулов заканчивается к 9.00—10.00. После чистки оружия военнослужащим, прибывшим со службы, предоставляется двухчасовой отдых, далее — подъем, обед и занятия. Офицеры во время отдыха личного состава имеют возможность качественно подготовиться к занятиям.

Дежурные службы подразделений и частей меняются также в 9 часов, то есть одновременно со сменой дежурных служб в вышестоящих штабах.

Таким образом, переход к утреннему заступлению в суточные караулы и наряды позволяет без существенных материальных затрат приблизить ритм воинского труда к физиологически привычному для человека. Нужно только желание командиров не на словах, а на деле двигать вперед новое, активно содействовать перестройке жизни войск.

Подполковник медицинской службы
В. ЛЕВИЦКИЙ,
главный психиатр ВВ МВД СССР.

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

ИХ НАГРАДИЛА РОДИНА

ПРЕРВАННЫЙ СПЕЦ- РЕЙС

РАССКАЗЫВАЕТ
ОЧЕВИДЕЦ СОБЫТИЯ

«Ан-72» на маршруте Москва—Ереван. Время — особенно трудное для Армении, для всей страны. Высота 10100 метров. Скорость 600 километров в час. На борту несколько десятков человек, среди которых офицеры и генералы внутренних войск. Обстановка в салоне привычно спокойная, какую журналисты после определяют как «ничто не предвещало беды».

Неожиданно снаружи над моей головой раздалась сильная хлопки, «зачихал» двигатель. Самолет резко качнуло — один раз, другой... Снова сильный крен. И уже совсем неприятное — запах гари в салоне.

Тревога на лицах пассажиров. Властный голос генерала: «Всем пристегнуть ремни». Быстрое снижение...

Картина, представшая перед нами на взлетной полосе, напоминала виденную раньше в приключенческом фильме «Экипаж»: застывшие, как перед броском, пожарные машины в ряд, «рафики» скорой помощи...

Обошлось!

Уже потом, из результатов работы спецкомиссии, мы узнали, что поврежден маслопровод — из-за «разрушения графитового подшипника компрессора низкого давления» — причины, мало что говорящей чело-

веку, в тонкости авиатехники не посвященному.

Но это, оказывается, началось, что самолет был на волоске от пожара. («В авиации, как и в морфлоте, — объяснил мне штурман корабля подполковник Н. Кузнецов, — пожар — самое страшное. Шансов спастись на такой высоте, сами понимаете...»). Это означало, что если бы командир корабля полковник В. Пономарев решение о выключении правого двигателя принял на несколько секунд позже (по выводам той же комиссии), — катастрофы не избежать.

— Что подсказало вам принять решение именно в «момент истины»? — задал я вопрос полковнику Пономареву.

— Наверное, интуиция, опыт...

Да, весь экипаж сработал безукоризненно: молниеносно оценена обстановка и принято решение, установлена связь с Москвой и ближайшим аэродромом, самолет точно выведен по месту и времени (около получаса полет на одном двигателе) и... мягкая посадка. На том же одном двигате-

ле! В летной подготовке авиаторов не учат посадке на одном двигателе — слишком серьезен риск. Но жизнь преподнесла вводную, которая решена с блеском.

Наконец означало это, что поломка случилась по вине заводских сборщиков. Опять мастерство и мужество одних против вопиющей халатности других...

Мы, пассажиры того памятного рейса, обязанные экипажу своими жизнями (один из нас совершенно серьезно предложил тот день отмечать как день второго рождения), поздравляем его с высокими наградами Родины: командир корабля удостоен ордена Красной Звезды, штурман — медали «За боевые заслуги», правый пилот майор С. Федоров, бортинженер майор Ю. Бакулин и бортмеханик прапорщик М. Казейкин — медали «За отличие в воинской службе» II степени.

Низкий поклон вам, мастер!

Майор С. ШЕВЦОВ.

На снимке: полковник В. Пономарев и подполковник Н. Кузнецов.

СПЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБЕРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

В МАРТОВСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО ПИСЬМО ВОЕННОГО СОВЕТА И ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК, В КОТОРОМ ШЛА РЕЧЬ О НЕОБХОДИМОСТИ КРЕПИТЬ ВОИНСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ, О БЕДЕ, ИСХОДЯЩЕЙ ОТ ТАКОГО УРОДЛИВОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК НЕУСТАВНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ.

ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ ДЛЯ СПЛОЧЕНИЯ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ, ОЗДОРОВЛЕНИЯ В НИХ НРАВСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЫ — НА ЭТУ ТЕМУ ВЕДУТ СЕГОДНЯ РАЗГОВОР НАШИ АВТОРЫ, ОТКЛИКАЯСЬ НА ВЫРАЖЕННОЕ В ПИСЬМЕ ПОЖЕЛАНИЕ НЕ ОСТАВАТЬСЯ НИКОМУ В СТОРОНЕ ОТ РЕШЕНИЯ ДАННОЙ ПРОБЛЕМЫ.

ТЕМА ПИСЕМ — ОДНА.
ПОЗИЦИИ — РАЗНЫЕ.
ВКЛЮЧАЙТЕСЬ В ДИСКУССИЮ, ЧИТАТЕЛИ!

В роту пришел неформал

Мы встретились после концерта у гримерной рок-группы «Мастер». Прорвавшуюся к заветным дверям компанию возглавлял рослый подросток с серьгами в ушах. Познакомились, и я задал волновавший меня вопрос: как представляют они себя в армии, ведь через год-другой доведется примерить военную форму.

— Как все, — пожал плечами предводитель. — Будем служить.

— А «металл»?

— «Металл» в нас остается.

Это их философия: кто сильнее, тот имеет право на лучший кусок, на безнаказанность. Проявляется «сила коллектива» по-разному: в диких воплях на рок-концерте, в реве колонны мотоциклов на ночной улице. Иногда неформалы «воюют» между собой, отстаивая только им понятные принципы. Впрочем, не буду на этом заострять внимание, все слышаны, например, об отношениях «металлистов» и «люберов». Хочу только заметить, что во всех случаях музыка — только привязка. Суть — необходимость создания собственной силы. Нередко — любой ценой.

Долгое время эти проблемы рассматривались отдельно от службы в армии. А все потому, что неформалы были там, на гражданке. Сейчас положение изменилось: для «металлистов», «сатанистов», «люберов», «пионеров» пришел срок служить в армии, ибо закон одинаков для всех, независимо от количества заклепок на кожанке.

Неформалы приносят в армию не только свои представления о музыке, но и о жизни, выражаемые культом силы, культом интел-

лекта, культом знаний и т. д.

На этом фоне очень неостоятельным выглядит мнение, что в армии нет неформальных проблем. Они есть. Говорят, что армия нивелирует внешность. Возможно. Но личность вряд ли нивелируется. Внешне неформалы вроде бы не отличаются от других. А в душе?

«В душе я — хиппи!» От кого не ожидал услышать это заявление, так это от ефрейтора Николая Некрасова — отличника боевой службы и учебы, одного из лучших солдат взвода старшего прапорщика А. Просвирякова. Оговорюсь сразу, о Николае у меня самые лучшие впечатления: спокойный, эрудированный, воспитанный. Дает меткие характеристики нашим и зарубежным рок-группам, в меру ироничен, щеголяет знанием «Махабхараты» и «Рамаяны» — выдающихся произведений индийского эпоса.

Современные проблемы, неудачи, ошибки Николай объясняет с помощью «Бхагават-Гиты» — составной части «Махабхараты». Согласно ей, сейчас время четвертой цивилизации. Первая была полностью духовной, вторая — на три четверти, третья — наполовину, а современная включает в себя лишь четверть прежней духовности. Остальное в ней заполнили лицемерие, обман, жестокость.

Способом борьбы за возвращение первой цивилизации признается самовоспитание духовности. Это теоретически. А практически все проще: собираться вместе для обсуждения проблем, давать им религиозно-философское объяснение. Бывали и стычки с правоохранительными органами.

— Ну и что? — скажете вы. — Отслужил солдат хорошо, остальное — его дело.

Но разве можно безразлично относиться к тому, о чем думает солдат, как понимает перестройку, современный мир, какие духовные ценности хранит в себе? Наконец, как поведет себя в экстремальной ситуации? Будет действовать быстро и решительно или отнесется к чужой беде философски: что, мол, поделать, издержки четвертой цивилизации.

«Я — сильная личность!» Согласитесь, нечасто услышишь такую фразу от молодого человека. Тем более от солдата первого года службы. И жизнь, и служба только начинаются. Впрочем, рядовой Дмитрий Воронков знает, что ему надо, — место под солнцем. За это место он готов бороться любой ценой.

— Так уж и любой? — не поверил я.

— Любой, — твердо сказал Дмитрий. — Рамки морали и закона не для сильной личности, а для толпы.

Я признался, что не понял его мысль. Он не без удовольствия разъяснил:

— Перестройка дает нам большие возможности для развития своих способностей. Происходит отбор, место под солнцем занимают сильные личности, а остальные попадают под их влияние. Мы, «металлисты-сатанисты», это понимаем и горбатиться на заводе за 200—250 рублей не желаем. Там работают те, кто безнадежно отстал от жизни, кто на большее не способен.

— Но вы до службы в армии сами работали на заводе...

— Я на заводе появлялся редко. Судите сами: за месяц моя зарплата составила, кажется, 75 копеек. Но деньги у меня были.

— Честные?

— Я же говорил, что моральные рамки существуют только для толпы. Деньги везде валяются, надо только уметь их взять. Я брал. Такая работа меня устраивает хотя бы потому, что я, не ощущая зависимости, остаюсь свободной личностью. А на заводе чувствую обязанность перед кем-то.

Не скрою, мне показалось, что Дмитрий бравирует своими «убеждениями», подчеркивая, что готов отстаивать их любыми средствами «из арсенала интеллекта и насилия».

Некоторые читатели могут подумать, что характер Дмитрия формировался в условиях неблагополучной семьи, где нехватка средств вызвала тягу к красивой жизни, где сын пошел по стопам родительской бездуховности. Отнюдь. Мама рядового Воронкова — секретарь парткома одного из заводов. Труд мамы Дмитрий уважает, но и ее причисляет к тем, кто «находит удовольствие вкалывать для других».

Как относится Дмитрий к службе? Как к абсолютно ненужному делу. Служит с прохладцей, на этой почве часто возникают мелкие конфликты с прапорщиком Р. Закировым. К сослуживцам относится нормально, хотя заметил, что в коллективе скучно — «не тот интеллектуальный уровень».

Николай Некрасов и Дмитрий Воронков — москвичи. Наверное, поэтому недолюбливают многие командиры попавших под их начало «детей Арбата», что именно из столицы приходит в воинские коллективы основная масса «хиппи», «сатанистов», «пионеров», «люберов» и т. д. Из других городов поменьше. Но обратить внимание на проблему неформалов надо именно сейчас, когда они только появились в войсках. Потом будет во сто крат труднее.

Прапорщик В. СИДОРИН.
УВВ по Уралу.

БОРОТЬСЯ! БОРОТЬСЯ?..

У же который раз слышу: призывная молодежь ныне не та, что раньше. Нет с ней сладу — ранимая, вспыльчивая, любящая «права качать». Это все потому, что возрастает среди нее число так называемых неформалов.

Был я как-то свидетелем беседы, которая состоялась с членами совета солдатского клуба. Скоро в часть должно было прийти пополнение, и разговор в совете шел как раз на эту тему:

— Неформалов надо выявить сразу же... Упустишь момент — потом беды с ними не оберешься... Давайте подумаем сообща, что мы можем им противопоставить... Лекции о классической музыке, рекомендации по чтению определенной литературы? Да нет, это они не хуже нас знают. Надо признаться, что неформалы в основном ребята умные.

Те, кто составил костяк совета солдатского клуба, были решительны: вышибем дурь из неформалов. Конечно, вот так прямо, в лоб слова эти не звучали, говорилось о дальнейшем повышении воспитательной работы, о деятельности культмассовых мероприятий. Но смысл выступления сводился к одному: неформалы — явление негативное, а посему...

Такое мнение, надо сказать, не единично. Взять хотя бы статью «Неформалы, шаг вперед!..», опубликованную в журнале «На боевом посту» (1988, № 12): в ней примеров, подобных вышеописанному, немало. И не только примеров: сам тон статьи лично у меня вызвал такое замечание. Рядовые Плотников, Кислов, Ерохин — кто они? Первый — культурист, наклеивавший на тумбочку (интересно, кто позволил ему это сделать?) снимки суперменов, совершил преступление. Второй — заносчивый, чванливый человек, а причина тому, по мнению авторов, — увлечение рок-ансамблями. К Ерохину, бывшему панку, «претензий пока нет» — так говорит командир взвода, и читатель вроде как должен удивляться: гляди ж ты: неформал — а все у него в порядке.

Поймите меня правильно, я все же не хочу вступать в полемику с этим материалом, тем более что со многими выводами его согласен и благодарен тому, что наконец-то в нашем журнале стали появляться статьи на неординарные темы. Но все же не могу не высказать свое мнение вот по какому вопросу. Почему мы неформалов все-таки боимся, все-таки призываем «повернуться к ним лицом», то есть проявлять к ним особое отношение? Поворачиваться-то ведь, наверное, к каждому надо, а особое внимание уделять не тем, кто на гражданке странную прическу имел и «хеви метлл» слушать любил, а тем, у кого с учебой и дисциплиной нелады. Всех скопом неформалов в подозрительные записывать или призывать к тому, чтобы особое внимание им уделять, — зачем это? Уж если на то пошло, то давайте, простите за такое слово, на «формалов» взглянем. С ними что, работать не надо, все благополучно с ними? В массе своей те, кто ни в какие группировки не входил, не «болел» музыкой, разве активней, разве толковей? И вообще, стоит ли говорить, что

в обществе «Патриот» или «Руслан» все хорошие, все «наши», так сказать, а металлисты из «бешеных» — потенциальные уголовники? К нам ведь не общества служить приходят, а индивидуумы, личности. Зачем же, еще не изучив людей, уже выделять кого-то, ставить на особый учет?

Резон делать это есть только у тех командиров и политработников, кто предпочитает работать лишь с «серой» массой, с теми, кто никогда не выскажет собственного мнения, кто закроет глаза на несправедливость, кто в любых ситуациях тише воды, ниже травы. Неформалы же — они потому и неформалы, что не захотели стать серыми, что удачно ли, неудачно, но выражают свою личность, свое «я», свою причастность к чему-то. Музыка, заклепки, прически — это все только атрибуты, а никак не портрет души. Ошибающиеся натуры, ищущие, любящие рождать истину в спорах, они приносят немало хлопот, и тем, кто этих хлопот желает избежать, конечно, нужно сломить вчерашнего неформала. Именно сломить, а не перевоспитать. Ведь процесс воспитания — он подразумевает воспитать личность. Личность! А не двухгодичного (на период срочной службы) субъекта, который пусть хоть что в себе прячет, лишь бы члэп не допустил. Так что не надо, думаю, смотреть на них особо, как на инопланетян: это наши, советские люди. Люди, которым надоела затхлая жизнь застоя, которых всколыхнула перестройка, которые — пусть даже зачастую неумело — выражают протест против бюрократии, чванства, проявлений социального неравенства.

Говорите, есть группы неформалов резко отрицательного толка? Есть, и я о них скажу чуть позже, а сейчас хотел бы попросить вот о чем: давайте не путать уголовников с неформалами. Те, кто преступает закон, совсем другого поля ягода — воры, дебоширы, антисоветчики. К неформалам у нас какие в основном претензии? Усваивают, дескать, подростки-допризывники мелкобуржуазное мировоззрение, мещанскую психологию, чуждую нам идеологию и привносят ее в свое окружение, в массы. В принципе, этого мы как раз и боимся: чтобы в воинских коллективах бывшие «пионеры» да культуристы не стали пропагандистами своей философии. Но где они философические начала черпали? В подворотнях да на квартирах, в ходе стихийных сборищ. Так неужто мы плановой, системной работой, здоровой атмосферой коллектива не сможем открыть юные глаза на настоящие моральные, этические, нравственные ценности? Неужто нельзя обойтись без того, чтобы сразу же выделять неформалов, на особый учет их ставить, особую работу с ними вести?

Знаком с солдатом (по понятной причине не называю его фамилии), который, еще будучи старшекласником, а после окончания школы полтора года до призыва в армию гордо называл себя панком. Знает он историю этого движения, его лозунги, его

идолов. Из их «команды» сразу трое призывались во внутренние войска, причем двое — он, Сергей, и его друг Валентин — служат в одном воинском городке, в соседних ротах. Были и остались друзьями. По мере возможности встречаются. И у того, и у другого за полтора года службы появилось много новых хороших товарищей, с которыми интересно проводить время, беседовать на самые разные темы.

— И о «панкизме»? — спрашиваю Сергея.

Тот только улыбается:

— Выросли из этого. Лично меня к панкам почему влекло? Пятнадцать лет, энергии — куча, а тратить ее некуда. Та программа поведения, которую в нас школа, родители закладывали, была неприемлема, потому что бездоказательна. Верь, мол, нам на слово: вот это хорошо, а это плохо, вот это правильно, это — нет. А в таком возрасте хочется уже самостоятельно решения принимать, да притом такие, чтоб в пику другим. Кто к тому времени успел уже чем-то серьезным увлечься — радиотехникой или планеризмом, к примеру, — тот в любимом деле себя и находил. А у нас дела не было, вот и глупили, чтоб всем было видно, что мы тоже ксе-что из себя представляем.

— А когда надели военную форму, почему «глупить» бросили?

— В армии уклад жизни иной, разве тут до баловства?

— Скажи откровенно, Сережа: ты хорошо разбираешься в музыке, в вопросах литературы, культуры, чувствуешь ты себя в этом выше других. Не скучно ли тебе общаться с ребятами... обычными, что ли?

— Что такое общаться? По делам службы, учебы со всеми общаюсь. А друзей выбираю таких, с кем мне интересно.

— Ты имеешь в виду, с кем у тебя общие интересы по вопросам той же музыки, литературы?

— Понимаю, куда вы клоните. Из-за нас, мол, неформалов бывших, появляются группировки в воинском коллективе, а отсюда и до неуставных взаимоотношений рукой подать... Что ж, отвечу честно: дружу с теми, кто в музыке разбирается, кто Сартра и Верлена читает. Но разве это нездоровые интересы, скажите? А те, кто «старикует», кто над сослуживцами куражится, — те обычно примитивные, ущербные люди. Вот у них уж точно увлечений никаких нет, только дурь.

Такой вот разговор состоялся у меня с бывшим панком. А напоследок я его спросил: знали, мол, в роте, чем ты до армии увлекался? Он плечами пожал:

— Во всяком случае никто ни о чем не расспрашивал. Не то что Валентина. Ему доставалось, долго из-за этого в неугодных ходил.

С Сергеем мы беседовали в ленинской комнате, и там же висел стенд отличников боевой службы и учебы, на котором красовался его портрет. Валентин такими успехами похвалиться не может, хотя служит, по признанию командира, образцово.

— Характер у него неважный, — дает пояснения командир. — Гонору много. Как это проявляется? Солдат в музыке разбирается отлично, а начали в художественную самодеятельность привлекать — не захотел, репертуар ему, видите ли, не нравится. Еще пример. Попросили, чтобы он литературный вечер провел — опять заурямился, меня, говорит, в роте мало кто поймет, я своеобразную литературу читаю, на любителя рассчитанную, не хочу, чтоб слушатели зевали. Замполита это за дело, эгоистом и зазнайкой солдата назвали...

Сам Валентин слова замполита вспоминает дословно: «Я тебя опущу на землю, научу уважать товарищей, из кухонного наряда вылезать не будешь...»

Виноват бывший панк Валентин в одном: устраняется от общественной работы. В роте десятки людей эту общественную работу не выполняют, но к ним претензий меньше: они, мол, ничего и не умеют. А тут — «горе от ума»: не хочешь в самодеятельности участвовать — посуду мой. Это ведь тоже своеобразная ломка, своеобразный урок Валентину: впредь не высовываться, быть как все.

«Уделять особое внимание» — это уже стало расхожей фразой. Кто из небогатой семьи, кто здоровым не может похвалиться, кто к боевой учебе и службе спустя рукава относится, кто с дисциплиной не в ладах, теперь вот кто до службы в неформалах ходил — всем особое. Ну кого мы обманываем? Особое — это ведь более профессиональное и квалифицированное. Если, к примеру, служит у вас в роте бывший «металлист», так предполагается, что вы сами должны и «Юрай Хип» слушать, и популярные рок-группы назубок знать, и соответствующую литературу штудировать. Если даже допустить, что в столице и областных центрах с трудом, но записи и книги вы приобрести можете, то что говорить о тех, кто служит в отдаленных подразделениях? А если у вас в дополнение к «металлисту» есть еще «хиппи», «панк», «культурист», так что же, замполиту надо отложить в сторону большую часть своих обязанностей и заниматься только ими? Самому с головой входить в заботы меломанов и силовиков? Как в больнице одним видом лекарств не лечат больных гриппом, желудком и, скажем, аритмию сердца, так, мне кажется, и нельзя одинаково подходить к неформалам: ведь неформал неформалу рознь, попробуй подстройся под каждого, одели каждого особым вниманием. Нервально это. Да и не нужно.

А что нужно?

Нужно уже сегодня отказываться от того, что неформалы — нечто отличительное в армейской среде, а то ведь мы сами создадим в подразделениях касты, в большей или меньшей степени выделяя из коллектива какие-то группы. Нужно взять ориентир на то, чтоб подразделение стало коллективом личностей, и из этого расчета

строить индивидуальную работу. Пусть и музыка, и шанга, и тяга неформала к самовыражению используются для укрепления политико-морального состояния личного состава. Есть в роте нестандартно мыслящие, увлекающиеся натуры — так не спешите одергивать их, приводить к общему знаменателю: мол, тут тебе армия, а не дискуссионный клуб, отслужи и уже на гражданке проповедай свою философию. А философия эта у подавляющего большинства неформалов никак не противоречит работе по политическому и воинскому воспитанию военнослужащих. Если же она в чем-то нравственно ущербна — проповедует, скажем, культ силы, восхваляет эгоизм, так на то армия и школа воспитания, чтобы помочь молодому человеку разобраться в себе. И первый педагог тут — сам уклад здоровой армейской жизни.

И еще об одном хочется сказать. Надо не просто призывать к тому, чтобы каждый был личностью, а значит, и чувствовал себя увереннее, мог проявлять свое «я» (это, кстати, сделало бы невозможным существование «дедовщины», живущей за счет безропотности и безразличия массы), надо создавать для этого соответствующие условия. Почему бы, к примеру, не открыть при солдатских клубах кружки по интересам? Увлекаются люди историей, философией, точными науками, изучением иностранных языков — пусть встречаются здесь, пусть сообща готовятся к продолжению учебы в вузах и к поступлению туда. Несложно сплотить в кружок изобретателей, рационализаторов. А разве плохо, если бы человек за два года службы научился быть плотником, резать стекло, варить борщи даже, приобрел навыки туриста, обучился национальным спортивным играм. Ведь все это можно делать в клубе, а многое из вышеперечисленного — и в отдельно дислоцированном подразделении, если подходить к делу так, как подходят неформалы, то бишь не формально. Только надо не ради галочек это делать, не привлекать военнослужащих в ту или иную секцию или кружок, а лишь содействовать тому, чтобы они находили коллег по своим увлечениям, интересам.

Люди, увлекающиеся пусть даже совершенно разными объектами, всегда найдут контакты друг с другом. Станут ли неформалы главными запевалами в создании секций и кружков — не столь важно. Главное, что они, равно как и другие солдаты, с удовольствием будут общаться с сослуживцами, спорить, учиться самостоятельно мыслить. Конечно же, мы при этом не должны быть в стороне. Наше дело — направлять разговоры и споры в нужное русло. Без окриков, без навязывания своего мнения. Да, конечно, это трудно. Но давайте учиться быть воспитателями.

К. ВЛАДИМИРОВ.

УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР.

ЛУЧШЕ РАЗ УВИДЕТЬ...

Полная и достоверная информация о глубинных процессах, происходящих в подразделениях, о настроениях среди личного состава, намерениях отдельных военнослужащих — залог успешного предупреждения неуставных отношений в воинских коллективах. Учитывая это, наши командиры, политработники, активисты стремятся досконально знать обстановку в подразделениях. Бесспорно, нелегко вникать в жизнь воинских коллективов. Потребовались долгие и терпеливые разъяснения офицерам, активу, почему необходима системная работа с людьми, почему нужно отрешаться от инерции, отказываться от устоявшегося, отдающего формализмом стиля воспитания солдат и сержантов, самих воспитателей. Сейчас можно сказать, что у большинства командиров и политработников уже сложился определенный навык анализа и оценки ситуаций во взаимоотношениях военнослужащих.

Политотдел части располагает в общем-то достаточной объективной информацией о положении дел в воинских коллективах. К примеру, мы знаем военнослужащих, склонных к нарушениям уставных положений, информированы о состоявшихся до призыва в неформальных объединениях. Приезжая в подразделения, контролируем, как офицеры-коммунисты влияют на таких подчиненных, что сделали политработники по укреплению микроклимата в ротах.

Кстати, выслушать офицера подразделения или составить по запросу список «склонных» — еще не значит получить достаточную информацию о нравственной обстановке в коллективе. Да и по сути своей подобный подход к ее сбору и обобщению, полагаю, неверен. Куда эффективнее придерживаться правила: лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. В политотделе вошло в систему ежеквартально поработать в каждой из рот с целевым назначением — проанализировать состояние дисциплины, провести воспитательные мероприятия, поправить, если потребуются, стиль работы офицеров, партийных и комсомольских активистов. Конечно, одним лишь политотделом такой объем работы явно не по силам, ведь есть же еще множество вопросов, которые тоже требуют пристального внимания. Поэтому все чаще в эти группы включаются и офицеры штаба — коммунисты управленческой парторганизации, и политработники подразделений.

Вот как работала целевая группа в одном из батальонов. Возглавлял ее начальник

политотдела части. Это был плановый выезд. Обстановка в коллективе не вызвала озабоченности, но он пополнился очередным призывом. Надо было выяснить, как новички адаптируются к службе, помочь офицерам изучить их и скорректировать работу по предупреждению каких-либо конфликтов в ротах на почве неуставных отношений.

Замечу, что наши батальоны и роты многонациональны: и в данном подразделении служат представители свыше двадцати пяти народностей нашей страны. Поэтому особым смыслом наполняется деятельность командиров и политработников по укреплению в солдатской среде братства, войскового товарищества.

С поправкой на это и начали работу в подразделении прибывшие офицеры. Беседовали со всеми солдатами, подлежащими увольнению в запас. Подсказали им, чтобы помогли быстрее поставить на ноги молодых сослуживцев, окружив их заботой, взяв под опеку слабо владеющих русским языком. При необходимости стремились сыграть на земляческих чувствах воинов. Не упустили из виду и то, что ряд новичков прибыли из районов Закавказья, среди населения которых в последнее время существует определенная напряженность. Политотдельцы уточнили, кто из них и как расценивает сложившуюся ситуацию. Суждения солдат — армян и азербайджанцев — учли при подготовке мероприятий интернационального воспитания, в частности тематического вечера «У карты Родины». На нем выступили многие военнослужащие, привели интересные примеры из жизни своих республик.

Организаторы вечера подполковник В. Цомпель, старший лейтенант В. Бодю привлекли к участию в нем командира батальона майора Б. Шаймерганова, командира роты капитана Я. Алиева. Немало поучительного для себя услышали от них молодые солдаты, особенно земляки этих офицеров — казахи и азербайджанцы.

Наверное, кто-то скептически отнесется к тематическому вечеру: опять, мол, «заорганизованная массовка». Мы же, используя его с другими формами воспитания, рассчитываем на определенную отдачу и реально получаем ее. После того вечера — а его красной нитью пронизывала мысль, что союз наших народов силен дружбой, общим созидательным трудом, — мы провели и вечер вопросов и ответов. На нем тоже касались проблем интернационально-

го воспитания. Выяснилось, на наш взгляд, примечательный факт: более двух третей военнослужащих срочной службы дружат с сослуживцами иной национальности. А это ведь залог здоровых межнациональных отношений в коллективе, зримый плод нашей общей работы на важном направлении.

В круг деятельности целевой группы входили также занятия с воспитателями — так сказать, методический всеобуч. Например, пока другие офицеры выполняли порученные им конкретные задания, начальник политотдела провел с офицерами, сержантами, активистами instructивные беседы «О культуре и особенностях быта разных народов», «Как поддерживать здоровые взаимоотношения в многонациональном воинском коллективе» и т. д.

И конечно же, не только офицеры управления части, а и местные командиры и политработники встречались с заранее намеченными военнослужащими, выясняли их настроения, отношения с сослуживцами, их взгляд на обстановку в коллективе, решали другие вопросы.

Надо сказать, что в системе предупреждения неуставных проявлений широко используется ежедневное заслушивание сержантов, активистов о поведении личного состава в отсутствие офицеров. Коммунисты всячески создают условия, чтобы войны безбоязненно выступали на комсомольских, общих собраниях, называли тех, кто пытается как-то ущемлять честь и достоинство молодых сослуживцев, что и ведет к конфликтным ситуациям в коллективе. Все это

и позволяет иметь достаточную информацию, видеть, куда направлять главные усилия.

Хотя в части проблемы неуставных взаимоотношений, борьбы с «дедовщиной» во многом разрешаются положительно, — не на все здесь мы смотрим оптимистично. И причина чаще всего — недостаточный профессионализм некоторых командиров, политработников, упускающих из рук бразды правления, проявляющих благодушие в оценке ситуаций в роте, взводе.

Тогда нам приходится пополнять склонными к нарушениям нашу строительную бригаду. Может быть, ее существование, с одной стороны, и не совсем законно, но, с другой — своевременно изолируя от коллектива военнослужащих, пытающихся поставить себя над товарищами, мы не даем разгораться конфликтам, нередко ведущим к печальным последствиям. Собранные же в одном месте ревнители «стариковщины» живут по специальному распорядку дня: систематически занимаются боевой и политической подготовкой, привлекаются к хозяйственным работам. Им не на кого перекладывать солдатские дела, волей-неволей надо честно трудиться самим. С ними активно проводятся воспитательные мероприятия...

Такой вот опыт, кое в чем, может, и небесспорный, позволил более чем наполовину сократить происшествия на почве неуставных взаимоотношений в солдатской среде.

Майор В. КУНДУС, старший инструктор политотдела части.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Даже во имя доброго дела нельзя использовать неправомерные средства. Говорим это потому, что упоминаемая автором «строительная бригада» не может заменить воинский коллектив с его партийной, комсомольской организациями, различными общественными органами и особыми взаимоотношениями воинов, с его устоявшейся системой политико-воспитательной работы.

Создание же «строительной бригады» по принципу объединения в ней всех «трудных» солдат по форме мало чем отличается от формирования штрафных рот в период последней войны и дисциплинарных частей в наше время. И уже это противозаконно. Как и аморально вешать на человека ярлык «неисправимый», «потенциальный преступник».

А нравственный урон от подобного нов-

шества! Нетрудно представить, с каким чувством унижения, бесправия покидает солдат отделение, взвод, роту, где начинал служить, где обрел друзей, где, может, впервые стал задумываться над своей судьбой «трудного» парня. И теперь он, чье согласие на перевод никто не спрашивал, вынужден служить в непонятном подразделении, созданном непонятно на каких принципах военного строительства. Разве не проявляется здесь попытка ущемить права человека?

Наконец, перевод военнослужащего по недисциплинированности или склонности к ней — это выражение недоверия воинскому коллективу, неверие в его воспитательные возможности.

Так что не всякие средства оправданы, даже если цель благородна.

Отдел партийно-политической работы.

ФОТООКНО

На занятии по тактической подготовке рядовые Владимир Смоквин (слева) и Гулахмед Баирамов.

Рядовой Абдурахмон Болтаев, сержант Григорий Жуков и рядовой Леван Самхарадзе (слева направо) делятся друг с другом новостями, пришедшими из родных мест с последней почтой.

Фото старшего лейтенанта С. ЛЕЦКО.

КАК-ТО само собой получилось, что разговор командиров и политработников подразделений на недавней научно-практической конференции все время возвращался к вопросу: как линию партии на демократизацию провести в условиях нашей части? Мнения были самые разные. Так, отдельные командиры рот заявляли, будто гласность подрывает их авторитет, ибо она не во всем стыкуется с воинскими уставами. Другие даже пытались объявить процессы демократизации жизни воинских коллективов чуть ли не главной причиной негативных явлений,

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и особенно XIX Всесоюзная партконференция дали нам наглядный урок, как надо обнажать проблемы, как побуждать людей следовать принципу: за словом — дело. Извлекая из этого выводы, секретари парторганизаций стали привлекать к подготовке собраний не только свой актив, но и беспартийных специалистов, комсомольцев, активистов общественных организаций. Так же поступали при выработке постановлений собраний. Причем сами собрания, как правило, проводились открытыми. Откровенный разговор коммунистов о

«ИЗБЕРИТЕ СЕКРЕТАРЕМ... МОЮ ЖЕНУ»

прежде всего в сфере взаимоотношений военнослужащих. В ходе развернувшейся дискуссии в конце концов удалось убедить и первых, и вторых в том, что они неправильно оценивают роль и место гласности в условиях войск. Разумеется, командование и политотдел понимали: одними разговорами всех офицеров не сделаешь поборниками гласности, за нее надо бороться, к ней надо приучать людей и без нее ни о каком обновлении не может быть и речи.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС было подчеркнуто, что развитие гласности — одна из важнейших политических задач перестройки. Для политотдела части не было вопроса «С кого начать?» Начали с себя, с коммунистов. Настойчиво добивались, чтобы все вопросы, выносящиеся на обсуждение политотдела или партийных организаций, заранее доводились до широкой общественности. Для этого проводили инструктажи актива, информировали личный состав на политинформациях, в беседах. Что это дало? Во-первых, люди знали, что сейчас больше всего беспокоит партийцев. А во-вторых, военнослужащие сами стали подсказывать нам, где находятся «болевы точки», где мы ослабляем партийное влияние.

Не скрою, непросто было помочь коммунистам ряда подразделений отрешиться от взгляда на партийные собрания как на обязательные мероприятия ради галочки в плане: не один и не два года кое-где укреплялось такое формальное отношение к ним, оттого они часто превращались в говорильню.

наболевшем, о самом насущном, а главное, усиление спроса за выполнение поручений укрепляли авторитет парторганизаций в подразделениях, приучали личный состав не отмалчиваться при столкновении с равнодушными начальниками, очковитателями.

Кроме того, определяя повестку дня партсобраний, партийные организации учитывали мнение всего личного состава, прислушивались к критическим замечаниям солдат и сержантов. А прижившееся правило ставить первым вопросом каждого собрания информаций секретаря о выполнении ранее принятых решений стало надежным заслоном от разрыва между словом и действием.

ОЖИВЛЕНИЕ партийной работы не могло не сказаться на деятельности всех общественных органов, комсомольских организаций. Мне, к примеру, хорошо помнится комсомольское собрание части, на котором без пресловутого «извините за критику» молодые воины говорили о том, что политический отдел, ротные политработники зачастую стоят в стороне от организации досуга личного состава, не интересуются культурными запросами солдат и сержантов. Называли при этом и конкретные фамилии.

Урок пошел нам впрок. Начальник клуба капитан В. Дуфник активно подключился к организации экскурсий в местные музеи, на выставку достижений союзной республики, культпоходов в драматический

Трибуна политработника

театр. Под руководством старшего инструктора политотдела капитана А. Ковалева совет библиотеки обновил тематические выставки книг, подготовил встречу с писателями республики. То есть офицеры предметнее стали заниматься своими делами, не ссылаясь на решение «глобальных» проблем.

Коммунисты подразделений также своевременно отреагировали на критику: в батальоне, где командиром капитан А. Федоренко, переоборудован интерьер столовой, в ней появились обеденные столы на четырех человек, красивые занавески, цветы. Политработник другого подразделения капитан В. Чупрынин очень много сделал для создания вокально-инструментального ансамбля, дорогостоящую аппаратуру для которого подарил воинам горком ВЛКСМ за активную военно-патриотическую работу в школах и ПТУ города.

Налаживается художественная самодеятельность и в остальных ротах. Сейчас мы приступаем к переоборудованию ленинских комнат, чтобы создать там уют, условия для спокойного отдыха.

ЗАМЕЧУ: иногда гласность побуждает людей к, казалось бы, совсем неожиданным предложениям. Кто бы мог года два-три назад подумать, что коммунист выдвинет на пост секретаря парторганизации... свою жену? А сейчас, когда на первый план выходят деловые качества людей, такое случилось...

В подразделении капитана Р. Аvezова сложилась не совсем здоровая обстановка среди прапорщиков-контролеров. В целом этот воинский коллектив на хорошем счету, однако долгое время топчется на месте, медленно повышает показатели в боевой службе, дисциплине. На отчетно-выборном собрании коммунисты не обошли стороной недочеты и упущения. В частности, члену КПСС Р. Аvezову указали, что он поверхностно изучает отношения между прапорщиками, редко советуется с общественностью. Справедливые замечания высказали коммунистам С. Ремезанову и М. Гурбанову за снижение общественно-политической активности, за примиренческую позицию к нарушениям дисциплины. И встал вопрос: кто может поднять боеспособность парторганизации, укрепить ее авторитет как политического ядра подразделения? Слово взял прапорщик С. Моторный и назвал имя... своей жены. Несколько минут тянулось молчание. Каждый партией, видимо, воссоздавал в памяти: что он знает о прапорщике Татьяне Сергеевне Моторной. И в итоге пришли к одному мнению: действительно она способна оживить партийную работу.

С чего начала Татьяна Сергеевна? С бесед с коммунистами. Уточнила, в чем они видят резервы сплочения коллектива, какое участие сами принимают в его жизни. Встречалась с беспартийными контролерами, брала на заметку их суждения. Как раз в этот период подразделение переводилось на новые штаты, и, когда на общем собрании Моторная высказала обобщенные предложения, подавляющее

большинство военнослужащих одобрило их. Конечно, не все остались довольными, однако откровенное и гласное обсуждение непростого вопроса упредило лишние разговоры — трудно что-то возразить против коллективного решения. Сейчас партийная организация подразделения «прибавляет обороты», чему в значительной мере способствует обстановка доброжелательности, открытости мнений.

Или взять иной пример. В беседе с одним офицером, имеющим партийное звание за слабую воспитательную работу с подчиненными, услышал от него признание: «Нам стало работать легче, чем прежде». На вопрос: «Почему?» — он ответил, что больше доверяет сержантам, больше спрашивает с них.

А разве раньше он не знал, что во многом подменяет младших командиров? Знал, да только перестраховывал себя, не прислушивался к мнению сержантов. И только начавшаяся демократизация жизни воинских коллективов придала офицеру веру в надежность своих помощников.

ПОЯСНЮ, что люди, работающие в низовых звеньях, внимательно присматриваются к стилю руководителей. Зная это, командир части, его заместители, политотдел по-новому подходят к решению проблем. Так, стало нормой, что обсуждение кандидатур на вакантные должности происходит на совещании управленческого аппарата, а вопросов о присвоении очередных воинских званий, направлении на учебу в военные академии — на собраниях офицеров. Открыто, с приглашением всех заинтересованных людей заседают жилищная комиссия, комиссия по распределению путевок на период отпусков и т. д.

Каждому военнослужащему части созданы условия для свободного обращения к должностным лицам с просьбами, жалобами и заявлениями. На видных местах вывешены адреса командиров и начальников политорганов соединения и части. Командирам и политработникам подразделений предписано в этих целях предоставлять подчиненным имеющиеся в ротах или в ближайших населенных пунктах средства связи.

Случается, что «снизу» идут встречные предложения, от которых порой теряешься: одобрить инициативу или «не замечать» ее? Наверное, многие помнят спектакль и поставленный по нему кинофильм «Премия». Что-то подобное этому начинает проявляться в солдатской среде. Мне уже не раз приходилось встречаться с такими случаями, когда люди добровольно отказываются от воскресного увольнения или краткосрочного отпуска. При этом они заявляют: когда подразделение принимало социалистические обязательства, то солдаты и сержанты по своей инициативе единодушно проголосовали за коллективный принцип ответственности за воинскую дисциплину. Иначе говоря, если один человек совершил проступок, то второй берет на себя моральную ответственность за него и считает, что его в таком случае нельзя поощрять... Что говорить, сложная ситуация, и тут офицерам, коммунистам необ-

ходимо проявлять все свои педагогические знания, такт в подходе к людям, чтобы и достойного отметить, и не допустить искривления уставных требований о правах и обязанностях военнослужащих...

Раньше как командир роты представлял в управление части свои предложения о поощрении подчиненных? Составит список, обсудит его с офицерами, секретарями партийной и комсомольской организаций — и направит его в штаб. Теперь же общее собрание личного состава обсуждает кандидатуры для поощрения, а затем командир посылает по команде выписку из протокола собрания и свой рапорт. Нередко обсуждения, кого сфотографировать у развернутого Боевого Знамени части, кого отметить сообщением на родину о его успехах, кому предоставить краткосрочный отпуск и т. д., проходят настолько принципиально и самокритично, что рота отказывается от какого-нибудь вида поощрения.

Выявилась у гласности и еще одна сторона — она не позволяет отдельным командирам и политработникам приукрашивать состояние дисциплины. Ежемесячно информируя об этом людей на общих собраниях, они едва ли осмелятся закамфлировать какой-либо проступок — подчиненные непременно вспомнят о нем, когда речь пойдет о поощрениях.

Да и в целом гласность меняет стиль нашей работы. Личный состав, скажем, уже не увлечешь лозунгами о высоком качестве службы, если промолчишь о быте, питании, культурных запросах людей. И здесь, к сожалению, не все зависит от коммунистов части. Лет пять назад, например, одно наше подразделение разместили... в помещении бывшего склада, где не было даже окон. Личный состав приложил много сил, чтобы оборудовать казарму по уставным требованиям, но кто подсчитал моральный ущерб, нанесенный ему? Сейчас вряд ли какой-нибудь руководитель примет подобное решение, однако волевые указания «сверху» нет-нет да и проходят. Прежде всего они затрагивают расчет численности личного состава, необходимого для выполнения всего объема служебно-боевых задач. Солдаты и сержанты начинают говорить о таких диспропорциях вслух, потому что хотят иметь и полноценный отдых, и нормальные бытовые условия в казармах и караульных помещениях. Да и на офицеров ложится существенная служебная нагрузка. Эти трудности из разряда временных перешли в хронические, и, вероятно, без помощи вышестоящих органов руководства нам их не преодолеть.

КОЕ У КОГО из читателей может возникнуть мысль, что нам легко внедрять гласность в жизнь воинских и партийных коллективов. Нет, это далеко не так. Обращусь для примера к управленческому звену. Отдельные офицеры здесь прячутся за спины других в то время, когда большинство трудится в поте лица. Есть и такие, кто, бывая в подразделениях, по-прежнему выступает в роли контролера, фиксатора недостатков, с не-

желанием идет на общение с личным составом. Именно таким людям гласность не нужна, потому что она высвечивает их бумажно-бюрократический стиль.

Партийное бюро управления части, возглавляемое майором С. Кутуковым, не мирится с «подстройщиками» к перестройке. Члены бюро усиливают контроль за выполнением партийных поручений, о чем регулярно информируют коммунистов на партсобраниях. Прочно вошли в практику заслушивания отчетов членов КПСС. Здесь ни для кого не делается исключений: отчитываются перед товарищами и коммунисты-руководители, начиная с командира части и начальника политотдела. Собрания, где держат отчеты партийцы, проводятся открытыми, а в подразделениях, кроме того, на них приглашают сотрудников ИТК.

Однако встречаются факты, когда некоторые партийные вожак пытаются единолично решать все вопросы партработы, становятся в позу эдаких непогрешимых руководителей. В частности, на последнем отчетно-выборном партсобрании коммунисты одного подразделения отказали в доверии секретарю партбюро Б. Чурменову за попытки административно, учинять разность при заслушивании отчетов партийцев. И политотдел, видя свои промахи в работе этой парторганизации, стал больше помогать новому секретарю партбюро, чтобы не повторить прежние ошибки.

Не в полной мере, на мой взгляд, реализуется гласность и в кадровой работе. Проявляется это в первую очередь в отсутствии открытого конкурса при назначении на вышестоящую должность. Не научены воинские и партийные коллективы пользоваться правом выражать свое мнение при выдвижении или перемещении людей, сводя все лишь к выдаче скупых, зачастую трафаретных, характеристик и рекомендаций. А ведь именно опора на мнение широких масс военнослужащих позволит руководителям меньше допускать ошибок, тогда труднее будет служить по старинке тем, кому гласность не по душе.

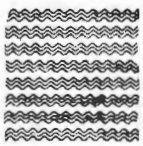
Подполковник А. РЕВЕНКО,
начальник политотдела части.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

Разобрались

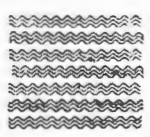
Поступил ответ на реплику «Иван кивает на Петра», опубликованную в № 12 журнала за 1988 год. Заместитель начальника УВВ по Западной Сибири по тылу полковник В. Коваленко проинформировал редакцию, что старший прапорщик А. Мещеряков поставлен на очередь на получение жилья в ИТК, где он несет службу. Решение его квартирного вопроса взято на контроль в части.

Многие периодические издания публикуют ныне корреспонденции, рассказывающие о нелегких буднях воинов внутренних войск. В их числе газета ЦК Компартии Украины «Рабочая газета», охотно предоставившая нашему журналу этот репортаж.

СЛУЖБУ НЕ ВЫБИРАЮТ

О некоторых эпизодах боевой службы внутренних войск «Рабочая газета» рассказала в материалах «Спецзадание» и «...Прошу направить в Чернобыль». Сегодня речь пойдет о конвоировании осужденных в места лишения свободы.

В ОТ К НЕМУ, стоящему на запасном пути, точно в назначенное время подъехала машина. Часовые заняли свои места.

— Приготовить восьмую камеру, — раздается команда начальника караула прапорщика Б. Шевчуна.

— Восьмая готова, — докладывает помощник.

— Несовершеннолетние, на выход.

Подросток, осужденный за грабеж, злостное хулиганство и групповое изнасилование, шагнул в тамбур вагона...

— Закрыть камеру за последним. Внимание, строгий режим. Приготовить камеру № 7. Третий пошел... Открыть шестую, усиленный режим на выход... Четвертый пошел...

Спецвагон чем-то напоминает купейный. Но со стороны купе-камер нет окон, и по всему коридору сплошные решетки, выкрашенные в серый цвет. За ними двухъярусные металлические нары. Перегородки, пол, потолок — все обито железом. По коридору прохаживается вооруженный часовой, наблюдая за поведением «пассажиров». Свободные от службы солдаты отдыхают в отдельном купе караульного помещения. Играют в шахматы, слушают радио, читают газеты. Из дверей кухни, компактно размещенной рядом, вкусно пахнет — повар рядовой Г. Калайджян готовит ужин.

Пока маневровый тепловоз перебрасывает вагон от контрольно-диспетчерского пункта — места загрузки — к пассажирскому составу, начальник караула по личным делам проверяет фамилии осужденных, назначает старшего по камере, объявляет им порядок поведения на период

конвоирования, организует досмотр охраняемых и их личных вещей: нет ли оружия, острорежущих и колющих предметов, наркотиков, денег. Караульные В. Тарарай и Ю. Семак, предварительно сдав оружие и надев халаты, вместе с помощником и начальником караула подходят к камере.

— Фамилия, год рождения, статья?

— Серенко Владимир Федорович, 1955, ст. 93, пункт «а», 142, часть 3 УК УССР, 15 лет лишения свободы.

— К обыску приступить...

Щелкают запоры, и солдаты заходят в камеры. Простучивают стены, проверяют исправность решеток, проводят досмотр конвоируемых.

— Процедура приема осужденных, свидетелями которой мы только что были, просто необходима, — рассказывает караульный свободной смены рядовой Р. Зыку. — Ведь порой коварству преступников нет предела. Надо всегда быть начеку. Вот недавний случай. При приеме в вагон подследственный, подозреваемый в ряде тяжких преступлений, в том числе и убийстве, оттолкнув начальника караула, бросился под вагон. Часовые молниеносно сориентировались. Злоумышленник не успел сделать и десяти шагов, как был схвачен.

— Не думайте, что такая спокойная обстановка у нас всегда, — замечает начальник караула прапорщик Б. Шевчун. — Просто осужденных сейчас немного, разместили их практически по одному. А представьте себе, что в вагоне восемьдесят человек, да еще камера с женщинами. Тут тебе и выкрики, и отборный мат, и попытки передать записки. Словом, содом и гоморра...

— Но самое худшее, — вступает в раз-

О НАС ПИШУТ: РЕПОРТАЖ ИЗ СПЕЦВАГОНА

говор рядовой Ю. Марчук, — когда везем такую компанию суток 12—14, особенно летом. Крыша вагона буквально раскалена, в коридоре не продохнуть. А тут еще и осужденные беспрерывно курят, оскорбляют часового, бывает, плюются. А ты должен не поддаваться на провокации. Случается, разбушевавшись, они раскачивают вагон. И тогда требуется максимум усилий, чтобы погасить вспышку ярости конвоируемых, не допустить схода вагона с рельсов...

СОЛДАТ службу не выбирает. Его пост — один из сотен и тысяч постов, на которых несут службу его сверстники во всех Вооруженных Силах страны. Для него этот пост — главный. И нравится ему служба или нет, он несет ее. Потому что выполняет свой долг.

— Досадно только, что многие не понимают, что служба во внутренних войсках так же важна и необходима, как и в десантных, ракетных, танковых, — с горечью говорит сержант Б. Брус. — Ведь мы не просто охраняем преступников — мы оберегаем от их посягательства покой честных людей, их работу, семейные хлопоты, отдых. И полбеды, что о нашей нелегкой, порой опасной службе мало знают, что до последнего времени не находилось для нас места ни на газетных и журнальных страницах, ни в телепередачах «Служу Советскому Союзу!» или «Слава солдатская». Обидно другое: то, что информация, которая наконец попала в прессу, носит до сих пор сугубо негативный характер. Конечно, случай в спецвагоне, попытка захватить самолет в Уфе — все это было, и об этом нужно было писать. Но почему ни до, ни после этого никто не написал о мужестве наших солдат, их преданности долгу? Почему, к примеру, никто не рассказал об отваге и стойкости рядового внутренних войск И. Дениса? Осужденные обстреляли его из арбалета. Выпущенный заостренный электрод впился в лицо часового. Но он не покинул пост и нес службу, пока не был сменен начальником караула...

Почему-то так повелось, что военно-патриотическое воспитание молодежи проводится на примерах службы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, граничных войсках. Юноши, готовящиеся стать защитниками Родины, почти никогда не слышали о специфике внутренних войск.

В итоге многие зачастую не готовы к тем моральным и психологическим нагрузкам, которые их ожидают. Командирам и политработникам приходится восполнять эти пробелы.

Проехав с караулом до конечного пункта, мы убедились, что у солдат служба действительно нелегкая, во многом непривлекательная. Невольно возник вопрос: не очерствели ли их юные души, соприкасаясь с насильниками, грабителями, убийцами? А ведь возможна и альтернатива. Охраняют же тюрьмы, следственные изоляторы, воспитательно-трудовые колонии для подростков служащие более старшего возраста, с устоявшейся психикой, которые

сознательно избрали себе такую профессию, получают за свой труд зарплату. Стоит, нам кажется, над этим подумать...

4.10 ночи. Идет мокрый снег. Остановка на одной из станций. В некоторые купейные и плацкартные вагоны заходят пассажиры, а в хвостовом — спецвагоне — идет прием осужденных. Времени в обрез.

— Караул, по местам.

Помощник начальника караула сержант А. Козар и часовая рядовой Ю. Марчук находятся у камер. В тамбуре — рядовой В. Тарарай. Рядом с вагоном рядовой Ю. Семак. В готовности к действиям заняли свои места и солдаты встречного караула.

— Приготовить камеру № 1. Первый пошел... Закрыть камеру за последним. Открыть камеру № 2. Внимание, подследственный. Второй пошел. Закрыть за последним. Караул, с постов...

КАРАУЛ, который сегодня несет боевую службу, назначен от именного подразделения. В его списке навечно зачислен однопольчанин капитан М. Силенко. В 1941 году он пал смертью храбрых под Ромнами Сумской области в бою с фашистами. В годы гражданской войны награжден орденом Красного Знамени. Каждый раз на вечерней поверке первым называется имя отважного воина-чекиста.

Офицер В. Козалетов: «Именным это подразделение стало не вдруг. Такое право завоевала лучшая рота. И по традиции в ней служат самые достойные. Но говорить хочется не только об этом. Есть проблемы, которые мы не в силах решить на протяжении многих лет. Одна из них — отбор во внутренние войска. Военкоматы в первую очередь направляют призывников в армию и на флот. Мы же, по сути, как и стройбаты, лишены возможности выбора. Берем оставшихся. Результат такого распределения: нескольким десяткам военнослужащих нашей части мы не доверим оружие по состоянию здоровья. Используем их в основном на хозяйственных работах. А ведь эти потери нам никто не восполнит. У военкоматов же нет проблем: план призыва выполнен.

Мы на пороге еще одной проблемы. Идет сокращение численности осужденных в колониях. В связи с этим сокращается и охрана ИТК, хотя периметры охраняемых объектов остаются неизменными. От такого подхода пострадает прежде всего солдат. Ему будет физически очень трудно нести службу. На четыре часа больше в сутки, чем сейчас. Да и качество охраны в этом случае ухудшится. Мой опыт позволяет предвидеть: не исключены самовольные отлучки, сон на посту...»

Хорошая новость — сокращение численности осужденных. Надо полагать, и мест их содержания должно быть меньше...

...И вновь обменный пункт. На этот раз — особые «пассажиры». Их помещают в отдельную камеру, напротив которой на весь дальнейший путь встал специальный часовой. Кого же он охраняет?

Из приговора осужденного:

Рохальский Е. М., 1940 года рождения. Имеет пять судимостей. В местах лишения

ИХ НАГРАДИЛА РОДИНА

свободы провел 17 лет. Через месяц после освобождения совершил грабеж и убийство женщины. Приговорен к исключительной мере наказания...

После рассмотрения дела в высшей инстанции приговор оставлен в силе.

Начальник караула инструктировал часового:

— Во время этапирования Рохальского необходимо соблюдать осторожность и бдительность, поскольку, судя по всему, он вынашивает план о побеге. С этой целью может совершить членовредительство, симулировать болезнь. Требуется усиленной охраны.

Из приговора осужденного:

Евтушик С. В., 1966 года рождения. Ранее судим. 8 июня 1987 года, чтобы избавиться от ребенка своей жены, Дмитрия К., 1984 года рождения, увел его в лес, где умышленно убил с особой жестокостью. Наносил ему лобом папкой, руками и ногами в разные части тела, затем душил за горло, ударил ножом в грудь и живот. Труп спрятал в лесу в яме. По заключению судебно-психиатрической экспертизы Евтушик психическим заболеванием не страдает. Приговорен к расстрелу.

Верховный суд УССР оставил приговор в силе. Президиум Верховного Совета Украинской ССР просьбу о помиловании отклонил.

Ориентировка начальника караула часовому:

— В следственном изоляторе Евтушик дважды совершал попытки самоубийства, избивал сокамерника. Требуется усиленной охраны.

— Конвоирование приговоренных к расстрелу доверяется наиболее подготовленным и опытным военнослужащим. Таким, как в данном случае ефрейтор Бахретдин Мухамадиев и рядовой Александр Ленченко, — говорит политработник старший лейтенант А. Димитришин. — Они уже заканчивают службу, отличники боевой службы, боевой и политической подготовки. Рядовой Ленченко только что сменился с поста.

— Саша, как мама относится к твоей службе во внутренних войсках?

— Волнуется. В письмах просит служить честно, быть осторожным. Она ведь понимает, что и эту службу кто-то должен нести.

— И какой караул по счету у тебя?

— Семьдесят первый, а у Бахретдина на четыре больше. Дважды его родителям командование части посылало благодарственные письма.

— И сколько же времени вы находитесь в караулах?

— Практически полслужбы. И это не только я. Все мои сослуживцы год проводят на колесах.

Караул, с которым мы познакомились в спецвагоне, вскоре вновь убыл по маршруту. Непосредственно в подразделении нам так и не удалось встретиться.

Служба есть служба...

О. СВИЦ, В. КОРКОДЫМ,
специальные корреспонденты
«Рабочей газеты».

Постоянная неудовлетворенность достигнутым, стремление своевременно, точно и в полном объеме выполнить возложенные на него задачи — вот что всегда отличало и отличает офицера А. Круглова. От проверки к проверке, из года в год сначала рота, а потом и батальон, возглавляемые им, стабильно показывали высокие результаты в социалистическом соревновании, прочно удерживали звание отличных. За доблестный ратный труд передовой офицер был отмечен орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

Ныне офицер А. Круглов на другой, более высокой, должности. Трудится по-прежнему вдохновенно, творчески. Как закономерный итог, к былым его наградам прибавились новые — медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», а совсем недавно и орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II степени.

Капитан В. ПАНЧЕНКОВ.

ОБОРОТНИ

- ◆ РОКОВАЯ КРИВАЯ ОТ ХАЛАТНОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ
- ◆ ПОБЕГ «ОРГАНИЗОВАЛ» ОФИЦЕР
- ◆ ОТПУСК ИЗ-ПОД ОХРАНЫ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО!

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

«...Надоело. И лгать, и молчать надоело, — решился ефрейтор Костевич. — Лучше уж сразу...»

Сейчас, в воспоминаниях, все, о чем думалось в те минуты, кажется по-книжному пафосным, напыщенным, манерным, а тогда... Тогда Костевич (он был часовым КПП) взял автомат и направил ствол себе в сердце. Чтобы первым выстрелом, наверняка.

— **Т**ы что, с ума сошел, Роман! — кинулся к нему младший сержант Плись, помощник начальника караула. Он отобрал автомат у ефрейтора. А тот медленно опустился на табурет и, обхватив голову руками, глухо проговорил:

— Я все знаю. Знаю, кто выпустил осужденного из зоны. Это Сухашвили.

— Командир взвода? — недоверчиво переспросил Плись. — Не может быть!

Как такому поверить сразу? Костевич выложил все, как на исповеди. Рассказывая, заглядывал в глаза сослуживцу, пытаясь уловить искорки сочувствия.

Плись сорвался с места, заметался по комнате часового КПП: нужно немедленно поставить в известность старшего лейтенанта Марцюка, замполита батальона. Костевич не спорил.

Несколько раз звонили в роту, хотели подзвать Марцюка к телефону. Не везло: трубку упорно снимал старший лейтенант Сухашвили. Будто чувствовал. Он вообще в эти дни находился в подразделении дольше обычного. На счастье, подвернулся под руку мастер ИТСО ефрейтор Павлишин. Его и направил Плись нарочным к замполиту. Ну а Марцюк не заставил себя долго ждать.

■ Из протокола допроса начальника отряда капитана внутренней службы Д. ОРУДЖЕВА: *Осужденные моего отряда в жилой зоне располагаются в пяти жилых корпусах совместно с осужденными других отрядов. В связи с этим я не могу вести их точный учет.*

Приказом МВД Грузинской ССР Оруджев освобожден от занимаемой должности и уволен из органов внутренних дел по служебному несоответствию. И не он один. Наказали многих.

ПОНЯТНО, что Сухашвили сразу от всего откестился. Посоветовал отвести Костевича к психиатру, даже нашел в себе силы посмеяться над его «бреднями». Ефрейтор настаивал на своем — офицер упорно отрицал. Известно, сколько бы длилась эта словесная дуэль, если бы не сержант Маммедов. Он, хотя и не сразу, немного поколебавшись, подтвердил слова Костевича. Только тут Сухашвили сдался: да, выпустил.

Марцюк убежден: если бы Плись опоздал на минуту и Костевич успел бы выстрелить, всю вину за отпуск Бекаури из-под охраны свалили бы на него. И никогда никто не узнал бы правды.

Впрочем, и сейчас, когда прошло уже больше года, далеко не все уверены, является ли правдой то, что стало известно. Вернее то, что не удалось скрыть.

УРОКИ СУДЕБНОГО ДЕЛА

Костевич признался: осужденного Бекаури две недели назад выпустил из зоны старший лейтенант Сухашвили. Хватились его лишь на одиннадцатые сутки.

СПРАВКА: 5 апреля 1988 года старший лейтенант Тамази Сухашвили заступил на службу дежурным офицером, прапорщик Эйтивар Гасанов — начальником караула, сержант Бяшим Маммедов — его помощником, ефрейтор Роман Костевич — часовым КПП. И еще один участник этой истории — часовая оператор ефрейтор Василий Волошин, который тоже кое-что видел, но ничего никому не сказал.

■ Из протокола допроса СУХАШВИЛИ: *Ко мне подошел осужденный Бекаури и попросил выпустить его из зоны за деньгами на три часа. Я отказался. Около 23 часов он подошел еще раз. И только с третьего раза я пообещал: будет возможность — выведу. Начальник караула сначала не соглашался, говорил, что это очень опасно (никакие нравственные соображения в расчет не принимались! — А. У.). Потом согласился. Я вывел двоих осужденных — Николадзе и Бекаури. Вернулся лишь один. Через КПП я завел его в зону. Бекаури так и не пришел...*

Гасанов без запинки (он вообще удивительно точно воспроизводил то, что до него утверждал сообщник. Будто сговорились. Или сговорились?) подтвердил сказанное Сухашвили. Да, не соглашался, действительно, позднее уступил. А вот дальше начинается то, что затянуло следствие на многие месяцы.

■ Из протокола допроса СУХАШВИЛИ: *В конце марта Бекаури стал говорить, что ему на свободе должны 15 тысяч, а здесь, в зоне, он проиграл 5 тысяч. Этот долг он хочет вернуть из денег, находящихся в городе. Я предложил Бекаури, чтобы 5 тысяч пошли в счет возмещения долга, а остальные 10 тысяч — мои. Бекаури согласился... Я подошел к Гасанову и сказал, что сегодня из колонии ночью надо выпустить двоих осужденных. Я пообещал, что «магарыч» будет и ему... в пределах 1 тысячи рублей. Сержанту Маммедову и ефрейтору Костевичу пообещал купить хорошие подарки. Они согласились...*

Гасанов не отрицал: речь о деньгах «в пределах 1 тысячи рублей» шла на полном серьезе, потому он и согласился. Дескать, кто же пойдет на предательство безвозмездно, даже если это предательство интересов службы? За все надо платить.

Тогда тридцать сребреников выплыли впервые. Дело приняло иной оборот. Прошло полтора месяца. И что же?

■ Из протокола допроса СУХАШВИЛИ: *Ранее на следствии я оговорил себя, когда рассказал, что осужденный Бекаури за организацию выхода из колонии обещал мне 10 тысяч рублей. Я согласился его выпустить бескорыстно, из жалости... Никаких денег я Гасанову не обещал. Прежние показания мною выдуманы...*

Словно эхо, послушно вторил ему Гасанов: не обещал... выдуманы... оговорил... О какой, мол, взятке, о какой измене присяге речь, когда проявлены человечность, любовь к ближнему, сострадание и милосердие?! А сами «гуманисты» оскорблены в лучших чувствах неблагодарным Бекаури: подвел, не вернулся. Они взяли на себя нелегкую миссию прощать тех, кого осудило государство к длительным срокам, но порыв их, к сожалению, по достоинству не оценен.

Спустя три дня Сухашвили неожиданно для всех пишет «чистосердечное признание министру внутренних дел ГССР», в котором один за другим последовательно излагает факты неоднократного отпуска им из-под охраны различных осужденных за крупные суммы денег (2 тысячи, 3 тысячи...) и драгоценные украшения (перстень с бриллиантом...). Поражает обилие хорошо сочетающихся по времени и обстоятельствам деталей. Правдоподобно, трудно не поверить. И когда у Сухашвили спросили, чем вызвано его «чистосердечное признание», тот с чувством ответил: «Глубоким раскаянием в содеянном. Все факты, изложенные в заявлении, соответствуют действительности. Я хочу полностью искупить свою вину».

Вполне понятное желание. Тем более что выразил его не опытный преступник, не отпетый уголовник и не матерый рецидивист, а офицер, выпускник Ленинградского высшего политического, еще вчера — член КПСС с десятилетним стажем. Истинно, совесть — самый беспощадный инквизитор.

Однако не прошло и двух месяцев, как из-под бойкого пера поднаторевшего на диковинных признаниях Сухашвили появилось новое творение: заявление военному прокурору гарнизона. В нем автор отказался от всех предыдущих «чистосердечных признаний», назвал их надуманными. Признал себя виновным лишь в бескорыстном отпуске осужденного из-под охраны. И получалось, что если он и совершил преступление, то опять же чисто из альтруистических соображений.

На резонный вопрос, зачем нужны были прежние порывы от «чистого сердца», ответил: дал показания под угрозой применения насилия. Из чувства страха. Перед кем? Будто бы перед двумя неизвестными, посетившими его в камере следственного изолятора.

Естественно, и Гасанов тут же отрекся: «Корыстных целей не преследовал. Деньги мне Сухашвили не обещал...»

Вооруженного, как говорится, до зубов Бекаури взяли через семь месяцев. За тысячи километров от места побега. Каких трудов это стоило!

■ Из объяснительной записки осужденного БЕКАУРИ: *в ИТК слышал, что Сухашвили на воле имеет долг. Я подошел и предложил ему частично помочь долг выплатить. За что он обещал на несколько часов вывести из ИТК...*

Одна ложь порождает другую. И бессмысленно гадать, словно на ромашке: брал деньги — не брал, обещал «магарыч» — не обещал. Да и трудно судить о том, что истинно и что ложно лишь на основании нашей осведомленности. Определение степеней вины, классификация преступления — прерогатива суда. Но деформация, энтропия нравственности, совести очевидна и доказательств не требует. Вдвойне прискорбно, что носители ее — военнослужащие. Те, кто призван стоять на страже законности и правопорядка, на границе между злом и добром.

КТО ЕСТЬ КТО?

КОГДА ефрейтор Александр Рогозин, секретарь бюро ВЛКСМ роты, узнал, что Сухашвили отпустил осужденного, — две ночи плакал, как мальчишка. Как же так? Не мог, не хотел поверить комсомольский вожак. Поверить в то, что командир взвода, офицер, коммунист пошел на такое. Это каким же оборотнем быть нужно, постоянно скрываться под личиной, не осмеливаясь предстать таким, каков есть на самом деле. Та апрельская ночь, будто прожектор, высветила их, оборотней, затаившихся до удобного, выгодного случая. И не только Сухашвили и Гасанова...

Незадолго до случившегося ни с того ни с сего решили присвоить Сухашвили звание старшего лейтенанта. Никто в батальоне сейчас не может (или не хочет?) вспомнить, чья это была инициатива. Пожимают плечами, осторожно намекают на непрогнозируемые «верхи». И получается, что чуть ли не сам Сухашвили все и устроил. Сам ли? И так уж ни при чем остальные? Вот, к примеру, какую характеристику ему подписал тогда секретарь партийного бюро капитан Р. Кокоев: «К выполнению своего партийного и служебного долга относится добросовестно. Добросовестно занимается обучением личного состава. В общественно-политической жизни подразделения участие принимает, служит примером в выполнении служебных обязанностей для подчиненных...» И далее — сплошь розовые и голубые тона.

Отнюдь не мелкие достоинства, а значительные добродетели отмечены в этом документе, являющем собой, увы, еще нередкий образец формального отношения к партийной работе. Куда же делся он, хороший человек, через несколько месяцев, когда встал вопрос об исключении Сухашвили из рядов КПСС? Неужели в одночасье прозрели коммунисты и новый секретарь партийного бюро капитан Н. Ротарь?

Во всяком случае следующая, апрельская, партийная характеристика разительно отличалась от предыдущей: «К выполнению своего партийного долга относится халатно. Не является примером в выполнении воинского долга. Борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и чуждыми социалистическому образу жизни взглядами и нравами не ведет. Проявляет нечестность перед партией и народом. За провалы в работе дважды привлекался к партийной ответственности: 1. За преступно-халатное отношение к выполнению обязанностей дежурного офицера, укрывательство преступления и нечестность при расследовании. 2. За неудовлетворительную организацию боевой службы караула и гибель военнослужащего».

На этот раз не поскупились на черные краски. Выплеснули все. Удивляет: неужто за считанные месяцы многогранно проявляемая добросовестность Сухашвили резко перешла в свой антипод — халатность, а умелый педагог-воспитатель и организатор стал едва ли не адептом буржуазного образа жизни!?

Что за всем этим стоит? Только ли беспринципность? Вряд ли. Не верится и в то, что ничего не настроаживало, не тревожило совесть, не щекотало нервы коммунистам-руководителям. Беспокоило. Старший лейтенант Игорь Любомирович Марцук вспоминает об этом с болью в сердце.

Присяга велит: «До последнего дыхания быть преданным...»

...Сухашвили был тогда еще лейтенантом, но не молодым, так сказать, новоиспеченным, а со стажем. Как-то заступил на службу дежурным офицером. А ночью «старик» убили (удар кулаком пришелся в солнечное сплетение) молодого солдата, не пожелавшего подчиниться неписаным, жестоким законам неуставных взаимоотношений. Пусть неумышленно, но убили. Независимо на присутствие в роте Сухашвили.

Мало кто припомнит, что тогда в роте откуда-то появился врач «из местных» и кто-то «помог» ему сделать заключение — отравление. За давностью лет подробности забылись. И подробности, видимо, любопытные. Ведь отравление — не убийство, планка вины дежурного офицера резко падает: в конце концов не может же он уследить за тем, кто из солдат что съел в ту или иную минуту? Как же отвечать за то, что выше его возможностей?

Труп отравили родным. Они-то и настояли на повторном вскрытии: слишком уж нелепой показалась им версия отравления. Беспристрастные эксперты установили истинную причину смерти — убийство.

Многие офицеры поплатились должностями, репутациями — по сути, исковерканные судьбы. А вот Сухашвили отделался относительно легко: объявили взыскание и перевели в другое подразделение на равнозначную должность. Наверно, чтобы легче было сослуживцам в глаза смотреть... Вот что кроется за словесной формулой партийного взыскания «преступно-халатное отношение к выполнению обязанностей дежурного офицера» — жизнь человеческая.

Спустя несколько месяцев — новая смерть. Поистине неизмерима цена беспечности и безответственности. Жаль, что расплачиваются за это другие. Страшной ценой — жизнями своими. Сухашвили, как вспоминает командир батальона подполковник В. Литвинов, возглавлял караул, когда солдаты «баловались» (!) с оружием и один из них по неосторожности (решил напугать, а в патроннике патрон оказался) застрелил другого.

После ходатайства офицерского суда чести на погонах Сухашвили осталось по сиротливой звездочке. На время затаялся. Почувствовал: дальше — край, черта, которую переступать опасно — терпение людей не безгранично. Настал недолгий, но относительно ровный и спокойный период в его биографии. Многие подумали — за ум взялся. Дали понять Сухашвили, что оценивать будут по труду, без оглядки на незавидное, неприглядное служебное прошлое. И он всячески старался. Старался держаться в тени, угождать всем. Словом, создавал приятное о себе впечатление.

И вдруг неожиданный, стремительный взлет. Достаточно сказать, что звание лейтенанта он получил — и это отложилось в памяти Марцюка — при одном неснятом партийном взыскании. «Просмотрели», — сокрушается замполит батальона. А где-то через полгода и «старшего» дали. «Непонятно, почему так быстро?» — недоумевает Игорь Любомирович Марцюк. «Это не по заслугам», — убежденно заявляет командир роты старший лейтенант А. Синиченко. Напрасны эмоции, ведь мимо них представление не прошло: субординация. Стоит ли деланно удивляться, ведь звезды редко падают с неба.

Доброго слова о Сухашвили не сказал никто. В том числе и те, кто не так давно подсовывал на подпись, подписывал и проталкивал представления на присвоение ему воинских званий, «единогласно» утверждал партийные характеристики. Болезнь застарелая, хроническая. Как отрадно должно быть для сердца махнуть кулаком разок-другой после драки, закрыв глаза на себя вчерашнего. Чур меня!

ОБОРОТНИ... Сухашвили — типичный и достойный их представитель. Но он далеко не одинок. Таким же, с легкой руки лиц ответственных, смотрится и поделщик его, прапорщик Гасанов. После отпуска осужденного из-под охраны старший лейтенант Синиченко охарактеризовал этого начальника караула, естественно, отрицательно: «Программу боевой и политической подготовки усваивает удовлетворительно. В повседневной жизни требования уставов выполняет не полно-

стью. К устранению недостатков не стремится... Склонен к обману, требовательность к личному составу караула не проявляет. Не является примером в соблюдении воинской дисциплины. К обязанностям начальника караула относился не всегда добросовестно».

Значит, плох Гасанов? И как только караулы ему доверяли?! Но не далее как тремя месяцами раньше тот же Синиченко при аттестовании Гасанова предложил общему собранию прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы для утверждения иную характеристику-рекомендацию: «Лично дисциплинирован. Требования уставов знает, руководствуется ими в повседневной жизни. Программу боевой и политической подготовки усваивает хорошо. Стремится к устранению недостатков. Добросовестно относится к выполнению задач боевой службы...» Сравните документы: они диаметрально противоположны. Но стоит ли говорить, что собрание единым духом утвердило эту характеристику. Дело привычное...

Может, не разглядел человека командир, а тот постарался втереть очки, войти в доверие? Если бы. Синиченко не скрывает, что уже в конце 1987 года стала поступать информация: когда караул возглавляет прапорщик Гасанов, частота перебросов резко увеличивается, а количество их изъятий, напротив, уменьшается. Случайное совпадение? Стечение обстоятельств?

За неделю до преступной сделки Гасанова с Сухашвили командиру роты сообщили: начальник караула нечист на руку. Проверили наспех. Потому и безрезультатно.

Яснее ясного, что, составляя служебные характеристики на Маммедова (заместителя командира взвода; около десятка поощрений и ни одного взыскания) и Костевича (кавалера нагрудного знака «За отличие в службе» II степени; полный набор поощрений, в том числе отпуск с выездом в родные края и благодарственное письмо родителям), старший лейтенант Синиченко на нелестные отзывы не поспешил.

Как же они, такие хорошие «до» и плохие «после», пошли на нарушение правил караульной службы, по существу, на предательство? Уставом не предусмотрены возможности нарушения его требований даже по просьбе командира взвода. Не новички на боевой службе, Маммедов и Костевич не могли этого не знать. Смалодушничили, струсили...

■ Из протокола допроса сержанта **Б. МАММЕДОВА:** Сухашвили нам стал потихоньку угрожать: если скажете, вас посадят. Начальник караула успокаивал: не волнуйтесь, он придет.

■ Из протокола допроса ефрейтора Р. КОСТЕВИЧА: *На следующий день Сухашвили завел меня к себе в кабинет и сказал, чтобы я никому об этом не говорил, так как всех нас посадят. И каждый раз, когда он находился в роте или на проверке службы, говорил мне, чтобы я молчал.*

Но это все «потом» и на «следующий день», а о чем они думали раньше?

Недаром Сухашвили особенно волновался именно за Костевича. Верно предугадал (так и получилось), что в этом месте паутина, сотканная им, может не выдержать нагрузки. Опутывая, при каждом удобном случае, предупреждал: учти, Бекаури ушел через контрольно-пропускной пункт, поэтому вся уголовная ответственность на тебе, часовом КПП, и судить будут именно тебя, Костевича. И все закручивал гайки, закручивал... К счастью, худшего не случилось. А могло.

За малодушие всегда приходится расплачиваться: и добрым именем, и липким страхом, ежеминутной боязнью того, что сейчас все откроется; малодушие — удел слабых. Это естественно. Неестественно другое — измена, предательство.

От кого же может Отечество требовать верности, как не от человека, поклявшегося умереть за него? Помните в военной присяге: «...до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству». Высокие слова. Привыкли мы к ним, что ли? Считаем неотъемлемым, но формальным атрибутом призыва на службу? Мол, пришла пора, взял автомат, сказал соответственно ритуалу нужные слова и скрепил их подписью. Бумагу приколотил к «Делу №...» и — в архивы, а сам свободен. Свободен от всех обязательств? От данного Отечеству Слова свободен? И случись что, судят за превышение власти, злоупотребление служебным положением, нарушение правил караульной службы... За нарушение военной присяги судить надо.

«СИСТЕМА»

ГОВОРЯТ, не вор делает дырку в заборе, а дырка в заборе делает вора. И там, где люди, облеченные властью, невзирая на личность и думая лишь о собственном благе, направо и налево раздают прекрасные «путевки в жизнь» (неважно, как они называются — характеристики, аттестации или индальгенции), — там благодатная почва для взращивания оборотней. Можно не сомневаться, ростки дадут всходы. И нет для них лучших удобрений, чем безразличие, формализм во множестве его проявлений, рабская покорность и трусость окружающих.

Все это было. И Сухашвили оставалось только развивать, подогревать эти качества в сослуживцах.

С подчиненными «ладил» просто: он их

примитивно, элементарно запугивал. О чем бы ни заводил разговор — о службе или о дружбе — заканчивал его неизменно на одной и той же уголовно-судебной ноте: грозил трибуналом, дисбатом, ежели что... Называл это борьбой за укрепление воинской дисциплины (вот вам «не за страх, а за совесть...»). А кто для солдата командир взвода? Все: и отец родной, и господин всемогущий. Пока до командиров роты, батальона доберешься, правды доискиваясь, — семь потов прольешь, не один раз оступись.

Командир взвода — другое дело, он «свой», всегда на виду. Знает, что говорит. А что говорит, то большей частью и делает, слову — хозяин. Он своеобразное связующее звено между «низшими» и «верхними», посредник. Его поступки (поди проверь, да и кто в этом усомнится?) санкционированы вышестоящим «добро». Сказал посадит — значит посадит, надо молчать. Даже ротный поперек ему не идет... И молчали.

С командирами и начальниками Сухашвили пришлось ненамного сложнее, увы (а как хотелось бы исключить частицу «не» из этого предложения). У Сухашвили, несмотря на теперешние сплошь неелестные отзывы о нем, не было врагов и недоброжелателей. Обходительный, вежливый, вкрадчивый, услужливый — просто «душка». Не нужно ли подвезти куда? Ах, нужно?! Прощу в машину. Что вы говорите? У вас дела в городе? Срочные? Так что ж мы стоим, время попусту теряем. Поехали. С ветерком домчим... И мчались.

Ездил много, это отмечают все. Бывший командир роты старший лейтенант Синиченко сетует: неуправляемым был. Вечно у него какие-то дела вне роты. И всем-то он нужен. На первый взгляд, крутился как белка в колесе. Но в обход (вернее, в объезд) функциональных обязанностей. Все — на стороне и для себя. И чувствовал свою безнаказанность. Здесь случай особый: не потому Сухашвили от наказаний уходил, что не мог командир роты спросить с него по всей строгости, а потому, что и не пытался. «Не конфликтовал», — говорит. А может, напрасно?

Совсем непросто было ротному противостоять Сухашвили. А требовалось именно противостояние. Полагал: попытайся он «прижать» командира взвода, на нем бы тут же отыгрались. Кто! Трудно сказать, но так и не «прижал».

Честное слово, немного жалко Синиченко. На людей с надломленной совестью смотреть даже больнее, чем на избитых. Соглашается покорно: да, был излишне

В КАРАУЛАХ И ВОЙСКОВЫХ НАРЯДАХ

СХВАТКА НА КПП

В тот вечер на контрольно-пропускном пункте ЛТП несли службу контролеры прапорщики В. Михайлов и В. Кузнецов.

Время приближалось к полночи, когда из промышленной зоны к КПП двинулся мощный КраЗ. Подъехав к воротам, он притормозил у места, где обычно происходит досмотр транспорта. Один из дежуривших остался для подстраховки у ворот. А Михайлов подошел к машине. Открыв дверцу, он увидел вместо шофера двух посторонних: это были лечащиеся в ЛТП. Прапорщик попытался открыть дверцу шире, но ему не давали этого сделать. Михайлов позвал на помощь товарища. Нарушители, поняв, что выехать незамеченными из зоны не удалось, решили идти напролом. КраЗ взревел мотором и рванулся к выходу. Набрав скорость, лесовоз таранил ворота, прапорщик Михайлов упал с подножки.

Казалось, беглецов уже ничто не остановит. Но находившийся начеку прапорщик Кузнецов среагировал мгновенно и предпринял необходимые меры, чтобы побег не состоялся.

Задержанные, как выяснилось, были ранее судимы. Расследование показало, что они вытолкнули вольнонаемного водителя из машины, отбрав у него ключи. План их был предельно прост: незаметно выбраться за пределы зоны и ехать до тех пор, пока не иссякнет бензин. Потом пробираться в областной город. Чем могло кончиться такое пьяное «путешествие», объяснять не надо.

Только благодаря решительным и оперативным действиям контролеров В. Кузнецова и В. Михайлова преступные намерения были пресечены.

Старший лейтенант
А. ПЕТРОВ.

УВВ по Дальнему Востоку
и Восточной Сибири.

мягким, зачастую нетребовательным, чрезмерно терпеливым. И мягкостью этой пользовались во вред делу. А сколько раз, вспоминает подполковник В. Литвинов, назревшее и уже необходимое взыскание подчиненным Синиченко подменял очередной душевительной беседой, пустыми уговорами впредь так не поступать. Лояльным слыл.

И вот итог — «слетел» с должности и получил строгое партийное взыскание. Ирония судьбы: чего опасался — на то и нарвался. Результат, к которому нередко приводит компромисс с совестью, балансирование между «сытыми волками» и «цельными овцами».

Получается, и он способствовал оборотням по мере сил и возможностей. Помог им бездейтельностью, попустительством, пассивностью, что и осознает ныне, хочется верить, в достаточной степени. Сухашвили в таком микроклимате чувствовал себя как рыба в воде, был, что называется, в своей системе.

Система... Сложившиеся обычаи и традиции в батальоне. В первую голову их, а уж потом себя винит в случившемся Александр Борисович Синиченко: «Принял роту, полный надежд и далеко идущих планов. Но меня сломали сразу. Сказал правду в глаза: попытался выяснить у комбата, на каком основании набирают сверхсрочников в мою роту, но без моего ведома. Меня одернули. И грубо. Постепенно стали давить, придираться по мелочам. Командовали ротой через мою голову. А как-то сделали мы проверку комиссии из соединения на «удовлетворительно». При подведении итогов в полку я выступил и сказал напрямую, как есть: оценка необъективная. Один взвод вообще не сдавал проверку, ему должны были выставить по текущим, а оценили как бог на душу положил. Меня одернули вторично. Больше не выступаю, не высовываюсь. Вошел в систему...». Таким, как Сухашвили, больше ничего и не надо, лишь бы никто «не высовывался».

Система, плодящая оборотней? Конечно, сгущает краски бывший командир роты, переклестывает. Но если бы судили за нравственную испорченность, за бездушное и безвольное попустительство, на скамью подсудимых вместе с Сухашвили и Гасановым, предавшими интересы службы и государства, сели бы многие. В том числе и он. Не ему же(и это показательно) открыл душу Костевич. Значит, не доверял. Посчитал, что лучше покончить счеты с жизнью, чем обратиться за помощью, за советом к командиру.

На вопрос, почему он вывел осужденного Николадзе, Сухашвили ответил: «Мне были понятны его душевные боли». Воистину блаженны нищие духом. Но... Вот если бы душевные боли каждого из нас беспокоили коллектив, всех тех, с кем приходится бок о бок нести службу... Может быть, тогда удалось бы покончить с оборотнями?

Майор А. УШАР.

Ордена Красной Звезды УВВ по Северному Кавказу и Закавказью.

У взвода лейтенанта М. Магомедова выдался свободный часок — строем идут в соседнюю школу.

Здесь шефы, что называется, нарасхват. Причем и малыши, и выпускники одинаково рады солдатам...

«Приклад плотнее упри в плечо», — подсказывает сержант Н. Григорян завтрашнему воину.

А рядовой С. Бусин показывает, как можно «накачать пресс».

ИДЕИ В ШКОЛУ

Ряна и Марина вряд ли будут служить в армии (хотя и это не исключено), но научиться пользоваться радиостанцией им хочется.

29

У мальчишек — другие интересы. Хотя полчаса погонять мяч — такое удовольствие! А если удастся забить гол солдатской команде, то и вовсе радости не будет предела.

Те, кому не досталось места в футбольной команде, особо не переживают. Можно найти и вот такую немудреную, но веселую забаву. Можно, наконец, просто поговорить с солдатами об их службе.

Фото
А. Александрова.

НА ВОПРОС ЧИТАТЕЛЕЙ
ОТВЕЧАЕТ БЫВШАЯ
УЧИТЕЛЬНИЦА ПАВЛИКА
МОРОЗОВА
ЛАРИСА ПАВЛОВНА
ИСАКОВА.

ПАВЛИК МОРОЗОВ. КТО ОН?

«Уважаемая редакция! К вам обращаются военнослужащие внутренних войск, которые выполняют свой воинский долг в области, где родился и погиб Павлик Морозов. Мы неоднократно посещали музей пионера в деревне Герасимовка, жесто его гибели. Наша комсомольская организация шефствует над школой.

В настоящее время в периодической печати появились материалы, которые представляют образ пионера-героя совершенно в другом свете. На встречах школьники часто спрашивают нас: «А как вы относитесь к Павлику?» И нам сейчас трудно ответить: с одной стороны, то, что о нем пишут в некоторых газетах и журналах, с другой — то, что нам говорят о нем его земляки, которые чтут его память.

Не могли бы вы помочь найти правильный ответ, как нам поступать в подобных ситуациях. Кто же на самом деле Павлик Морозов — «стукач» или герой?

*Секретари бюро ВЛКСМ подразделений
младший сержант А. КОВТУНОВ,
сержант С. КРАЙСКИЙ.»*

ТРЕВОЖНО на душе, — говорит Лариса Павловна. — Если уж и солдаты сомневаются в том, кем был на самом деле Павлик, то это значит, что далеко в своей клевете на него зашли товарищ Амлинский и другие.

Вот что Амлинский написал в журнале «Юность» в прошлом году: «Павлик Морозов, ставший героем; образ пионера-доносчика, которым воспитывали не одно поколение, — это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного и романтизированного предательства». Доносчиком в газетах и журналах обзывают Павлика и другие.

В голове моей не укладывается, сердце кровью обливается: с чего же это вдруг так дружно все набросились на моего ученика — ведь никто из них не спросил о нем ни меня, ни его брата родного, ни других, которые его знали хорошо и живы еще.

Павлик у меня до сих пор перед глазами стоит, слышу его голос, вижу походку...

Чистой душой своей, мужеством, честностью этот мальчик огромен, понимаете? Таких в жизни встречаешь единицы. Они очень часто попадают под нападки людей нечестных. А иногда таких кристальных и непримиримых, как Павлик, просто уничтожают. Такие невыгодны нечестным лю-

дям, вызывают у них беспокойство и ненависть. Павлика убрали с дороги, а он и мертвый им мешает. Потому что остался жить в сердцах людей.

А ведь «стукачом», как солдаты пишут, он никогда не был. Кроме того, что сама его хорошо знала, я всю жизнь собирала о нем информацию. Ведь прежде чем о человеке говорить или писать, надо его хорошо знать, надо быть в курсе того, что происходило в то время в Герасимовке, в общественной жизни, отрывая от которой Павлика нельзя.

В то время — конец 20-х — начало 30-х годов — в деревне зарождались колхозы. Герасимовка наша — деревенька была таежная, глухая, новое там пробивало себе дорогу с большим трудом.

Сейчас много пишут о кулаках, будто они богатыми были потому, что работали, а бедняки — ленивые... Честное слово, обидно читать и слышать такое. Из 100 герасимовских дворов кулацких было всего 7. Получается, 7 работали, а остальные на печке валялись? Работали на кулаков многие, чтобы прокормиться. А бедность — штука страшная, выбраться из нее почти невозможно было. Кулаки деревню держали в страхе — большинство бедняков зависело от них полностью.

Коллективизация у нас тяжело проходила. Как и везде, наверно. Сверху требо-

вали проводить ее бегом. Кулаки обозлились — мужа моего, уполномоченного по коллективизации, несколько раз пытались убить. И меня с ним вместе однажды едва не застрелили. Обошлось, слава богу. Трагедия с Павликом и его братом Федей случилась позже, когда уехали мы с мужем из Герасимовки.

Судьба так распорядилась, что через десять лет я снова вернулась туда учительствовать. И Павлик там для всех — старых и малых — был героем. И до сих пор для земляков он герой. Потому что из поколения в поколение люди рассказывают о нем правду.

Это ведь какое мужество нужно было иметь мальчонке, чтобы не побояться угроз, избиений, а продолжать бороться с кулаками и ворами.

Арсентий Кулуканов, в доме которого мы с мужем снимали угол, ненавидел Павлика ненавистью лютой, сам был коварным и хитрым — подстрекал своего тестя Сергея Морозова и его внука Данилу убить Павлика. Арсентий ходил всегда молчаливый, злой. Сейчас рисуют кулаков обязательно толстых и с бородой. У Кулуканова торчало всего несколько рыжих волосков, сам он был маленький худющий, глаза от людей прятал.

Ребятишки-ученики мне рассказывали, что Кулуканов убил коробейников — торговцев. Те ходили по деревням с коробами, продавали иголки, нитки, кружева. За деревней в лесу есть могилка с крестом. Мы гуляли там однажды, а ребята говорят: «Здесь убиенные лежат — мужчина и женщина». «А кто их убил?» — спрашиваю. «Кулуканов убил. Из-за денег». А дети от родителей слышали.

У деда Сергея и Данилы — своя ненависть к Павлику была. Дед Серый, как мы его называли, в молодости работал посыльным в полиции, а позже — надзирателем над политическими. С тех пор терпеть не мог большевиков, комсомольцев и пионеров. Поэтому и грозился бить Павлика до тех пор, пока не выпитается из пионеров. А Павлик отвечал: «Хоть убейте — не выпитусь!»

Потом был суд над отцом Павлика Трофимом Морозовым. Сейчас Амлинский и другие кричат, что Павлик донес на отца. А на самом деле все было вот как.

Павлика вызвали на суд свидетелем, и он отвечал на вопросы судьи — честно, как требует закон. Ведь доносить — это совсем другое. Документы суда не за семью печатями — бери, товарищ Амлинский, читай.

Ни один из свидетелей или обвиняемых ни словом, ни намеком не сказал, что Павлик хотя бы однажды снаушничал, донес... Он подтвердил, что отец его — в то время председатель Герасимовского сельсовета — обижал бедных и потакал во всем кулакам, но ни слова не сказал о справках, которыми торговал его отец и за которые, в основном, и осудили Трофима. Так откуда же Амлинский и другие выкопали это слово — «доносчик»?

Трофим, сколько его помню, пил горькую. Председателем сельсовета его выбрали потому, что он единственный из мужиков был грамотным. И родственники богатые его поддерживали: им было выгодно своего в начальники выбрать. Потом, когда в деревню раскулаченных прислали 80 семей, Трофим стал продавать им справки. Писал, что такой-то житель Герасимовки — бедняк. Тогда паспорта не было, а с этой справкой кулак мог уехать из ссылки куда угодно. Один уедет — где-нибудь устроится, работает, а другой, злобный, вредительством занимается. За справки Трофим брал деньги, а на эти деньги пил. Жену Татьяну избивал. Потом совсем дом оставил, чтобы дела свои грязные обделывать и пить вволю — поселился у Кулуканова с молодой женщиной. Весь заросший, грязный. Помню, сядет за стол и в глаза не смотрит. Павлик и Федя стали для него чужими.

В то время уже всю разговор шел о пионерских организациях. Я шила синие шорты, белую маечку и красный галстук. Федя пришел ко мне, и я нарядила его пионером. А он маленький, черноглазенький — 6 лет ему тогда было — улыбался, смотрелся в зеркало. Убежал так домой. А там его отец отлупил и содрал с него все.

А видели бы вы, какие счастливые глаза были у Павлика, когда я повязала ему галстук! Зная, что его ждет дома, Павлик все же явился к отцу в галстук. Тот избил его, как и Федю, и галстук сорвал. Но если Федя еще многого не понимал, то Павлик воспринял все очень серьезно, сознательно.

Павлик ходил ко мне во второй класс, но был переростком. Ему исполнилось уже 12 лет. Самостоятельный, предупредительный, помогал мне во всем. Библиотеку собирал со мной, склеивал старые рваные книжки, учитывал их и сам выдавал. Выделялся среди других. Ребятишки шумят, а я говорю: «Павлик, организуй игры. Шалуны мешают мне проверять тетради». Он тут же организовывал игры, песни заводил. Поют, играют. Ребятишки слушались, любили его. Он хорошо рисовал. Много читал. Журналы приходили в школу, газе-

ГЕРОЙ ИЛИ «СИМВОЛ ПРЕДАТЕЛЬСТВА»?

ты — все через его руки проходило. Подойдет, бывало: «Лариса Павловна, там журнал новый пришел, дайте мне на вечер почитать. Я его не запачкаю, честное слово». Возьми, говорю, почитай.

Избу-читальню в то время уже организовали. Он и туда бегал. Потом писали мы в школе лозунги. На газетах. Бумаги не было. Красными чернилами — к датам революционным, к праздникам... Если же надо было написать, что, например, Силин не сдает хлеб государству, мы писали позорный плакат и наклеивали на ворота этому человеку. И Павлик с друзьями расклеивал.

Каким был Данила, который Павлика и Федю убил? Помню, высокорослый — сядет за парту, вытянет ногу, а ребяташки бегают, спотыкаются об нее, падают. Дети часто жаловались мне, что Данилко их обижает. Но скоро дед запретил ему в школу ходить, и ребяташки вздохнули с облегчением. До меня в деревне был учитель. Я когда приехала, спросила у ребят, где учитель, Данилко ответил: «Он плохой был. Я ему петлю ставил, и он с крыльца упал. Заболел...» Бездушный был Данила и жадный, как его дед.

Еще помню, как однажды Кулуканов прятал свой хлеб у деда Сергея во дворе — вырыли яму и мешки с хлебом туда складывали. А Павлик пошел лошадь поить. И видит, в темноте с фонарями ходят. А забор-то с дырами, все видно. А Павлик, как я говорила, смелый был, никого не боялся. И не побежал доносить, как теперь на него велят, а закричал во весь голос: «Дед, зачем хлеб закапываете?! В Ленинграде дети умирают с голоду, а вы хлеб гноите в яме!» Люди слышали, как он кричал. Он был умный мальчишка, разбирался в политике.

Кулуканов несколько раз уговаривал Данилу и деда Сергея убить Павлика. Однажды он дал Даниле деньги, пообещал еще и золота дать после того, как убьют Павлика. Дед Сергей и Данила встретили ребяташек в лесу возле деревни, когда те с ягод возвращались. Данила бил ножом Павлика и в грудь, и в живот... Павлик успел крикнуть Феде: «Беги, убивают!» Федя побежал, но Данила догнал его. Как Федя ни просил, ни умолял не убивать — не пощадил. Кишки из него выпустили в буквальном смысле, чтоб только не выдал. Такие звери... И таких зверей готовы оправдать Амлинский и вся эта компания, что против Павлика ополчилась.

Почему Кулуканов и другие ненавидели Павлика? Да потому, что он мешал им бедняков и государство грабить. Боялись они его. Борьба шла смертельная, не щадили кулаки никого. То что середняков к кулакам иногда приписывали и отбирали у них заработанное, — это, конечно, несправедливость была. Но от настоящих кулаков в деревне не было жизни.

Мне тут один человек написал, я считаю, правильно: «Кулаки — они и сейчас есть, только сменили свою личину». А что, разве мало у нас, которые сегодня чужим трудом живут? Эз перестройку все кричат, да только одни работают, а другие воруют. Спекулянтов, поглядите, сколько раз-

велось. Был бы Павлик жив — и сейчас боролся бы с ними. На его примере честных людей воспитывают. А кулакам и ворам честные люди рядом — в убыток.

Журналист Пушкарь считает, что мы все покаяться должны по поводу Павлика. Вот почитайте в газете «Известия»: «Дети времени. Как часто объясняем мы этой расхожей нынче фразой все то негативное, что случилось в нашей истории: и Павлик Морозов, к которому все возвращается наша покаянная мысль, и затаившиеся от покаяния доносчики, и Хваты НКВД, и штурманы штурмовщины, и технократы застойного времени, и планировщики «остаточного принципа», и стратеги насилия над природой, и наши доморощенные ястребы, не желающие знать счета, — все это дети времени, все это можно списать, как на войну, одной фразой — «время было такое», обелить любую ошибку, всякую дурость и преступление».

Обратите внимание, рядом с какими «дуростями и преступлениями» ставит Пушкарь имя Павлика!

Оказывается, чтобы как следует покаяться по поводу Павлика, достаточно где абзацика, а где одной лишь строчки. Мэзнут, плюнут — и дальше бегут. Как будто вопрос с «символом предательства» давно уже решен, сомнений уже нет. А осталось каждому из нас лишь еще раз пнуть ногой прах Павлика — и забыть.

Все торопятся они открыть нам глаза, научить, на кого нам плевать и кого забывать. А я сама жизнь непростую и долгую прожила и знаю, где ошибки у нас были, а где то, чем можно гордиться.

Давайте спросим у крикунов: сегодня мы должны забыть Павлика, а завтра кого? И еще. Разве на примере Павлика педагоги учили доносить на родителей, на родственников или на кого другого? Чему учил и учит нас Павлик? Не проходить мимо, когда рядом творится несправедливость, беззаконие, когда обижают слабого, когда обманывают, воруют... Учил быть честным не на словах!

Да, наверное, надо быть очень «смелым» человеком, чтобы замахнуться на всенародно признанный авторитет. Главное — потерь никаких: мертвый сдачи не даст. Не то, что живой и сильный...

Набросились на Павлика, как будто, если зачеркнуть его имя (по-ихнему это значит очиститься), все станут лучше и скорее пойдут к светлому будущему, жить лучше будут.

Знаете, гляжу я на все это, и тревожно становится: неужели так и будем держать голову вечно повернутой назад, с кислой физиономией презирать всех и все. Когда же повернутся крикуны к сегодняшним проблемам и сегодня, сейчас смело, как Павлик, поборются с теми, кто мешает перестройке? А то получается, ступаем вперед, но задом. И держим кисть в руках, обмакнутой в черную краску, идем так и замазываем, замазываем свой путь. Оглянемся потом — откуда мы? Куда? Черным-черно вокруг.

Конечно, ложные идеалы нам не нужны. Поэтому многое переоценивается. Но при чем здесь Павлик? Ведь в справедливом

осуждении сталинщины и прочего можно заодно сместь и то, без чего в будущем заблудиться есть опасность. Забыть свои корни.

И потом, вы посмотрите, как эти моралисты учат нас подходить к этой самой морали: если незаконно творит свой человек, родня, то это совсем и не преступление—укрой, а то и помоги содейть. А если чужой, то можно и принципиальность проявить.

Видно, ничему не научила нас круговая порука. Кому она выгодна? Вора, мафии... Вон сколько их развелось. А честных людей, смелых людей, таких, как Павлик, сейчас не хватает. Разве не так? Честности и правде нужна поддержка. Люди тянутся к таким, как Павлик, потому что они не придуманные и они силы дают.

Я сотни писем храню со всей страны — все о Павлике мне пишут — и рабочие, и учителя, и молодые, и старые... Вот поглядите:

«Я тоже бывшая учительница. Мне 63 года. Всегда воспитывала своих учеников на примере Павлика Морозова. И никогда в этом не раскаюсь! Мою мать (она была землемером — в тулуре кожаной и на коне) тоже хотели убить кулаки, когда землемеры перемеряли землю. Спас их мальчик, сын этих кулаков. Он прибежал, сообщил, что их сейчас придут убивать. Землемеры вскочили на коней и ускакали: у них ведь оружия не было. Этого мальчика тоже сейчас нужно считать предателем, да? Русская И. А., г. Липецк».

«Дорогая Лариса Павловна! Меня зовут Павлюк Наталия. Летом мне исполнится 13 лет. Учусь в шестом классе. Наш отряд носит имя Павлика Морозова. Мне говорили даже такое: «В других школах

уже бросили называть отряды именем Павлика Морозова, а вы их дурнее?» Наш класс маленький, но очень дружный. Мы считаем, что Павлик был настоящим героем, который заслужил имя героя. Мы решили, что наш отряд всегда будет носить имя Павлика!»

В этих письмах надежда на то, что честные люди не дадут растоптать светлое имя Павлика. А когда я прочитала статью Вероники Кононенко в журнале «Человек и закон» (1989, № 1. — Ред.)—«Посмертно... репрессировать?» — в защиту Павлика, то даже заплакала, так она меня взволновала. Очень правильно здесь говорится: «Думается мне, нападки на Павлика Морозова не ведут к прояснению истины, которую мы так жаждем сейчас обрести, которая нужна нам для обновления общества и каждой человеческой души. Публичное осуждение, глумление над невиновным снова сможет завести нас в болото несправедливости, невежества и нравственной глухоты...»

Пусть каждый, если захочет, берет пример с героя любимого, с того, чей подвиг и судьба дороже, идеалы ближе и понятнее. Но не стреляйте в павших борцов — это самое низкое, подлое дело!»

Передайте своим солдатам, что есть очевидцы, которые очень хорошо знали Павлика, и есть документы суда над убийцами Павлика. Они вам расскажут одну единственную правду: Павлик всегда боролся открыто и честно и доносчиком никогда не был. Павлика мы должны защищать, а то доживем до того, что не останется в нашей истории ничего чистого и светлого — такие, как Амлинский, все расплчут и порушат. Давайте защищать нашего Павлика — вот что я говорю вам и всем добрым людям...

ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда материал был подготовлен к печати, Бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина приняло постановление «О Павлике Морозове». В нем, в частности, говорится:

«...Новое исследование обстоятельств дела, связанных с убийством Павла и Федя Морозовых, а также событий, им предшествовавших, проведенное с участием Прокуратуры СССР редакциями газеты «Пионерская правда» и журналов «Пионер», «Человек и закон», позволяет Бюро ЦС ВПО имени В. И. Ленина сделать следующие выводы:

Установлено единственное выступление П. Морозова против своего отца на самом суде над Т. Морозовым, где Павлик, допрошенный как свидетель, открыто заявил, что отец, сам бедняк, бедняков не поддерживал, а будучи председателем сельсовета, «стоял горой за кулака». Но... Павлика Морозова сначала превратили в сусального героя, воспевая его в повестях, поэмах и даже песнях, а теперь ниспровергают до уровня «пионера-доносчика», «предателя» или простой жертвы злого умысла.

Следовательно, нужна не дегероизация Павлика Морозова, не навешивание ярлыков на честного и бесстрашного мальчика, а правдивый рассказ, новая книга о крестьянском подростке, который искренне поверил в возможности новой, светлой жизни и в глухой таежной деревне, в меру своих сил и возможностей, боролся за приближение этой жизни.

Бюро Центрального Совета ВПО имени В. И. Ленина постановляет:

1. Считать правильным решение Бюро ЦС ВПО имени В. И. Ленина от 1955 года о занесении в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина пионера Павлика Морозова.

2. Сообщить об этом через средства массовой информации всем пионерам и их родителям, широкой общественности».

Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако уже после обнародования этого постановления отдельные центральные издания «откликнулись» на него выступлениями, в которых пионера вновь представляют в образе доносчика. Нападки на Павлика Морозова, к сожалению, продолжаются.

Попросил командира взвода лейтенанта Д. Горбача назвать лучших специалистов, чтобы сфотографировать для журнала.

— Есть ребята и работающие, и симпатичные. Вон хотя бы рядовой Андриис Звайгзне, подъезжает к КТП.

Щелкнул затвор фотокамеры — водитель поправил пилотку и отправился в свой очередной рейс.

Среди ремонтников особым уважением сослуживцев пользуется рядовой Александр Карев. Он собрался на занятия, успел уже снять комбинезон. Позирсвал с улыбкой, а вообще-то на рабочем месте он всегда серьезен.

Фото
старшего лейтенанта
С. Лецко.

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО ВОИНА

ВРЕМЯ, отведенное для политических занятий по этой теме, целесообразно распределить поровну на лекцию (рассказ), самостоятельную подготовку и семинар (беседу).

В лекции (рассказе) рекомендуется рассмотреть следующие вопросы:

1. В. И. Ленин, КПСС о принципах взаимоотношений между людьми, духовном облике личности при социализме.
2. Нравственные черты советского воина.
3. Военная служба — школа нравственной закалки.

Во вступлении руководителю занятий целесообразно отметить, что четыре года советский народ и его Вооруженные Силы живут в новых условиях, в условиях гласности и демократизации. Перестройка советского общества, начатая по инициативе партии, поддержана трудящимися. Ее идеи активизировали практическую деятельность всех советских людей, в том числе и воинов. Как свидетельствуют выборы народных депутатов СССР, мы обрели новое зрение, получили широкие возможности выразить свое мнение.

Оборонительная доктрина Советских Вооруженных Сил и ее союзников все больше завоевывает симпатии у людей доброй воли. Сокращение в одностороннем порядке войск и вооружений СССР приобретает сторонников и последователей. Объявили о подобной акции ГДР, Чехословакия, Болгария и другие братские страны. Завершен вывод советских войск из Афганистана.

К сожалению, советские мирные инициативы, конкретные шаги по разоружению и укреплению безопасности на планете не всегда находят поддержку у правящих кругов ведущих стран империализма. Это заставляет нас поддерживать обороноспособность страны на уровне разумной и надежной достаточности, чтобы ни у кого не возник соблазн посягнуть на безопасность СССР и его союзников. В связи с этим растут требования и к личному составу, его идейно-политическому воспитанию, нравственному облику.

ПРИСТУПАЯ к первому вопросу, пропагандист подчеркивает, что В. И. Ленин научно доказал важнейшую роль и значение нравственных начал в строительстве социализма, показал пути и методы воспитания людей в духе коммунистической морали. Наиболее полно цели, характер воспитательного процесса он раскрыл в своей речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 года. В ней вождь пролетариата дал развернутую программу формирования нового человека и определил главную задачу — «учиться коммунизму». Ленин при этом обратил особое внимание на то, что коммунистическая мораль выполняет прогрессивную роль в строительстве социализма, содействуя борьбе трудящихся за создание нового строя, подлинно гуманных отношений людей, что «нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда». (Полн. собр. соч.—Т. 41.—С. 313).

Мораль всегда носит классовый характер, она изменяется в ходе общественного прогресса. Наша коммунистическая мораль наиболее богата по своему содержанию и роли ее в обществе. Она впитала в себя основные общечеловеческие нравственные нормы, выработала новые в ходе социалистического строительства и является основой нравственного облика советского народа и его воинов.

Ленинские идеи о сущности нравственности нашли глубокое воплощение в Программе КПСС, партийных документах, решениях съездов и пленумов.

Однако застойные явления в нашем обществе отрицательно сказались на работе по нравственному воспитанию, о чем прямо было сказано на XIX Всесоюзной партийной конференции. Застойные явления в социально-экономической жизни страны, ее Вооруженных Сил, ослабление воспитательной работы привели к размыванию нравственных принципов коммунистической морали, что не могло не сказаться и на воинских коллективах.

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

Партия ведет напряженную целенаправленную работу по формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Нравственность в период перестройки приобретает особую значимость.

Свежий ветер перемен, вызванный коренной перестройкой всего советского общества, принес нравственное обновление и во внутренние войска.

ОСВЕЩЕНИЕ второго вопроса пропагандист может начать с концентрации внимания слушателей на том, что в настоящее время все большее значение приобретают высокие идейно-политические, нравственные качества, высокая культура поведения и этика взаимоотношений военнослужащих. На основе этих необходимых каждому качеств воспитывается высокая личная ответственность воинов за надежную защиту завоеваний социализма.

Нам часто приходится слышать: «мораль», «нравственность». Что это такое? Мораль, или нравственность — это важная составная часть общественного сознания, совокупность норм и правил поведения людей в обществе. В отличие от правовых норм, поддерживаемых силой государства, нравственные нормы базируются на силе традиций, привычек, общественного мнения. Если за выполнением правовых требований следят соответствующие государственные органы, то выполнение нравственных норм контролируется самими людьми.

Наряду с существующими в обществе законами повсеместно действуют сложившиеся правила поведения, традиции, нормы общения, которые выражаются в таких понятиях, как справедливость, долг, честь, дисциплина, порядок, коллективизм, взаимовыручка, товарищество и другие. Это и есть нормы нравственности. Они представляют собой правила взаимоотношений советских людей не только на основе требований законов, но и по велению совести, нравственного, партийного, комсомольского и воинского долга.

Повседневная жизнь частей и подразделений богата поступками, которые по своим побудительным мотивам сродни боевым подвигам. На боевой службе, на занятиях по боевой и политической подготовке абсолютное большинство солдат выполняют свои обязанности не только по приказам командиров, но и по своему убеждению, действуют так, как повелевает им воинский долг, как подсказывает совесть. Они настойчиво борются за выполнение своих обязательств в социалистическом соревновании, повышают бдительность, мастерски владеют оружием и боевой техникой, сверяют свои дела и поступки с моральными нормами советского общества.

В условиях перестройки подчиненные офицера Е. Кириллова живут по принципу: «В отличном взводе все делается на «отлично». Это стало нравственным законом всего личного состава.

В последние годы здесь нет грубых нарушений воинской дисциплины, стабильно высокие показатели боевой службы, боевой и политической подготовки. В решении жизненно важных апросов офицер, комсомольские активисты все шире используют гласность и демократизацию, уверенно опираются на мнение коллектива.

Сознание личной причастности к общему делу нравственно возвышает людей, развивает их активность, ответственность за состояние воинской дисциплины, боеготовности.

Перестройка воспитательной работы в подразделении наложила отпечаток и на взаимоотношения между командиром и подчиненными. Основываясь на уставных требованиях, они стали более демократичными. Уважительное отношение к солдату стало нормой поведения и сержантов.

Руководителю занятий следует отметить также, что нравственность предполагает не только готовность совершить мужественный, благородный поступок, но и высокую внутреннюю и внешнюю культуру воина, его умение вести себя в обществе, с товарищами. Советского солдата всегда отличали тактичность и скромность, выдержка и терпимость по отношению к окружающим.

Такт — это такая форма нравственных поступков, которая в противоречивых ситуациях человеческого общения обеспечивает уважительное, благородное отношение к окружающим, без ущерба чьего-либо достоинства. Это чувство меры в нравственных отношениях людей, умение чувствовать границу, за которой могут последовать неловкость, обида, натянутость. В такте выражается способность человека находить такие решения возникающих коллизий, которые сохраняют доброжелательность, внимание, заботу о личности.

Военный человек, как говорится, не кисейная барышня, однако мужественность его облика, обаяние только выигрывают, если он будет следить за тем, как его поступки, слова влияют на окружающих, насколько они соответствуют нормам советского образа жизни. Обладание тактом позволяет воину варьировать свое отношение к окружающим: дружеское — к близким, товарищам, друзьям; корректное, вежливо-официальное отношение — ко всем сослуживцам; любезно-учтивое — к женщинам, старикам.

Тактичность выражается и в том, что в нестандартных ситуациях, требующих творческого подхода, принятия необычного решения, воин всегда исходит из правила: нужно помочь человеку выйти из неловкого положения, когда он растерян, не усугубляя какой-то его неточный шаг.

Такт — это и величайшая скромность. Воин, обладающий скромностью, никогда не признает за собой никаких исключительных достоинств или особых прав. Скромность присуща подлинно смелым и мужественным людям. Вспоминая о Дне Победы 9 мая 1945 года, Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян писал: «На

одном из митингов я слушал выступления солдат и офицеров, не переставая удивляться и восхищаться: сколько же в каждом из них было скромности! Ведь они наголову разгромили самую мощную ударную силу империализма... но в речах бойцов я не услышал ни слова о подвигах. Они просто выражали искреннюю радость, что наконец-то кончились страдания народные, что впереди их ждет мирный труд, гигантская работа по залечиванию ран, нанесенных войной».

Антиподами тактичности, скромности являются грубость, хамство, высокомерие, чванство и невыдержанность. Они свидетельствуют о безнравственности воина, его низкой культуре и кроме вреда себе и окружающим ничего не несут. Безнравственно выглядят в коллективе фамильярность, тыканье, снисходительность к недостаткам и проступкам сослуживцев.

«Военнослужащий несет личную ответственность за защиту своей Родины...».

Из Устава внутренней службы ВС СССР,

Мерилом нравственного воспитания человека является его отношение к женщине. Уважение к женщине обуславливается прежде всего той социальной ролью, которую она играет в обществе. Женщина — мать; трудно вызвать в памяти, в сознании образ более священный, перед которым мы в вечном долгу. Мужчина, в особенности воин, должен считать делом чести, долгом оберегать женщину от хамства, грубости, бестактного обращения. Человек высокой нравственной культуры всегда уступит женщине место, дорогу, поможет, если ей трудно, не станет курить без ее разрешения. Мужчина всегда почтителен к женщине и внимателен.

Уровень нравственности воина во многом зависит от уровня его знаний, образованности. Как правило, за редким исключением, чем эрудированнее воин, тем выше его нравственная культура.

При посещении одной из частей, — пишет в своей книге «Советский солдат» известный советский военный ученый генерал-полковник Д. Волкогонов, — довелось прочитать объявление: «Завтра в клубе состоится лекция «Компьютеры в общественной жизни. Возможен ли искусственный интеллект?» Лекцию читает рядовой С. Перфильев». Думаете, кто-нибудь удивится, что лекцию на такую сложную тему читает солдат? Нет, сегодня никого не удивляет, что на трибуне воин с высшим образованием. Высокий уровень образованности

советских воинов стал обычным, естественным. И это, конечно, сказывается на моральном климате в частях и подразделениях, нравственной культуре воинов, их высокой сознательности и, в конечном счете, на боеготовности.

В НАЧАЛЕ третьего вопроса руководитель занятий отмечает: вывод внутренних, пограничных и железнодорожных войск из состава Вооруженных Сил СССР не означает, что мы перестали быть военными. По-прежнему на нас распространяются воинские уставы. Но главенствовать в жизнедеятельности внутренних войск будет функция защиты правопорядка, прав и свобод советских людей.

Продолжая, пропагандист подчеркивает: по мере того, как солдат совершенствует свое воинское мастерство, создаются все более благоприятные предпосылки для его нравственного совершенствования. Не случайно нравственные требования к воинам закреплены в присяге и уставах. Каждый из них поклялся «быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным... добросовестно изучать военное дело», то есть постоянно расширять и углублять военные знания. Хорошо подготовленный воин грамотно действует в сложных ситуациях. Вот тому пример.

Колонна машин совершала марш через перевал. Натужно гудели двигатели. Далеко внизу казались игрушечными домики небольшого горного селения. Младший сержант А. Алтухов уверенно вел свой «Урал». Еще немного — и он миновал пик перевала. Но шедшая впереди машина вдруг остановилась, медленно, а затем все быстрее покатилась назад. Алтухов решительно прибавил газ и стал сближаться с катившейся вниз многотонной громадиной. Казалось, миг-другой — и последует страшный удар. Анатолий на мгновение остановил машину, включил задний ход и начал осаживать свой «Урал», стремясь уравнять скорости машин. Удар... Алтухов нажал на тормоза: ножной, затем ручной. Спаренные машины юзом ползли к обрыву и наконец остановились в метре от бездны. Анатолий с трудом разжал руки, крепко державшие руль и тормоз. Все происшедшее длилось считанные минуты, но они спрессовали воедино смелость, благородство и мастерство воина.

История внутренних войск полна примеров, когда глубокое знание своих служебных обязанностей, сознание воинского и патриотического долга помогали их представителям успешно справиться с любыми задачами.

Это произошло несколько лет тому назад в Афганистане. Душманы устроили засаду. Свинцовые очереди обрушились на вжавшихся в землю офицера П. Русакова и его боевых товарищей, предвещающая им верную смерть. Сражен пулей один, второй... Медленно сжимается кольцо, в котором оставался лишь тяжело раненный

офицер внутренних войск. Он уже не мог отстреливаться, и, видя это, бандиты осмелели, подошли открыто, во весь рост. Но когда они вплотную приблизились к Русакову, раздался взрыв. Последней гранатой он подорвал себя и душманов. За подвиг, совершенный на афганской земле, Петр Владимирович Русаков был посмертно удостоен ордена Красного Знамени.

Да и повседневная служба во внутренних войсках поистине является школой гражданственности, мужества, нравственного и физического становления юношей. Жесткая дисциплина. Напряженная боевая учеба. Бессонные ночи в караулах. Тревоги. Не всем это нравится, но это необходимо для боевой готовности, надежной защиты советских людей. Именно своим строгим порядком, ратным трудом служба выковывает, оттачивает характер, нравственно закаляет воина.

«...Вести целеустремленную работу по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию советских людей, формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».

Из Программы КПСС.

Годы службы остаются в памяти на всю жизнь. С благодарностью вспоминают это время бывшие воины. Вот что написал своему командиру рядовой запаса В. Кузнецов: «Я глубоко благодарен вам за то, что дали мне путевку в жизнь. Кем я был на гражданке? Веселым парнем. Кое-как учился в школе, рано пристрастился к спиртному, дрался, были приводы в милицию. Откровенно скажу, служить было трудно. Но эти трудности и помогли мне многое переосмыслить, понять, выбрать в жизни правильный ориентир. Сейчас я учусь в политехническом институте, скоро женюсь. Если у нас родится сын, я буду с малых лет воспитывать его в таком духе, в каком меня воспитывали командиры. Честь, мужество, чувство гражданского долга — такие нравственные категории надо воспитывать с детства».

Формирование высоких нравственных качеств у юношей, конечно, начинается с ранних лет. В подразделении, части этот процесс продолжается. И проходит он в новых, непривычных для них условиях. Да еще и в печати стали появляться утверж-

дения о том, что служба ничего не дает для развития личности, не формирует ее нравственные качества. Здесь однозначно надо сказать, что это рассуждения демагогов, некомпетентных людей. Сама действительность опровергает такие разглагольствования. Во время службы завершается формирование юноши как мужчины, его готовности защитить в трудную минуту Родину, мать, сестру, любимую, любого человека, нуждающегося в помощи.

Во время ликвидации аварии на Чернобыльской атомной электростанции рядовой А. Мосин, выполняя свой воинский и патриотический долг, получил большую дозу радиации. Шансов на спасение его жизни почти не было. И тогда все подразделение пришло к нему на помощь. Около семидесяти воинов — русские, украинцы, литовцы, казахи, белорусы, грузины... Один за другим ложились они на стол для прямого переливания крови. Благодаря этому Мосину трижды сменили кровь полностью. И солдат остался в строю.

Как в капле воды видно все небо, так и в этом факте отразился нравственный облик воина. Советский солдат... В нашем представлении эти слова всегда ассоциируются с благородным обликом мужественного человека, обладающего идейными, моральными и волевыми качествами.

Мораль как форма общественного сознания выступает своеобразным регулятором поступков в соответствии с установившимися и принятыми в обществе нравственными нормами. Она как бы предписывает воину по внутренним побуждениям добровольно совершать те или иные действия на основе сложившихся оценок добра и зла, правды и лжи, разрешенного и запрещенного, справедливого и несправедливого. Поэтому в жизни бывает трудно отделить нравственные поступки от поступков на основе дисциплинированности. Эти два начала в человеке обуславливают друг друга, сливаются в одно целое.

Служба во внутренних войсках почетна и ответственна. Вместе с тем она часто сопряжена с риском. В нестандартных, экстремальных ситуациях наиболее ярко раскрывается внутренний мир воина, его благородство, высокая нравственность.

Ефрейтор С. Струков, рядовые В. Зеленин и В. Коваленко были на маршруте патрулирования, когда рядом с ними остановился автомобиль. Выскочившие из него мужчины обратились к воинам:

— Нам больше не у кого искать помощи. В больнице умирает роженица. Чтобы спасти ее, нужна редкая группа крови. Помогите!

С разрешения подъехавшего проверяющего офицера воины, не мешкая, отправились в больницу. Кровь нужной группы оказалась у рядового Коваленко, и он не раздумывая отдал ее. Но для спасения молодой матери этой дозы было мало, и тогда водитель патрульной машины рядовой Т. Исаченко стал запрашивать все войсковые наряды — у кого соответствующая группа крови, пусть срочно подъезжают к

больнице. Один за другим стали прибывать воины. Кровь умирающей дали сержант В. Жданов и другие. Жизнь молодой матери и младенца была спасена.

Побудительным мотивом этого поступка было прежде всего нравственное начало, высокое благородство советских воинов, внутренняя потребность, их готовность прийти на помощь человеку в трудную минуту. Именно эти замечательные качества помогли и помогают сейчас воинам выходить победителями из сложных ситуаций.

Начальник войскового наряда рядовой С. Литвин шел по мосту, когда услышал крик о помощи. Тонула купающаяся в водоеме женщина. Решение созрело мгновенно. Снять форму уже не оставалось времени. Литвин прыгнул в воду и быстро поплыл. Пока он доплыл, обессилевшая женщина скрылась под водой. Литвин набрал в легкие воздуха и нырнул. Несколько раз пришлось ему опускаться под воду, прежде чем он нашел пострадавшую. Доставить ее на берег было невероятно трудно. Намокшая одежда и сапоги тянули ко дну... На исходе были силы, и все-таки отважный воин добрался до суши, сделал искусственное дыхание пострадавшей. Она пришла в сознание. Когда прибыла «скорая помощь», женщина уже благодарила своего спасителя.

К проявлениям морали в условиях военной службы относятся и мужество, героизм, воинская честь, гордость, способность беспрекословно повиноваться командиру, и многие другие качества воина, законодательно закрепленные в присяге и уставах. Благодаря этому нравственные требования приобретают силу закона.

У нас обостренно следят за выполнением установленных в обществе, коллективе моральных норм, правил, порядка, требований воинской чести. Поведение солдата — это зеркало, в котором четко виден его моральный облик. Нарушение нравственных норм всегда осуждается общественным мнением. Ведь в лице советских воинов народ видит людей, социальная значимость и общественный престиж которых исключительно велики.

Но, к сожалению, еще не изжиты случаи, когда в отдельных подразделениях, особенно во внеслужебное время, лидерство захватывают порой волевые, но безнравственные — грубые, высокомерные и чванливые — личности. В результате появляется так называемая «дедовщина». Не встречая отпора коллектива, нередко эти люди унижают достоинство сослуживцев, стремятся добиться для себя не предусмотренных воинскими уставами привилегий, в обращении с солдатами-первогодками употребляют сквернословие, оскорбительные прозвища. Высоконравственные товарищеские отношения ничего общего не имеют с этим злом, круговой порукой, панибратством.

Глубокой озабоченностью фактами неуставных взаимоотношений, еще встречающихся в войсках, пронизано письмо Военного совета и Политуправления внутренних войск «Служить по совести, оберегать

честь и достоинство» (На боевом посту. — 1989. — № 3). Этот страстный призыв должен быть услышан каждым военнослужащим войск, каждый обязан и внести свой вклад в решение проблемы.

Важнейшие нравственные требования к воинам:

- честность, храбрость,
- правдивость, высокая дисциплинированность;
- стойкость в преодолении тягот и лишений военной службы;
- верность войсковому товариществу.

На нынешнем этапе коренной перестройки советского общества, в условиях все расширяющейся гласности и демократизации «дедовщине» в воинских коллективах уже дается всеобщий бой. Командиры, политработники стремятся, чтобы каждый воин принимал активное участие в борьбе с неуставными взаимоотношениями, не замалчивал ни одного негативного случая. Только открытость, только гласность и принципиальная позиция всего воинского коллектива позволят избавиться от этого зла.

Партия и правительство требуют надежно защищать мирный труд, честь и достоинство советских людей. С этой ответственной задачей смогут справиться только воины, закаленные идейно, физически и нравственно, дисциплинированные, сплоченные в крепкий воинский коллектив, мастерски владеющие оружием и техникой.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи.// Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 298—318.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М.: Политиздат, 1977. — Ст. 31, 32, 62, 63.

Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 54—77, 110—113, 162—170.

Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М.: Политиздат, 1988. — С. 22—27.

Горбачев М. С. Молодежь — творческая сила революционного обновления: Выступление на XX съезде ВЛКСМ 16 апреля 1987 г. — М.: Политиздат, 1987. — С. 3—29.

Общевоеинские уставы Вооруженных Сил СССР. — М.: Воениздат, 1986; Военная присяга. — С. 2; Устав внутренней службы. — Ст. 1—3; Дисциплинарный устав. — Ст. 1—6.

Полковник В. ШАРОВ.

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-БОЕВЫХ КАЧЕСТВ

Цель изучения темы «**Морально-боевые качества прапорщиков и их формирование в процессе служебно-боевой деятельности**»: помочь слушателям уяснить истоки верности долгу, дисциплинированности, стойкости, мужества, самоотверженности, храбрости, бдительности; раскрыть основные пути формирования этих морально-боевых качеств в процессе служебно-боевой деятельности.

Время на изучение темы 6 часов — по 2 часа на лекцию, самостоятельную работу и семинар.

На лекции рекомендуется осветить два основных вопроса: 1. Истоки, социальная сущность и нравственное содержание высоких морально-боевых качеств прапорщиков внутренних войск. 2. Пути формирования у прапорщиков верности долгу, дисциплинированности, стойкости, мужества, самоотверженности, храбрости, бдительности в процессе служебно-боевой деятельности.

В кратком вступлении руководителю занятия следует подчеркнуть, что вся история внутренних войск — наглядное свидетельство верности долгу личного состава, его мужества, беззаветной преданности делу КПСС, любви к своему социалистическому Отечеству. В условиях широко развернувшейся в нашей стране перестройки, нравственного очищения, процесса осознания каждым гражданином ответственности за порученный участок работы становится все больше возможностей для формирования у прапорщиков высоких морально-боевых качеств.

Переходя к изложению **первого вопроса**, пропагандист целесообразно отметить, что морально-боевые качества — это комплекс тесно связанных и дополняющих друг друга черт личности, необходимых для успешного выполнения военным служащим своих обязанностей.

Следует привлечь внимание слушателей к излагаемому материалу, назвав тех, кто до конца выполнил свой долг: прапорщика Анатолия Евдокимова, контролера младшего сержанта Григория Астапчика, старшину роты прапорщика Андрея Быкова, инструктора службы собак прапорщика Вячеслава Назарова и многих других военным служащих, зачисленных навечно в списки частей. Из поколения в поколение передаются и будут передаваться рассказы об их верности долгу, дисциплинированности, стойкости, мужестве.

Пропагандист просит слушателей задуматься над тем, что вдохновляло этих людей, когда они шли на самопожертвование. Конечно же, не слепой фанатизм. А верность идее, присяге, долгу. Именно это

помогало им пройти через все испытания, превозмочь невиданные трудности, не щадить своей жизни, когда речь шла о защите нашего общества от злодеяний преступников.

С целью организации краткого диалога здесь целесообразно поставить перед слушателями один-два вопроса, требующих объяснения, доказательства. Например: «Каковы истоки мужества, стойкости начальника караула, контролера?», «В чем нравственное содержание самоотверженности военным служащих внутренних войск, ограждающих советских людей от действий преступников?»

Подводя итоги рассуждениям слушателей, важно их внимание сосредоточить на том, что, проходя службу во внутренних войсках, прапорщики приобщаются к решению задач государственной важности. Для подтверждения этой мысли пропагандисту следует использовать материалы книг «В. И. Ленин и внутренние войска», «Войска называются внутренними», «В карауле бессонном...», «Золотые Звезды внутренних войск», «Страна назвала их Героями».

Далее правомерно подчеркнуть, что в условиях формирования правового государства, развития общественно-политической активности людей, повышения роли общественных организаций характерным подтверждением мужества и стойкости прапорщиков является не только достижение отличных показателей в боевой службе, боевой и политической подготовке, но и способность прямо и честно сказать товарищу о его недостатках, самому признать свою ошибку, удержать сослуживца от дурного поступка.

Руководителю занятия целесообразно дать характеристику основным морально-боевым качествам. Такое из них, как верность долгу, — не просто пожелание. В нем органически сочетаются и правовые, и моральные нормы поведения военным служащих, требования Советского государства и общества к каждому из них. Во то же время нравственное содержание воинского долга военным служащим понимают прежде всего как внутреннюю потребность, основанную на глубокой любви к нашей Родине, своему народу.

Одно из наиболее ярких выражений моральной и физической выносливости военным служащего — стойкость. Она обычно проявляется в длительной борьбе с трудностями, в непоколебимости, твердости, решительности и целесообразной настойчивости при выполнении поставленной задачи. А вот мужество — это такое качество прапорщика, которое характеризует его способ-

ность в сложных и опасных ситуациях сохранять самообладание и выдержку, проявлять храбрость, отвагу, героизм.

Методически будет верным, если пропагандист порекомендует слушателю: «в часы самоподготовки выписать из словаря в тетрадь определения понятий «самоотверженность», «храбрость», «бдительность», продумать их смысл и объяснить в ходе предстоящего семинара, как они их понимают».

В начале изложения второго вопроса важно вселить в слушателей уверенность в том, что каждому прапорщику по плечу воспитать в себе высокие морально-боевые качества. Ведь сам процесс служебно-боевой деятельности военнослужащих во внутренних войсках способствует развитию у них верности долгу, дисциплинированности, мужества, бдительности.

С целью развертывания дискуссии руководитель занятия может сказать, что иногда еще можно слышать такие рассуждения: мол, вовсе не отличники, не «тихие» и исполнительные люди в решающие моменты показывают высокие морально-боевые качества. Затем пропагандист просит высказаться одного-двух слушателей по данному суждению.

Подводя итог диалога, следует сказать, что ссылки на героизм и удалство «лихих голов» недостоверны. Они отражают скорее не правило, а исключение из него. Дело тут все в том, что заблуждающиеся не всегда достаточно четко понимают разницу между дисциплиной как внешним соблюдением воинского порядка и дисциплинированностью как внутренним качеством человека, выражающимся в потребности действовать в интересах выполнения задач боевой службы. Нужно иметь в виду, что дисциплинированность — это высшее понимание необходимости поступать в соответствии со служебным долгом, мужественно и самоотверженно, в том числе и в случае смертельной опасности.

Затем следует перейти к рассмотрению конкретных путей формирования этих и других морально-боевых качеств. Прежде всего подчеркнуть, что сегодня понятия мужественный, храбрый, бдительный связывают с понятиями грамотный, знающий, умелый. Знания, умения, навыки не только подкрепляют собой, скажем, мужество, стойкость, бдительность, но и даже принимают на себя часть их функций. Эти да и другие морально-боевые качества неразделимы с отличным знанием положений Устава внутренних войск, умелым использованием оружия, ИТСО, натренированностью органов чувств, с физической выносливостью.

Далее нужно показать, что в напряженной и опасной обстановке, даже такой, как попытка осужденного к побегу, у прапорщика, обладающего высоким мастерством, сохраняется тот уровень умений и навыков, который необходим для безошибочных действий. И наоборот, пока знания, умения и навыки военнослужащего находятся на низком уровне, всегда вероятно, что в сложной обстановке они будут

разрушены и начальник караула или контролер окажется во власти отрицательных эмоций, малодушия, паники.

Так что не внезапное вдохновение, а точный и быстрый расчет, глубокое знание руководящих документов, правовых актов, инженерно-технических средств придают военнослужащему в процессе служебно-боевой деятельности мужество, стойкость и храбрость в критических ситуациях. В подтверждение нужно привести примеры из жизни подразделения, части. Это может быть повествование о мужестве, высокой бдительности, проявленной сослуживцами при предотвращении побегов осужденных, при задержании нарушителей общественного порядка. В конце разговора можно сделать такой вывод: воспитание качеств, необходимых прапорщикам для их служебно-боевой деятельности, предполагает систематическую работу над собой, большие волевые и нравственные усилия, глубокое знание своих обязанностей, оружия и ИТСО, постоянное совершенствование физической подготовки.

В конце занятия целесообразно дать слушателям практические задания:

1. Всем слушателям еще раз осмыслить морально-боевые качества, отраженные в военной присяге, Уставе внутренней службы (статьи 2—4), Дисциплинарном уставе (статья 3), которые, на их взгляд, особенно необходимы прапорщику для выполнения своих обязанностей. Определить, какие из этих качеств у личного состава подразделения развиты лучше. Быть готовым в ходе занятия обосновать свою точку зрения.

2. Даум-трем слушателям группы подобрать из последних номеров журнала «На боевом посту», войсковой газеты примеры из повседневной жизни, боевой службы военнослужащих, проявивших верность долгу, дисциплинированность, стойкость, мужество, самоотверженность, храбрость, бдительность в экстремальной обстановке: а) при неповиновении или попытке к побегу осужденных; б) в процессе ликвидации последствий пожаров, аварий, стихийных бедствий, задержания опасных преступников, защиты чести и достоинства граждан и так далее. Сообщить эти факты в ходе семинара.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Речь на широкой рабочекрасноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. // Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 120—121.

Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — С. 62, 67.

Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. — М.: Политиздат, 1988. — С. 28—34. Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. — М.: Воениздат, 1986.

Армения: дни скорби и мужества. — На боевом посту, 1989, № 3.

Подполковник В. БУСЫГИН.

К золотой олимпийской медали Исраил Арсамаков шел восемь лет.

В 1987 году он решил бросить спорт. Мотивировка? Для Исраила она была предельно простой: надоела борьба за место в сборной страны. Что переживал Арсамаков в те дни — известно ему одному...

В Центральном совете общества «Динамо», узнав о решении спортсмена, вознегодовали. Стабильный «зачетник» на всех союзных соревнованиях больше не будет приносить желанных очков? Его долго уговаривали вернуться на помост. Но Арсамаков твердо сказал: «Нет».

СЕБЯ ПРЕОДОЛЕТЬ

Полгода Исраил не прикасался к штанге. Места себе не находил, но крепился. Пока не состоялся у него откровенный разговор с начальником спортивной команды подполковником К. Тибирловым. Зная, что Исраил сам жалеет о своем решении, офицер сказал: «Попытайтесь. Ведь еще не все потеряно». И слова эти были искренними.

Несколько недель Арсамаков заходил в зал и... вновь покидал его, так и не приступив к тренировкам. Но все же, преодолев внутреннее сопротивление, наклонился к штанге, нежно погладил гриф. Мгновение — и снаряд на груди. Еще несколько секунд — и штанга замирает над головой. И начался тренировка. За день поднимал более двадцати тонн. Нужно было набрать спортивную форму.

...В школе Арсамаков увлекся борьбой. Его тренер Асланбек Дзгоев, человек в спорте авторитетный, во-

спитавший многих чемпионов мира и Олимпийских игр, подметил в парнишке характер. Но не довел, к сожалению, подопечного до высот в борьбе. Судьба распорядилась так, что Исраил ушел в секцию тяжелой атлетики.

Арсамаков быстро стал показывать внушительные результаты. Три года упорных тренировок — и первый успех. В 1979 году он выиграл Кубок СССР среди взрослых, выполнив одновременно норму «международника». Было в тот год Исраилу всего семнадцать лет.

Вспоминая о первых шагах, Арсамаков рассказывает: «Ведь как принято писать! Был худеньким, слабеньким. А вот начал заниматься спортом — стал здоровяком. Такого у меня не было. В свои четырнадцать лет я был довольно сильным. И уже после первых тренировок толкал 110

килограммов. А это, согласитесь, для четырнадцатилетнего вес солидный. Мне хотелось проверить себя. Ведь как тогда казалось, штанга — дело нехитрое: кидай железяку — и вся недолга... На первых порах и правда — пошло. Выиграл кубок, стал членом сборной страны...»

В сборной он, по собственному признанию, «попал в плохие руки». Просто «грузили и грузили», заставляя поднимать один и тот же вес. Никакой другой работы с Арсамаковым тогда не вели. И как следствие: с 1981 года он никак не мог улучшить свой результат в двоеборье. Было от чего расстроиться. Да еще тренер сборной Прилепин за «неперспективность» предложил ему покинуть большой спорт. И это в двадцать два года! Здорово задели слова наставника Исраила, но он не поддался эмоциям, не покинул помост.

Постоянным соперником Арсамакова был Юрий Варданян. Бесспорен факт, что в свое время Варданян установил немало мировых рекордов. Но бремя славы наложило свой отпечаток: он стал меньше уделять внимания тренировкам. И все же у него результаты были выше, чем у Исраила.

...1985 год. Сборная СССР по тяжелой атлетике готовилась к чемпионату мира. В весовой категории до 82 кг два равных претендента: Варданян и Арсамаков. Результаты оба показали высокие, но место в сборной-то одно. На первенство мира поехал Варданян. Слабым утешением для Арсамакова были слова тогдашнего старшего тренера сборной Давида Ригерта: «Я знаю, ты сильнее. И справедливость в конце концов восторжествует. Но впредь постараюсь, чтобы первым номером на все международные соревнования шел чемпион Советского Союза...». Арсамаков в тот год был чемпионом страны, показав абсолютно лучший результат в своей весовой категории.

«Откуда появляется неверие в свои силы у спортсменов! — рассуждает Исраил Арсамаков. — Когда о нем судят не по результату, а по умению быть сговорчивым, покладистым, в общем «своим парнем». Но ведь спорт не игрушка в руках должностных лиц. Это прежде всего борьба, пот и кровь».

Да, побороться Арсамакову довелось немало. «Серебро» чемпионата мира, золотая медаль чемпионата Европы, мировой рекорд, четырежды он — лучший в стране, и это далеко не полный список титулов и наград, с которыми лейтенант Исраил Арсамаков вступил в год олимпийский.

Он находился в более трудном положении, чем любой другой кандидат в олимпийскую команду по тяжелой атлетике. После контрольных сборов в Подольске фамилии девяти олимпийцев были названы. Оставалось определить десятого. На это место претендовало десять тяжелоатлетов. В их числе после двухлетнего перерыва — Юрий Варданян. И Арсамакову надо было выступить лучше своего основного конкурента. Слишком многое было поставлено на карту. Ведь Олимпиада в жизни каждого спортсмена подчас бывает один-единственный раз, а к ней он идет всю свою спортивную жизнь.

На прикидке в Подольске сдвинулся Варданян. В Хабаровске за бортом остались другие претенденты. За путевку теперь боролись лишь Арсамаков и Ли. Руководство команды решает заявить на олимпийский турнир обоих, как говорят в кругах тяжелоатлетов, их решили «двоить».

И вот цель, которую ставил перед собой Исраил, достигнута. Он — в команде. Но... Отборочный цикл вымотал спортсмена, вновь заняло травмированное плечо — сверхнагрузки не прошли даром.

Перед самым стартом на олимпийском помосте Арсамаков узнает, что выступать будет один — у Ли не все ладно было со здоровьем. Впрочем, дадим слово самому Исраилу:

— Когда вошел в зал, совершенно не волновался, увидев штангу... почему-то подумал: сегодня обязательно выиграю. Нужно было просто выполнить привычную для себя работу, сработать четко, взять

свою медаль. Почему была уверенность! Ведь в ходе соревнования мы следим за своими соперниками, знаем не только их результаты, но и потенциальные возможности.

В первом упражнении — рывке, взяв 167 килограммов, проиграл победителю в этом виде два килограмма. Мог, конечно, поднять и больше. Но вес меня вполне устраивал, так как в толчке я был сильнее своих соперников. Простой подсчет показывал: во втором упражнении мне достаточно взять 205 килограммов и по сумме я — олимпийский чемпион. Этого вес я поднял.

Тем временем штангист из Южной Кореи поднял 207 килограммов. Но сумма у него была меньше моей. Зал ему рукоплещет: как же, их земляк стал первым в упражнении. Тренеры в это время заказывают мне 210 кг. Первая попытка неудачна. На трибунах оживление: мол, кореец сильнее. Это меня задело. Я поднял 210 кг, чтобы доказать, что в тот день был сильнее всех. После допингового контроля оказалось, что венгр, занявший первое место в рывке, применял запрещенные стимуляторы. Так что я стал чемпионом и в упражнении, и в сумме. — Если честно, то Олимпиаду я выиграл психологически...

Даже удивился, что золотая олимпийская медаль так легко досталась. Гораздо труднее дались три месяца борьбы за право попасть на Олимпиаду.

О победе на Олимпиаде мечтает каждый спортсмен. Но добиться ее может только человек сильный духом, готовый бороться даже тогда, когда, кажется, и перспективы никаких нет. Такой, как старший лейтенант Исраил Арсамаков.

Капитан И. КУБЫШЕВ.
Фото автора.

Юлиан Семенов

НЕНАПИСАННЫЕ

РО- МА- НЫ

9

ПОМОЩНИК Молотова был предупрежден заранее, что с утра будет звонить Гарриман, ибо уже в восемь подписчики получили «Литературную газету» со статьей лауреата Сталинской премии Бориса Горбатова «Человек в коротких штанишках». Речь в ней шла о президенте США Гарри Трумэне, главе дружественного — согласно действовавшему тогда Договору — государства. Молотову было дано указание уклониться от встречи с Гарриманом под любым предлогом; указание пришло от Сталина прошлой ночью.

...Помощник посла звонил в приемную министра иностранных дел до трех часов; в три тридцать Гарриман сам набрал номер секретариата Сталина; по-русски произнес чеканную фразу:

— Прежде чем я дам рекомендации правительству Соединенных Штатов по поводу известной вам публикации, мне казалось бы необходимым встретиться с маршалом.

(«Генералиссимусом» Сталина никогда не называл, только «маршалом», отговариваясь тем, что привык к его званию во время войны — с одной стороны, и с другой — ему бы не хотелось иллюзий: тиран Испании Франко тоже гене-

ралиссимус, как и Чан Кай-ши, главный противник Мао, верного ученика русского лидера).

— А почему бы вам не встретиться с Молотовым или Вышинским? — спросили Гарримана, заранее зная, что он откажется от этого предложения, протокол не позволяет, — слишком долго унижали отговорками.

— К сожалению, я не могу более ждать, пока господа Молотов или Вышинский найдут время для встречи с чрезвычайным и полномочным послом Соединенных Штатов. Просил бы доложить маршалу, что встреча с ним была бы в высшей мере целесообразной — в интересах двух наших держав.

Сталин дождался именно этих слов Гарримана: игра, начатая в конце прошлой недели, входила в свою завершающую фазу.

Во-первых, он, Сталин, поручил сделать публикацию о предателе Гарри Трумэне, президенте Америки, не кому-нибудь, а Борису Горбатову, еврею по национальности. Поскольку в Штатах во время войны значительно увеличилось влияние еврейских кругов в прессе, можно рассчитывать, что далеко не все газеты за океаном выступят против публикации «Литературной газеты», а, наоборот, перепечатают пассажи из опуса Горбатова, особенно республиканцы, — выборы на носу, надо валить демократического кандидата Трумэна. Во-вторых, эта публикация есть не что иное, как проб-

Продолжение. Начало в № 4.

ный шар в переориентации не только советского народа, но и европейцев на нового противника, на человека, отринувшего идеи Рузвельта, а, следовательно, и всей Большой Тройки, и, наконец, в-третьих, позиция Гарримана — после такого рода публикации — поможет выработать курс на будущее: как будет реагировать Вашингтон на сокрушительные удары такого и не только такого рода? Кампания в прессе? Пусть. У нас их прессу не читают. А если какого-то рода санкциями? Какими именно? Где? Как скоро? С другой стороны, предстоят серьезные события в России, время «братьев и сестер» военной поры прошло, надо кончать с неизбежным либерализмом, отмеченным печатью союзничества с Западом; поговорили — и будет, время работы, суровой дисциплины, абсолютного единомыслия, иначе Россию из руин не поднять, народ надо держать в руках, направляя и контролируя каждый шаг.

Работник секретариата Сталина сказал послу, что он доложит помощнику генералиссимуса о его звонке незамедлительно, попросил оставить телефон, обещав связаться в течение десяти минут.

И — ровно через десять минут — перезвонил, пригласив господина Гарримана прибыть в Кремль в восемнадцать тридцать.

...Гарриман вошел в кабинет Сталина, зажав в правом кулаке номер «Литературной газеты», — тогда она выходила на четырех страницах, объемом «Известий»:

— Вы видели это, маршал? — спросил он, вытянув руку с газетой.

— Здравствуйте, господин Гарриман, — поднявшись из-за стола, Сталин пошел ему навстречу. — Рад вас видеть, присаживайтесь, пожалуйста. Что будете пить?

— После этой статьи, — Гарриман кивнул на газету, по-прежнему зажатую в кулаке, — полагается пить коньяк за упокой наших союзнических отношений.

— Рискованно, — ответил Сталин. — Вам же предстоит составлять телеграмму в государственный департамент, давать рекомендации Белому дому. Неловко, если за океаном поймут, что вы делали эту работу нетрезвым. Что же касается номера «Литературной газеты», то я его прочитал лишь перед обедом... Видите ли, господин Гарриман, будь это напечатано в «Правде» или «Известиях», словом, в газетах, принадлежащих партии и правительству, — медленно, словно бы взвешивая каждое слово, продолжил Сталин, — мы бы серьезно наказали редакторов за такого рода публикацию, можете мне поверить. Однако у нас в стране есть лишь одна газета, не подчиняющаяся ни ЦК, ни Совнаркому. Это газета Союза писателей. Конечно, если

вы внесете официальный протест, мы еще больше ужесточим цензуру, еще больше ужесточим политконтроль. Но ведь это именно то, за что нас так журят в вашей стране. Неужели вы хотите, чтобы мы завернули гайки?

Гарриман мгновение сидел, окостенев от гнева, а потом рассмеялся, поняв весь ужас такого положения, в которое он себя поставил: неужели ему, представителю демократического мира, пристало просить тирана начать новые чистки?! Даже против тех, кто написал пасквиль о президенте? Если он, Гарриман, будет настаивать на этом, то, можно не сомневаться, кара свершится, но мир будет проинформирован, что это произошло по настоянию Соединенных Штатов.

— Мы не хотим, чтобы вы заворачивали гайки, маршал. Да и потом, рано или поздно резьба может свернуться.

— У нас хорошая сталь, — ответил Сталин. — Мы верим в ее надежность. Тем не менее я обещаю выполнить вашу просьбу: мы попросим компетентные органы, занимающиеся литературой, быть особо внимательными: кто может поручиться за то, что еще выкинут литературы? Благодарю вас за совет...

...Этот разговор произошел, когда Ахматова и Зощенко были уже «выброшены» из литературной жизни страны; предстояла кампания по травле «космополитов»; в большой политике мелочей не существует, — думая о стратегии, не упускай из виду тактику...

10

В ГАГРАХ, осенью шестьдесят четвертого, маршал Жуков — уже уволенный — пришел посмотреть концерт мастеров эстрады. Я сидел в двух рядах от него, после окончания представления подошел к нему, — тогда это было нетрудно, поскольку люди смотрели на него с почтением, но — издали, как-никак опальный, а у нас и лыко могут в строку поставить: «С кем контактируешь? По какому праву?!»

Я как раз заканчивал подготовительную работу к роману «Царь не нужен», заново исколесил Сибирь и Дальний Восток — в поисках хоть каких материалов о расстрелянных маршале Блюхере, командарме Уборевиче и кандидате в члены Политбюро, комиссаре гражданской войны Постышеве; именно во время этой поездки мне и рассказали в Красноярске о трагической судьбе Кати, жены Рихарда Зорге, и некоего мальчика, якобы сына Героя. *

* Однако ветераны, знавшие Р. Зорге и его жену, утверждают, что сына у него не было. (Здесь и далее везде — прим. автора.)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Потому-то я и спросил маршала, что он помнит о Рихарде Зорге, какие донесения произвели на него особое впечатление, как он оценивал его информацию.

— Я это имя впервые узнал из фильма «Кто вы, доктор Зорге?», — ответил маршал. — Ни одно из его донесений мне ни разу не докладывали...

В тот вечер он к разговору, видимо, расположен не был, сказал, как отрезал, продолжать вопросы было бы бестактностью; в голову, однако, запало: предвоенный начальник Генерального штаба Красной Армии ничего не знал о выдающемся военном разведчике РККА.

Заново анализируя ответ маршала, я отметил для себя, что он соотнес Зорге с названием фильма французского режиссера Ива Чампи: мы узнали имя Героя не из материалов советской прессы, не из наших книг или картин, но из работы француза, да и то случилось это при весьма любопытных обстоятельствах.

Как в годы культуры личности, так и во времена «волонтаризма», не говоря уже о «застойном периоде», зарубежные картины в первую очередь смотрели и а в е р х у; только после этого, в случае благожелательного отношения к фильму, комитет кинематографии получал указание приобрести ленту у продюсера.

И вот однажды Хрущеву привезли на дачу фильм Ива Чампи о внуке одного из руководителей Первого Интернационала Рихарде Зорге, который жил в Шанхае и Токио как корреспондент немецких газет, являлся при этом секретарем партийной организации национал-социалистической рабочей партии Германии в Японии, но был одним из самых выдающихся разведчиков нашей пролетарской диктатуры.

Посмотрев картину, Никита Сергеевич не без восхищения заметил:

— Вот как надо снимать! Сидишь как на иголках, а в наших фильмах сплошная тяготища или барабанный бой, «ура-ура», смотреть тошно!

Среди приглашенных на просмотр был и тот, кто знал правду о Зорге; он-то и заметил:

— Так ведь это не вымысел, товарищ Хрущев, а чистая правда.

Никита Сергеевич даже изменился в лице, огромный лоб свело морщинами, глаза погасли; помедлив мгновение, он поднялся и, не говоря ни слова, отправился к аппарату прямой связи; позвонил генералам армии Захарову и Серову; те подтвердили, — да, правда, был такой Зорге; в составление подробной справки попросили время; Хрущев дал день; через неделю, не посоветовавшись ни с кем из коллег, провел Указ Президиума Верховного Совета: Зорге стал Героем Советского Союза.

Ходили слухи, что кое-кто возражал против этого акта (я имею в виду ближайших соратников Хрущева; впрочем, «соратниками» их называть рискованно, славя его прилюдно, они уже тогда готовили против него заговор).

Тем не менее с тех пор имя Зорге было канонизировано; не привези Хрущеву

на дачу этот фильм Чампи, или будь на месте Никиты Сергеевича другой человек, — так бы это имя еще на десятилетия оставалось вычеркнутым из нашей истории.

Впрочем, ни один вопрос никогда не остается безответным, тайное — рано или поздно — становится явным, сие — историческая аксиома.

...Через несколько лет после мимолетной встречи с Георгием Константиновичем Жуковым я уехал с моим другом доктором Кирсановым на приокские разливные луга — весенняя охота там была прекрасной, разрешали ее повсеместно и празднично.

Часов в десять, после того как отцвела заря и солнце упало на табачный слой облаков, мы встретились с Кирсановым в условленном месте на лугу и побрели к нашей палатке.

Неподалеку горел костер, делавший луг тургеневским.

Мы подошли к трем охотникам, что грелись у огня.

Кряжистый человек с крупным, морщинистым, очень знакомым лицом спросил:

— Ну, как у вас дела? Был лет?

Доктор Кирсанов, мой охотничий учитель, ответил как и положено:

— Да так, болталась утка... Слабо. С тем, что было раньше, не сравнить.

Кряжистый рассмеялся:

— Значит, полный мешок набил, знаю я вас, хитрецов... Чаю небось хотите?

И тут я понял: да это же маршал Чуйков, Василий Иванович! Легендарный командир, герой штурма Берлина... После того, как Жукова сняли и он уехал к себе на дачу, откуда не выезжал многие месяцы, Чуйков опубликовал статью, в которой дерзко утверждал, что мог взять Берлин на несколько недель раньше, если бы не запрет Жукова; тот, понятно, ответить не мог — у нас бывший и не имеет права на слово, отрезанный ломоть...

...Чуйков кивнул сопровождающим, те протянули нам с Кирсановым по кружке крепчайшего чая; маршал поинтересовался, кто мы; представились; он нахмурился, вспоминая что-то, потом спросил, не я ли писал повесть о трагедии полярного летчика в тридцать седьмом; выслушав ответ, поглядел на меня с любопытством, переглянувшись с высоким синееким полковником.

— Смелые вы стали теперь — Сталина цепляете, — усмехнулся он, — попробовали б раньше.

И я понял тогда, что удача сама по себе плывет в руки!

Поэтому, согласно посмеявшись крутому замечанию Чуйкова, я спросил:

— А вот интересно, почему Жуков даже сейчас утверждает, что он не слышал о Рихарде Зорге?

Я намеренно подставился, думая, что Чуйков не преминет лишний раз ударить опального маршала, но он, сёрбающе отхлебнув чая из своей солдатской кружки, задумчиво ответил:

— Про Зорге все знал Филипп Голиков... Он сменил «Павла Ивановича»* и тех, кто его замещал на посту начальника нашей разведки... Берзин-то оказался «троцкистом» — шлепнули... — Чуйков хмуро усмехнулся. — Вообще-то всех наших первых маршалов и командиров, даже Ворошилова с Буденным, по логике тех лет, можно было считать тоже троцкистами... Лев Давыдович утверждал в должностях, кто ж еще, конечно, он, народный комиссар по военным и морским делам... Только Климент Ефремович со времен Царицына работал вместе с Иосифом Виссарионовичем. А Тухачевского в Царицыне не было, да и Блюхера с Якиром и Примаковым — тоже, на других фронтах воевали, вот их и шлепнули в одночасье. Да... Все, абсолютно все высшие командиры времен гражданской войны были открыты и назначены не дядей Васей, а РВС**... Вот вы, писатели, об этом напишите, а то все о председателях колхозов сочиняете. Так вот, Голиков этот самый — сукин сын — на всех рапортах Зорге писал: «Информация не заслуживает доверия». И — точка. Кто ж такой документ начальнику Генерального штаба будет докладывать?! Так что вы Жукову верьте, он человек высокопорядочный, ложь его характеру противна...

Я любовался этим кряжистым человеком, его крестьянским лицом с рублеными, глубокими морщинами, чувствовал в его глазах какую-то скрытую, стыдящуюся муку и невольно думал о том, что ломать человека можно не только в застенке, но и на воле: первооснова любого действия — рычаг, а сколько их на земле?! Бесчисленное множество, горазды людишки на изобретательство такого рода...

Слова маршала о том, что Голиков называл Рихарда Зорге «не заслуживающим доверия», запомнились мне.

Поскольку напрямую искать объяснение такого рода заключению было тогда невозможно, я начал исследовать эту загадку, что называется, по касательной; опыт такого рода был у меня уже, — накопился в процессе работы над образами Блюхера, Постышева и Уборевича.

Ответ на этот вопрос я получил через два года, и ввели истории и военные, подсказав, что в конце двадцатых годов Рихард Зорге жил в Москве, работал в исполкоме Коминтерна, являясь помощником председателя исполкома и шефа журнала «Коммунистический Интернационал».

А секретарем исполкома был тогда Николай Иванович Бухарин.

Именно тогда, накануне решающей атаки Сталина против Бухарина, тот до конца точно сформулировал одну из

* «Павел Иванович» — так сослуживцы называли Яна Берзина; он был рекомендован на эту должность Ф. Э. Дзержинским, М. В. Фрунзе (примеч. Н. В. Звонаревой, секретаря Берзина).

** РВС — Реввоенсовет.

своих концепций: судьбу мировой пролетарской революции решит — вместе с Советским Союзом — «большая деревня», то есть национально-освободительное движение Азии, особенно Китая; ситуация на Востоке рано или поздно понудит «большой город», то есть Западную Европу и Америку, по-иному взглянуть на мир.

Именно поэтому Бухарин так нуждался в избыточно точной, по-настоящему интеллигентной информации о положении в Китае. Видимо, он довольно долго колебался, размышляя, на каком фронте Зорге мог принести наибольшую пользу (до того времени, понятно, пока Зорге не был приглашен Берзиным).

В свое время с подачи Зиновьева генеральный секретарь, являвшийся членом руководящей «тройки» (Каменев, Зиновьев и Сталин), выдвинул лозунг, обвинявший социал-демократию в сползании к фашизму. Бухарин занимал иную позицию; он настаивал на том, что невозможно и неразумно валить социал-демократов в одну кучу с фашизмом; наперекор Сталину и Зиновьеву отстаивал возможность совместных выступлений с социал-демократическими рабочими, более того, с их низовами и организациями, в то время как обращение к фашистским организациям, даже в тактических целях, считал недопустимым.

(Лишь устроив Бухарина из Политбюро, Сталин посмел сказать на Семнадцатом съезде: «В наше время со слабыми не принято считаться, считаются только с сильными... Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии, но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».)

Несмотря на то, что Бухарина всегда поддерживали Крупская и Клара Цеткин, официальное отношение к социал-демократии оставалось неизменным, зиновьевско-сталинским: немецкие коммунисты не смели объединяться с социал-демократами в борьбе против нацистов. А ведь объединись они, Гитлер бы не собрал большинства на выборах в рейхстаг и дальнейшее развитие европейской истории могло пойти совершенно по иному руслу.

Поэтому, вероятно, Зорге был направлен сначала в Китай, а после в Японию, — в Германии он бы мог содействовать объединению коммунистов с социал-демократами, созданию единого фронта, однако это — по меркам тех крутых лет — было и зменой выдвинутому лозунгу, то есть Слову, не Делу...

Жуков о Зорге не знал, ибо он стал начальником Генерального штаба уже после того, как закончились процессы, и все те, кто начинал с Лениным, оказались «шпионами» и «диверсантами»; пришли новые люди, в стране изменилось качество государственной памяти: лишь малая часть делегатов Семнадцатого съезда партии дожили до Восемнадцатого, все остальные были расстреляны как

враги народа. Все друзья Зорге были ошельмованы и уничтожены.

...А знал ли Сталин о Зорге?

Видимо, знал, ибо когда в сорок четвертом году суд в Токио закончился вынесением смертного приговора, советский посол запросил Москву, какие шаги следует предпринять для спасения Зорге.

Москва на запрос никак не реагировала.

А в Сибирь поступил приказ: «решить вопрос с женой» Зорге. В то же время погиб и тот мальчик, о котором некоторые говорили как о сыне Зорге.

Расстрел ребенка был тогда делом узаконенным: накануне «большого террора», десятого апреля 1935 года, по предложению Сталина был проведен закон, по которому уголовной ответственности — вплоть до расстрела — подлежали все граждане Советского Союза, начиная с двенадцатилетнего возраста.

11

В НАЧАЛЕ пятидесятых Сталин, Ворошилов и Косыгин отплыли из Крыма в Сухуми на крейсере «Молотов».

Секретарь Сухумского обкома Мгеладзе, получив сообщение об этом, немедленно позвонил своему шефу Чарквиани — в Тбилиси; после этого распорядился накрыть праздничный стол на даче в честь генералиссимуса и отправился в порт.

(В это как раз время в Грузии были арестованы Рапава, Заделава и Барамия, выдвинуты Берии; началось «менгрельское дело», про Чарквиани стали говорить, что он каким-то краем тоже менгрелец.)

Прямо с аэродрома Чарквиани приехал на дачу; Сталин, Ворошилов и Косыгин были уже там; когда все расселись за большим столом, Чарквиани сказал:

— Я предлагаю поднять бокалы за самого выдающегося революционера всех времен и народов, соратника Ленина, гениального стратега нашего счастья, дорогого и любимого товарища Сталина!

Все зааплодировали; Сталин, неотрывно глядя на Чарквиани, поморщился; потом снисходительно усмехнулся в седые, прокуренные усы.

И тут неожиданно для всех поднялся Мгеладзе:

— Я возражаю...

Воцарилась зловещая тишина, оцепенение было общим, давящим; никто не смел глянуть друг на друга.

— Я возражаю, — повторил Мгеладзе еще тише. — По законам грузинского стола первое слово произносит хозяин, а здесь, в этом доме, я — во всяком случае пока что — являюсь хозяином. Поэтому я не стану поднимать первый бокал за товарища Сталина. Он — грузин, он приехал к себе домой...

Сталин медленно отодвинул свой бокал; Мгеладзе заметил это, как и все присутствующие; побледнев до синевы,

сухумский секретарь облизнул враз пересохшие губы и на какое-то мгновение замешкался...

...Чем дальше, тем больше Сталина настораживало все то, что было — хоть в какой-то мере — связано с его национальностью. Начиная с той поры, когда он закончил в Вене свою работу «Марксизм и национальный вопрос», к проблемам Закавказья Сталин серьезно не обращался, работал в основном в Петербурге, вращался среди русских рабочих, ни в Тифлисе, ни в Баку более не ездил; в краю своей молодости он побывал лишь в начале двадцатых, в пору для него трагическую, когда Ленин требовал его отставки, а его позицию в «грузинском вопросе» клеймил как великодержавную, недостойную большевика.

Ему было непростно приезжать на родину потому еще, что слишком многие знали, как и с кем он начинал свой путь в революцию. У всех на памяти был Красин, координировавший в начале века всю революционную работу на Кавказе. Ладо Кецохели, Филипп Махарадзе, Мдивани, Курнатовский, Кавтарадзе, Енукидзе, Шаумян, Аллилуев, Каменев, Камо, Джапаридзе, Нариманов, Цхакая, Стурва, — о нем, Сталине, в ту пору не вспоминали в газетах, не называли «вождем»; упоминали, да и то не часто, в перечислении.

В Москве помнили процесс, возбужденный Мартовым в революционном трибунале против Сталина, когда он шельмовал его тем, что за участие в экспроприациях он, Сталин, «социал-демократ меньшевистской ориентации», был якобы исключен из партии. Слушание дела началось в марте восемнадцатого года; народный комиссар по делам национальностей выиграл процесс: «Бесчестно обвинять человека, не имея на руках сколько-нибудь серьезных документов; революционер и клеветник — понятия несоместимые!»

В Тбилиси помнили публикацию, подготовленную в декабре двадцати пятого года газетой «Заря Востока»; там приводилась выдержка из отчета начальника тифлисской охранки о нем, Джугашвили: «Сначала был меньшевиком, потом стал большевиком...»

В Тбилиси, Баку и Батуми архивы таили протоколы его допросов в охранке, кое-кто настаивал на опубликовании этих документов, настаивал на этом не только Троцкий, но и Камо.

Лишь в двадцать третьем году, когда выдвигался Сталин молодой Лаврентий Берия начал свое триумфальное продвижение в верх, началась неторопливая, но обстоятельная корректировка фактов. Все, что было неудобно новой линии, изымалось из печати, создавались легенды, выстраивалась новая концепция прошлого. Камо вычеркнули из истории — боевик, экспроприатор, был близок к Сталину, — не нужно вспоминать об этом. Теоретик марксизма и стратег революции начиная с начала века, каким должен стать Сталин, совершенно не обязан, бо-

лее того, не должен быть связан с теми акциями, которые проводил Камо.

Затем Чичерина сменили Литвиновым, — все-таки именно он, Максим Максимо-вич, был первым, кто в начале века написал Ленину о молодых кавказских публицистах-революционерах, значит, речь шла о Сталине, о ком же еще?! Именно с ним Сталин работал в Берлине в девятьсот седьмом, стараясь облегчить участь Камо.

В начале тридцатых была напечатана статья о революционном меньшинстве «Месаме-даси», возглавляемом Кецохвели, Цулукидзе и Сталиным: именно таким образом был дезавуирован отчет тифлисского охранника, напечатанный «Зарей Востока», — да, Коба был «меньшевиком» в «Месаме», но эти меньшевики были истинными ленинцами, национальная особенность грузинской социал-демократии, откуда было это знать царскому жандарму?!

Такого рода публикация окончательно дезавуировала и Мартова; впрочем, этот — не страшен, умер в эмиграции, мертвые обречены на молчание.

В тридцать четвертом, после съезда, а особенно когда опубликовали заметки Сталина против марксистского историка Покровского в переводе на грузинский, Берия приехал в Москву и положил на стол вождя папку с высказываниями кавказских большевиков о том, кто действительно стоял во главе революционного движения в Баку и Тифлисе. Хотя имя Сталина и упоминалось (слава богу, не двадцать пятый год), но все кавказские большевики на первое место ставили того же Ладю Кецохвели, Наримана Нариманова, Джапаридзе, Мешади, Азизбекова, Виктора Курнатовского, Авеля Енукидзе, Степана Шаумяна. Сталина упорно называли следом за ними.

Просмотрев папку, Сталин усмехнулся:

— Истинным и единственным создателем грузинской социал-демократии был русский марксист Ленин... А Сталин... Что ж, Сталин не гонится за славой, он всегда был верным учеником Ленина, нет почетнее звания, чем быть его учеником и сподвижником...

В тридцать шестом Берия начал по-важные аресты ветеранов большевистского движения на Кавказе; архивы безжалостно сжигались, пришла пора переписать историю: аппарат Берии подготовил ему книгу — «К истории большевистских организаций Закавказья».

Берия помянул «соратника» Сталина — Виктора Курнатовского; тот начал борьбу с царизмом в прошлом веке, был подвижником «Народной воли» в те уже годы, когда Сталин только читал «Закон Божий» в духовном училище; дружил с Лениным, когда Коба занимался в семинарии, готовясь стать утешителем людским, священником; вспомнил Берия и «учеников» вождя — Кецохвели, Цулукидзе, Джапаридзе, — а ведь именно эти ученики и привели в свои рабочие кружки никому неведомого юношу; замалчивалась роль руководителя тбилисского подполья Джибладзе, большевистского ве-

терана Стуруа, — а ведь они преподавали молодому Кобе азы политической борьбы; тысячи и тысячи грузинских ленинцев и все те, кто все еще осмеливался помнить правду, были уничтожены.

...Просмотрев рукопись Берии, вождь сделал всего несколько редакторских замечаний, добавил абзацы о роли русского рабочего класса, вписал фамилию Калинин (все еще популярен среди крестьян, может пригодиться) и, возвращая манускрипт, заново обсмотрел Берию: этот не подведет, ему и кончать с Ежовым, подчистит и в Москве, здесь это легче сделать, Москва — не Тбилиси, здесь горцев нет...

...И вот сейчас в Сухуми молодой еще секретарь обкома (сколько ему было в двадцать втором?) прикоснулся к тому, чего так не любил Сталин — не любил и страшился; ах люди, бедные, слабые люди, надо бояться грядущего, а мы несем в себе страх перед безвозвратно ушедшим прошлым...

Между тем, собравшись, Мгеладзе продолжил свой тост, запорокинув от волнения голову:

— У нас, грузин, первый тост положено поднимать за гостей. Мы сегодня по праву должны назвать замечательного русского большевика Климента Ефремовича Ворошилова, героя гражданской войны, соратника товарища Сталина по работе в Государственном комитете обороны в годы Великой Отечественной, луганского рабочего, ставшего одним из руководителей первого в мире многонационального государства рабочих и крестьян... За Климента Ефремовича, товарищи, а в его лице — за великий русский народ!

Все сидевшие за столом молчали; бокалов никто не поднял.

Сталин глухо кашлянул, чуть пожав плечами, сказал:

— Спасибо за прекрасный тост, — и, холодно глянув на растерянного Ворошилова, поднял бокал, сделал легкий глоток. — Было бы плохо, доведись мне, москвичу, исправлять ошибку грузина Чарквиани, молодец, Мгеладзе.

После обеда, удавшегося на славу, Сталин спросил жену Мгеладзе:

— Вы кто по национальности?

Женщина ответила:

— Полукровка.

Сталину говорили, что жена Мгеладзе еврейка; раскурив трубку, поинтересовался:

— Литературный грузинский хорошо знаете?

— Не очень, товарищ Сталин.

— Надо хорошо говорить на языке народа, среди которого живете. Учите грузинский, думаю, пригодится.

Вскоре Мгеладзе был перемещен в Тбилиси — первым секретарем ЦК. Подписывая бумаги, Сталин заметил Маленкову:

— Я порою опасался, что последним отважным грузином был Авель Енукидзе; к счастью, ошибся; Мгеладзе достойный человек, не боится постоять за себя, такой наведет порядок...

(Маленков тогда — в который уже раз — подивился тому, сколь дружески Сталин отзывался о тех, кто был расстрелян по его указанию; с особой теплотой, однако, вспоминал эпизоды, связанные с Енукидзе, Бухариным и Каменевым.)

...Вскоре после смерти вождя Мгеладзе назначили директором совхоза; потом он и вовсе сошел на нет, «пенсионер республиканского значения».

12

СВОЮ последнюю речь Сталин произнес на Девятнадцатом съезде партии, когда ВКП(б) была переименована в КПСС, — большевизм как идейное течение русской революционной мысли формально перестал существовать, сделался достоянием истории...

Как всегда, он изредка заглядывал в текст, на этот раз он — всего в три страницы, может, чуть больше. Напечатано было на специальной машинке с большим шрифтом: генералиссимус не хотел надевать очки; разрушение привычного образа вождя наверняка обыграют враги, да и советские люди будут недовольны, — они не любят перемен такого рода; каким был Сталин с двадцать четвертого года, когда начали печатать его фотографии в газетах, таким он должен оставаться навечно...

Сталин читал медленно, часто замолкая на минуту, а то и больше, словно бы наслаждаясь той гнетущей тишиной, какая была в зале. На самом-то деле сейчас ему это было совершенно безразлично, он давно привык к мертвенному вниманию в любом помещении, как только начинал говорить. Однако поскольку в зале сидели Мао, Торез, Энвер Ходжа, Тольятти, Готвальд, Берут, Ракоши, Пик, Георгиу-деж, Хо, Ким Ир Сен, Поллит, Долорес, он опасался, что они заметят его старческую шепелявость, хрипящую одышку и то, как порою заплетается язык; свои и любым примут, Россия стариков читит куда больше молодых; дожить до старости — значит войти в вечность, молодых политиков легко забывают, имя должно стать привычным, постоянно быть на слуху, как «Отче наш»...

Сталину докладывали, что после последних процессов в Праге, когда расстреляли Генерального секретаря ЦК компартии Рудольфа Сланского, а вместе с ним большинство членов ЦК, евреев, воведших в интербригадах, прошедших антигитлеровское подполье, на Западе началась кампания, организованная, конечно же, «Джойнтом», о том, что он, Сталин, стал творцом качественно новой антисемитской политики.

Генералиссимус попросил приготовить ему переводы из наиболее агрессивных статей в крупнейших журналах и газетах Запада, особенно, Европы.

Читал Сталин вдумчиво, медленно, делая карандашные пометки на полях; по-

черк у него был летящий, четкий, почти без нажима; в девятнадцатом году, убедившись, что все его резолюции, записки и пометки на документах навечно останутся в архивах, сделалась достоянием истории, которая есть не что иное, как вечность, он несколько дней тренировался: раньше-то позволял себе резкости в отзывах, порою даже ломал грифель, раздраженно подчеркивая ту или иную фразу; во всем нужна самодисциплина, следование логике, не чувству — даже в том, как и что помечаешь на полях.

Всего несколько раз в жизни он поддавался чувству; он помнил каждый эпизод в мельчайших подробностях, цепenea от гнева. Особенно горько было вспоминать, как в двадцатом году он предложил альянс Троцкому; сделал это в своей обычной манере: намек, улыбка, приглашение к размышлению. Это было после трагедии в Польше, когда Варшаву не удалось взять, и он, Сталин, ждал, что Троцкий не преминет отречь его и опорочить, но тот был занят ситуацией на Дальнем Востоке и в Закавказье, по отношению к нему, Сталину, вел себя довольно корректно, не обвинив его ни в чем публично: на войне как на войне. Сталин испытал нечто вроде чувства благодарности Троцкому за это, и после нескольких дней, ушедших на взвешивание всевозможных прикидок, написал ему — во время заседания Политбюро — записку, предлагающую встретиться, чтобы исследовать комплекс причин поражения.

Пробежав послание, Троцкий даже не взглянул на него, Сталина, шепнул что-то Ленину, а уж потом, усмехнувшись, начал что-то быстро писать в своем блокноте. Сталин следил за каждым его жестом: сначала захолодел от обиды, когда заметил, сколь рассеянно пробежал Троцкий его предложение о заключении пакта дружества, — дурак не поймет, что значит такая записка, новичок в политике, а Троцкий дипломат тертый. Когда же Сталин увидел, что тот, низко склонившись над столом, пишет свою записку, отошел, ибо понял: вот он, ответ предввоенсовета. Троцкий, конечно же, прав, зачем обмениваться взглядами, — и Зиновьев, и Каменев наблюдают за каждым движением вождя РККА, тязко не любят его и завидуют. Они, ученики Ильича, работавшие с ним бок о бок пятнадцать лет (эпизод октября не в счет), отгерты на третье, а то и на четвертое место, а тот, кто постоянно воевал против Ильича, стал «человеком номер два», и его портреты почти столь же популярны в стране, как Ленина...

Сталин нетерпеливо ждал, что Троцкий ему напишет; он был убежден, что Лев Давыдович верно поймет его, их блок гарантирует несокрушимое единство ЦК, ибо только они, два исполнителя, могут удерживать срасти: в руках Троцкого армия, без которой невозможно гарантировать порядок, у Сталина — не только государственный контроль, инспекция всех наркоматов, но и окраины Республики, кон-

гломерат национальностей, а это, как-никак, Украина, Белоруссия, Кавказ и Туркестан...

Троцкий, однако, перебрисил первую записку Крестинскому, а вторую — Фрунзе, приглашенному на заседание в связи с предстоящими боевыми действиями, план которых был вчера утвержден.

Именно тогда Сталин ощутил нечто, подобное ожогу; обычно бледный, он почувствовал, как кровь пульсирующе прилила к щекам.

Назавтра Троцкий позвонил ему по «вертушке»:

— Когда бы вы хотели заехать ко мне, товарищ Сталин?

— К сожалению, — ответил Сталин, — ситуация изменилась: навалилась куча дел.

— Хорошо, — усмехнулся Троцкий, — как разберете кучу — звоните.

Сталин тогда медленно, как-то даже гадливо опустил трубку на рогоподобный рычаг и подумал: «Жди! Не дождешься!»

...Исследуя реакцию западноевропейской прессы, которая всячески обыгрывала тот факт, что среди растерянных руководителей компартий Восточной Европы — Ласло Райка в Венгрии, Анны Паукер в Румынии, Сланского в Чехословакии — большинство были евреями, стояли у колыбели своих партий, Сталин поначалу решил разыграть карту Ракоши, Кагановича и Мехлиса. Действительно, руководителем Венгрии оставался Матнас Ракоши, здесь, в Москве, членом Политбюро является Каганович, а его многолетний помощник, Мехлис, стал министром госконтроля; о каком антисемитизме может идти речь?

Однако в свете того, что готовится в следующем, пятьдесят третьем году, Сталин понял, что такого рода ответ западноевропейским оппонентам будет тактикой, а ему пристало думать лишь об отправных вопросах стратегического плана — на многие годы вперед, на века, говоря точнее. Он понимал, что запланированное им на будущий год (а он начал готовить это еще в тридцать шестом, когда Каменев и Зиновьев признались в том, что служили шпиону Троцкому; то, что было продолжено в кампании против космополитов в сорок седьмом; то, что подтвердили процессы Райка и Сланского, рассказавших, что они служили как Гитлеру, так и еврейскому «Джойнту») будет делом нелегким. Действительно, только наивный политик может верить, что старая гвардия простила ему расстрелы членов ленинского ЦК, что она не будет дрожжами памяти о том, что именно Троцкий был первым наркомом обороны, Зиновьев — председателем Коммунистического Интернационала, Каменев — заместителем Ленина; во имя торжества его, Сталина, дела Карфаген должен быть разрушен. Память хранят люди, и только их изоляция гарантирует появление чистого листа, на котором можно написать то, что внуки его внуков будут считать Евангелием от социализма. Именно тогда он заново пересмот-

рел подготовленный им состав новых членов Президиума ЦК, который надлежит избрать завтра: из стариков, хранящих память, остались только Молотов, Ворошилов и Микоян; чужая душа — потемки; смешно предполагать, что Молотов забыл, как он работал с Каменевым, Рыковым и Крестинским; помнит, еще как помнит. А Ворошилов? Забыл, как славил «вождя Красной Армии» Троцкого? Вопрос с Кагановичем и Мехлисом будет решен иначе, все продумано и взвешено... Нет, именно сейчас, на Девятнадцатом съезде, он, Сталин, должен обратиться к Западной Европе совершенно иначе, никак не реагируя на развернувшуюся кампанию об его, Сталина, антисемитизме...

Поэтому-то, тяжело облокотившись на трибуну, он и прочитал то главное, что за кордоном поймут все — как политики, так и трудящиеся:

— Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт нынешними правителями Европы... Его некому поднять, кроме как коммунистам Запада...

(Не отсюда ли, кстати, и надлежит отсчитывать начало «еврокоммунизма»?)

...На закрытом заседании съезда, когда началось выдвижение кандидатур в ЦК, Сталин, сидевший, как обычно, на самой последней скамье президиума, совершенно один, неожиданно для всех поднялся и попросил у председательствовавшего слова; тот вместо ответа истерично зааплодировал.

Он медленно шел к трибуне, ошупывая ногами ступени, как слепец, а зал поднялся, устроив ему очередную овацию (первая, когда его имя было названо среди кандидатур в члены ЦК, длилась около пяти минут).

Сталин снова облокотился на теплое дерево трибуны, словно бы повиснув на ней, как-то безучастно осмотрел неистовавший зал, потом медленно поднял руку, прося тишины.

— Товарищи... Я очень устал. Да и годы не те... Спасибо вам за то, что вы так честно и вдохновенно работали вместе со мною. Все эти четырнадцать лет, после Восемнадцатого съезда... Я прошу дать мне самоотвод. Прошу, так сказать, отставку. Я же — в свою очередь — называю того, кого мог бы смело рекомендовать на мое место, — и, повернувшись к президиуму, он медленно обвел взглядом лица членов Политбюро, задержавшись на лице Молотова чуть дольше, чем на лицах остальных коллег.

В зале началось невообразимое:

— Сталина! Сталина! Сталина! — скандировали делегаты съезда. — Хотим Сталина! Сталина! Сталина!

Сталин слушал овацию, по-прежнему обвисяюще опираясь на трибуну, а перед глазами стояло демоническое лицо Троцкого, когда тот подал в отставку: было это в июле девятнадцатого из-за разногласий с ним, Сталиным, по поводу стратегии на Южном фронте.

Сталин никогда не мог забыть, что Ленин поручил именно ему, Сталину, подготовить решение ЦК; он понимал, что Ленин не зря поручил именно ему написать проект; обидя была передаваемо тяжелая; это, однако, оказалось для него таким испытанием на прочность и выдержку, за которое он потом не раз благодарил судьбу.

В проекте решения Сталин писал, что Орг. и Политбюро ЦК, рассмотрев заявление т. Троцкого, пришли к единогласному выводу, что принять отставку т. Троцкого они абсолютно не в состоянии. Орг. и Политбюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте — самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, — которую избрал сам т. Троцкий... Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг. и Политбюро ЦК настоятельно предлагают т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их ввиду сосредоточения своей работы на Южфронте...

Прочитав проект решения, Ленин тогда как-то по-особому, в веш и в аю ще глянул на Сталина и молча подписал документ, не сделав ни одной правки; вернул машинописную страничку Сталину, попросил согласовать с Каменевым, Крестинским, Калининным и Серебряковым; он, Сталин, свою подпись поставил последним; никогда не мог забыть, с какой помпой Троцкий после этого уехал на своем поезде на фронт, к Воронежу.

Тогда именно Сталин и понял всю томлящую сладость отставки, которую просят, заранее зная, что никто ее не примет, — истинный триумф авторитета, еще одна ступенька вверх, звнящее ощущение собственной значимости...

Лишь семь лет спустя Сталин решил на то, чтобы повторить фокус Троцкого; он подал в отставку, когда Троцкий был уже снят с поста наркомвоенна, а его бывшие враги Каменев и Зиновьев разгромлены, хотя и кровавой ценой: они публично потребовали зачитать завещание Ленина. Но с той поры, как Ленин написал свое завещание, прошло три года; Сталин сумел заручиться поддержкой Бухарина, истинного любимца партии, с ним Председатель Совнаркома Рыков, руководитель профсоюзов Томский, с ним был Серго, которого Ленин называл другом, могущественный зампред ГПУ Ягода, заворготделом Каганович, Куйбышев и Андреев, — они делают так, что делегаты не примут его отставки, отвергнув ее столь же решительно, как он, Сталин, в свое время подготовил решение, отвергавшее отставку Троцкого. Все течет, все меняется; побеждает тот, кто силен, умеет просчитать вероятность и наделен даром памятливого выдержки. Его, Сталина, жизнь оделила

этим даром с лихвой. Он помнил, он помнил все, — со страшившей порою его самого фотографической точностью деталей. Он, например, никогда не мог забыть, как в Вене, впервые встретившись с Троцким на квартире одного из меньшевиков, вошедшего затем во Временное правительство, он сидел в углу, возле книжного шкафа, страдая от того, что Лев Давыдович разговаривал с гостями по-немецки, не утруждая себя тем, чтобы хоть пояснить ему, о чем шла речь; один он, Сталин, не знал языков, приехал из глубинки, откуда же в товарище такая невнимательность, черствость? Он плохо спал в ту ночь, вертелся под пухою периной в доме приятеля; чувствовал себя обгаженным, заново анализировал, что думали о нем собравшиеся, когда он, истомившись своим вынужденно-непонимающим молчанием, достал какую-то книгу из шкафа, но и та оказалась немецкой, — не ставить же ее на место, да и дверца скрипит, могли б петли смазать... Тем не менее, когда Временное правительство заставило Ленина и Зиновьева перейти на нелегальное положение, а Троцкого и Каменева бросило в тюрьму, именно он, Сталин, написал воззвание: «Никогда еще не были так дороги и близки рабочему классу имена наших вождей, как теперь, когда обнаглевшая буржуазная сволочь обливает их грязью!»

Он боялся этих воспоминаний, гнал их от себя, но когда начальник кремлевской охраны Паукер рассказал ему, как Зиновьев перед расстрелом падал на колени и молил о пощаде, а Каменев презрительно сказал: «Перестаньте, Григорий, надо умереть достойно», Сталин с мучительной ясностью увидел свои строки, написанные им после того, как Каменев, выпущенный Керенским из тюрьмы, был немедленно обвинен буржуазией в том, что якобы сотрудничал с охранкой: «Контрреволюционных дел мастерам надо во что бы то ни стало изъять и обезвредить Каменева, как одного из признанных вождей революционного пролетариата...»

Именно он, Сталин, — по поручению ЦК — разоблачил эту клевету, именно он доказал всю вздорность и гнусность такого рода обвинения Каменева, который был тогда его ближайшим другом.

То же самое с ним, Сталиным, произошло и после того, как по его требованию расстреляли Бухарина. Он лежал на диване и не мог уснуть, и отгонял от себя навязчивую картину — близкую, ощутимую, слышимую; их первую встречу с Бухарчиком в Вене, когда тот проводил с ним целые дни, работая в библиотеке, переводил ему немцев, француз и англичан, делал выписки, советовал, как лучше строить «Марксизм и национальный вопрос»... Именно тогда, в ту бессонную ночь, когда все было кончено с последними членами ленинского Политбюро, он услышал в себе страшную фразу, произнесенную кем-то другим, незнакомым: «Бухарчики кровавые в глазах»...

И словно бы защищаясь от нее, этой зловещей, как бы усиленной динамиками фразы, он перекричал ее вопросом, обращенным не к себе, а к кому-то громадному, нависшему над ним давящей тенью: «Каждый из них мог принять бой и умереть молча, но ведь они на это не пошли! А я бы пошел!»

Но он снова вспомнил Троцкого, его указание держать на учете семьи офицеров и принимать их на ответственные посты в том случае, если имеется возможность в случае измены захватить семью.

Он никогда не забывал этих жестоких слов Троцкого, но применил их он, Сталин, в тридцать шестом, когда перед Каменевым поставили дилемму: или два его сына погибнут, или он, Каменев, сыграет ту роль в спектакле процесса против Троцкого, которая будет для него написана...

«А если бы мне предложили такое? — спрашивал себя Сталин много раз. — Я бы отрекся от себя, своего прошлого, своего честного имени — во имя детей?»

Он никогда не отвечал сразу — даже себе; любой ответ должен быть взвешенным и до конца точным.

Нет, сказал он себе, я бы не отрекся от себя и своего дела. Тарас Бульба пожертвовал сыном во имя общего дела, и он был прав; я бы смог повторить его подвиг, ибо человек до той поры человек, пока за ним не захлопнулась дверь камеры; выхода из нее — так или иначе — не будет, такова жестокая логика политической борьбы. Да и потом, почему я должен верить тому, кто заточил меня в темницу? Это — противоестественно. Почему я должен верить, что моих детей пощадят? Если меня не пощадят, чем они, дети мои, семья мое, лучше? Нет, я бы повел себя не так, как повели себя Зиновьев, Лева и Бухарчик...

Зиновьева не любил, с Каменевым подружился еще в начале века на Кавказе, когда тот руководил пропагандой, поэтому и сейчас машинально называл егоевой; именно так обращался к нему и в ссылке, и весной семнадцатого, в «Правде», когда вместе редакторствовали, стараясь сдерживать Ленина от его резкого поворота к социалистической революции, а уж Бухарчик — в самые трудные годы — был словно брат ему, как же ему иначе называть Николая, как?!

...Сталин стоял на трибуне безучастно, недвижно, потом вновь поднял руку, прося тишины, но это подлило бензина в огонь, — казалось, перепонки порвутся от грохота оваций.

Тогда, досадливо махнув ладонью, словно бы отгоняя надоедливую муху, Сталин сошел с трибуны и покинул зал заседаний...

...Назавтра, во время пленума, Сталин попросил слова сразу после того, как избрал членом Президиума, заменившего Политбюро. Сталин ввел молодежь, — не зря в завещании Ленин советовал делать ставку на новые кадры; он, Сталин, со-

ратник Ленина, во всем следует ему. Он, Сталин, выполнил, кстати, и другой его завет: никогда, начиная с двадцать четвертого года, он не разрешал называть себя генеральным секретарем ЦК.

...На трибуну он поднялся легко, обвисать не стал, овации пресек резко, словно бы наложив руку на рты кричавших в его честь здравницы.

— Если вы заставили меня вновь поработать в качестве секретаря ЦК, — атакующе, без давящих придыханий, сказал он, — то я должен сообщить вам, что в партии оформился и функционирует новый оппозиционный уклон. Правый уклон по своей сути. И рассказать об этом должны товарищи Молотов и Микоян... Вот чем нам надлежит заняться на заседаниях нового Президиума, именно этим, а ничем другим.

СЕРГЕЙ Николаевич Новиков, большевик с восемнадцатого года, пришел в ЧК в двадцатом, принял участие в борьбе с басмачеством, переехал в Москву, учился в институте, затем был отправлен в Казахстан, работал в Алма-Ате, в тридцать пятом году стал одним из руководителей местного НКВД.

Однажды ночью услышал, как к дому, где он жил, подъехали три машины; выглянул из-за шторы, увидел оперативную группу, выскочил во двор, перемахнул через забор и ушел в бега.

В Москве он объявился в тридцать девятом уже, после расстрела Ежова, когда из тюрем начали выпускать тех ветеранов, кого не успели уничтожить физически, но сломали морально: именно тогда Сталин и начал разыгрывать карту «большого обмана», — мол, прежнее руководство НКВД «обманывало» страну, арестовывая невинных людей.

Женившись с моей тетушке Александре Ноздриной, Сергей Николаевич сдружился с моим отцом; дружба перешла ко мне «по наследству»; выйдя на пенсию и поселившись в деревне, Новиков рассказал мне, отчего его должны были арестовать в тридцать шестом.

— Ни Филипп Медведь, начальник Ленинградской ЧК, ни его заместитель Запорожец, готовивший убийство Кирова, не были расстреляны, — Сергей Николаевич заметно нервничал, рассказывая мне сокровенное, что он носил в себе больше тридцати лет. — Их отправили на Восток, да и не в лагерь, а на стройки, и не заключенными, а руководителями... Поэтому от Медведя «пошли круги» — он не мог не поделиться с друзьями тем, как после убийства Кирова в Питер приехал Сталин, вызвал к себе Николаева и задал он ему всего три вопроса, один из них был решающим: «Вы где достали револьвер?» А Николаев ответил в ярости: «У Запорожца спросите, он всучил!» Сталин приказал немедленно Николаева ликвидировать, обмате-

рив при этом Молчанова, одного из помощников наркома НКВД Ягоды.

Пресса, не подготовленная к тому, как комментировать происшедшее, сразу же обвинила в убийстве Кирова белогвардейцев. И лишь после того, как все свидетели были расстреляны или погибли при загадочных обстоятельствах, был дан залп против оппозиции, а в январе тридцать пятого был проведен закрытый процесс против Каменева и Зиновьева: им дали по пять лет лагерей за то, что они якобы несли моральную ответственность за убийство Сергея Мироновича.

Так вот, поскольку с Медведем я неоднократно встречался, у меня шевельнулись первые сомнения, — что-то во всем этом деле не чисто... Но дрогнул я лишь после того, как наш казахский нарком вернулся из Москвы в Алма-Ату в январе тридцать шестого, собрал коллегия, stenографиста попросил покинуть кабинет и сообщил, что начальник управления Молчанов проинформировал собравшихся: в стране открыт грандиозный заговор, во главе которого стоят Троцкий, Каменев, Иван Смирнов, Зиновьев. Главная цель: убийство товарища Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Чубаря; наркомат переходит на военное положение, все иные дела (будь то шпионаж, экономические диверсии, злоупотребления по должности) откладываются, работаем троцкистско-зиновьевских террористов... А я, брат, возьми да и бухни: «А кто же этот заговор раскрыл? Почему мы, чекисты, не имели до сих пор никаких намеков на такую разветвленную сеть?» Мой нарком чуть съезжился, на вопрос не ответил, но, многозначительно поглядев на меня, заключил: «За работой следствия будет наблюдать лично товарищ Сталин, а руководить — секретарь ЦК Николай Иванович Ежов. Это все. Готовьте предложения. Срок — двадцать три часа. Точка».

Сергей Николаевич — бровастый, лупоглазый, большелобый — поднялся с табуретки, походил по маленькой кухне, застланной дотканками дорожками, остановился возле печки, прижался к ней, словно бы стараясь вдавить в нее свое тело, вобрать ее тепло, ощутить с п и н у (нет ничего важнее, чем чувствовать надежду у себя за спиной), и, закурив «гвоздик», продолжил:

— Ежова я встречал дважды — маленький, быстрый, глаза оловянные, улыбка быстрая, располагающая — и каждый раз дивился тому, отчего товарищ Сталин выдвинул именно его на это дело. Образованием он не блистал, говорил с плохо поставленными ударениями, порой путал падежи; я тогда подумал: мы ж горазды на самоуспокоение, точнее самообман, — мол, выражается так, чтобы быть понятным самым широким слоям народа. Эрудиция Каменева, честно говоря, порою ставила в тупик, не всем была понятна, — больно уж профессорский тон, сплошная искрометность, афоризмы, иностранные слова... Да, брат...

Был у Ежова друг, заместитель народного комиссара земледелия Конар, приезжал к нам единожды, за день перед этим пришла шифровка: «Обеспечить помощь по всем вопросам. Ежов». Ну, ясно, мы и прыгали вокруг Конара, да разве одни мы? А потом — бабах! — берут этого самого Конара, оказался шпионом, настоящая фамилия Полищук, польская разведка ему дала документы на имя красного командира Конара, убитого в перестрелке, внедрился, «рос» двенадцать лет, обосновался в Москве, вошел в «свет», а как свиделся с Ежовым — сразу сел в кабинет заместителя наркома земледелия... А это, брат, не шутка — вся стратегия борьбы с бухаринским уклоном в МТС проводилась в жизнь им, Конаром. Причем не мы, ЧК, его раскрыли. Молодой большевик, из МТС, случайно увидавши Конара, ахнул: «Да я ж с товарищем Конаром в одном полку служил! Никакой это не Конар!» Только после этого мы поставили наблюдение и получили прямые улики шпионской деятельности замнаркома... А ведь поначалу Ежов звонил Ягоде, кричал: «Не сейте семена подозрительности! Не клеветите на честных большевиков! Занимайтесь лучше своими проходимцами, которые бегут на Запад!»

Да, брат, такие вот были дела.. Словом, назавтра, в двадцать три по нулям, собрались мы у наркома. Мне дал слово первому: «Ну, что у тебя? Давай фамилии троцкистско-зиновьевских убийц. Кто даст серьезные показания? Какие улики?» Я ответил, что по данным тех отделов, что я курировал, никаких зацепок нет, оппозиционеры давно разоружились, честно трудятся, никаких претензий. А он: «Плохо работаете». — «Что ж, выбивать угодные показания, как в охранке?» Он аж крикнул: «Товарищ Ягода издал приказ, завтра огласите всем сотрудникам: «Любые меры принуждения, угрозы, обещания подследственным будут караться как преступление! Мы работали, работаем и будем работать с чистыми руками!»

А назавтра наркома забрали. Ясно? А послезавтра я ушел в бега, убедившись, что действительно начался термидор, заговор против самой памяти Феликса Эдмундовича.

В бегах я отлеживался в горах, жил в пастушеской сараюшке, газеты хоть с опозданием, но читал. И постепенно создалось у меня впечатление, что дружба Конара с Ежовым не случайна, Ежов — самый настоящий шпион, вражина, делает все, чтобы оставить товарища Сталина одного, лишить его всех тех, с кем он был в революции. И я написал подробное письмо Сталину. Почерк, конечно, изменил, не подписался, отправил из другого города, в полтысячи километров от тех мест, где скрывался; никакой реакции; еще наборот, больше портретов Ежова, да еще новый лозунг выдвинули: «Учиться жить и работать по-сталински у товарища Ежова»...

Когда Ежов исчез, после Восемнадцатого съезда уже, я прочитал в газетах

отчет о судебном процессе над Луньковым, бывшим начальником НКВД в Кузбассе, который арестовывал малолеток и выбивал у них показания, что они, мол, готовили теракт против товарища Сталина. Детей бросали в те камеры, где было полно-полно старых большевиков, а тюрьма — организм особый, через стены, перестуком, информация расходится не то что по городу — стране, не удержишь... Тогда-то я и понял, чем Ягода и Ежов вырывали показания у ленинцев: страхом за жизнь детей. Логика: если чужие малыши сидят, значит, и мои мучаются в соседней камере. Вот после того, как открытый суд приговорил Лунькова к расстрелу, я и решил вновь вернуться к гипотезе о его шпионской деятельности: надо ж народу вразумительно объяснить, что страшная трагедия, свидетелями которой мы были, — дело рук иностранной разведки... Поэтому я начал слежку — да, да, именно так, форменную слежку — за домами, где жили сотрудники НКВД, там мои друзья, верные друзья, с гражданской еще... Я хотел поговорить со «стариками», глядишь, подскажут, как надежнее передать письмо о Ежове лично товарищу Сталину... Один дом я наблюдал месяц, — каждое воскресенье садился в скверике с газетой и «срисовывал всех входящих и выходящих»... Ни одного из стариков не увидал, все новые лица, значит, мои их постреляли... Потом перешел ко второму дому — то же никого... Словом, брат, четыре месяца я работал. И только на пятом повезло: увидел Вадима, мы с ним в двадцатых учились вместе. Окликнул его негромко, он заметил меня, но не подошел, только чуть кивнул. Я обернулся, — слежки вроде за ним не было, остался на лавочке, сижу, читаю, жду. Он выскользнул вечером, проходя мимо, шепнул, чтоб, мол, я ехал в парк «Эрмитаж», там поговорим. Ну и поговорили... Выслушав меня, он выпил граненый стакан водки, закусывать не стал, словно минеральную проглотил, и, склонившись ко мне, шепнул: «Дурак ты, Сережка! Дурак, как все мы. Я узнал, что важнейшие ответы Бухарина на процессе писал Сталин. И сочинил ему такое признание, что, мол, я, Бухарин, подзревал Ленина в том, что тот немецкий шпион еще с семнадцатого года, когда проехал в «пломбированном» вагоне Германию, чтоб поскорее попасть в Россию. А после того, как Ленин потребовал Брестского мира, я, Бухарин, до конца убедился, что Ленин — немецкий шпион, и поэтому решил его убить... И тут Бухарин взорвался: «Ради Нюси и Юры я готов погибнуть, оклеветав себя, но такого я не подпишу! Стреляйте всех нас, убивайте нас троих, но я не дам Сталину обвинить мертвого Ленина в шпионаже! Не дам, и все тут!» Сережа, Сережа, о чем ты?! Бухарин спас Ленина, — согласился он сказать на процессе то, что написал ему Сталин, — вычеркнули б Ильича из учебников, помани мое слово! А кто нам телеграмму прислал: «Применяйте пытки»? Сталин, Сережа, Ста-

лин... Нам эту телеграмму зачитали, потому я тебя домой и не пригласил, я один остался из тех, кто ее слышал, значит, дни мои сочтены, так или иначе подберут. А ты — «письмо товарищу Сталину»... Забудь, Серега, Ежов был его подметкой, а никаким не шпионом...»

Сергей Николаевич прерывисто вздохнул, еще резче вмял свое кряжистое крестьянское тело в печку и глухо закончил:

— После Двадцатого съезда я на партсобрании выступил против того, чтоб о Сталине говорили как о человеке, который руководил войной по глобусу. Это было. Но я и за то выступил, чтоб открыть всю правду про убийство Кирова. Зачем я тебе говорю все это? Отвечу. Один старик, из могижан, сказал мне: «Ты ж Юльку знаешь, спроси, зачем он в «Семнадцати мгновениях» Сталина помянул? Разве можно славить саграпа?!» А я ему ответил: «Трагедия наша в том, что Сталин, который выбил ленинцев, стоял на трибуне Мавзолея седьмого ноября сорок первого, и для нас, в окопах, это было счастьем — для всех без исключения: и кто знал правду, и кто не знал ее... Хочешь, чтоб снова писали лишь одну грань правды? Но разве это история? Нет, брат, история — это когда пишут в се... И — как бы со стороны — без гнева и пристрастия. Иначе — не история это, а подхалимский репортаж; тоже придется вскорости переписывать...»

14

СРАЗУ же после расстрела Каменева и Зиновьева самый массивный удар был нанесен по дзержинцам, ибо все они были потрясены коварством Сталина, обещавшего сохранить жизнь обвиняемым взамен на «спектакль».

Никто из ветеранов ЧК не верил, что те являлись агентами Троцкого, убийцами и заговорщиками, но все они были убеждены в необходимости окончательного идейного разгрома троцкизма, — в этом и видели смысл операции «Процесс 1936».

К концу тридцать восьмого года практически весь аппарат Дзержинского, то есть все те, кто создавал ЧК, были расстреляны — без суда и следствия, как злейшие враги народа, шпионы и диверсанты.

Один из создателей советской контрразведки Артузов первую коронную операцию за кордоном назвал «Трест»; название утвердил Феликс Эдмундович.

Именно «Трест» позволил молодой Республике Советов сломать боевые отряды контрреволюционной эмиграции.

Не один лишь Борис Савинков (человек беспримерного мужества, уководивший изпод царской петли, адепт террора, вождь боевки социалистов-революционеров) был обезврежен ЧК; генералы Кутепов и Миллер, руководители «Русского Общественного Союза» также были нейтрализованы службой Артузова.

После смерти Дзержинского (Аргузов не верил в естественную смерть Феликса Эдмундовича; у всех на памяти была гибель Фрунзе, — кто владеет армией и ЧК, тот контролирует ситуацию) Аргузов замкнулся, ушел с головой в работу; против Республики Советов работали все секретные службы на Востоке и Западе.

Попытку вовлечь его в написание сценария первого процесса против Зиновьева и Каменева в 1935 году отверг с гневом: «Я против своих не воюю, врагов достаточно».

Будучи арестован с группой первых дзержинцев, вскрыл вены и написал на простыне, вывесив ее — умирающим уже — в окно камеры (тогда они еще были без «намордников»): «Каждый большевик, верный идеям ленинской революции, обязан — в случае первой же возможности — изблечить Иосифа Сталина, предателя, изменившего делу коммунизма, сатрапа, мечтающего о государстве единоличной тиранической диктатуры!»

15

В КОНЦЕ июня 1952 года два фельдъегеря из Кремля приехали к директору Первой Образцовой типографии имени Жданова; в сером, низком небе — третий день собиралась гроза, парило — угадывалось рождение рассвета. Был четвертый час утра.

Директор типографии и секретарь парткома, бледные от волнения, вручили подтанутому капитанам пакет.

— Развяжите, — коротко приказал один из фельдов, квадратный, чуть кривоногий, налитой.

Директор типографии развязал шелковую ленточку (доставали загодя, обращались в Минвнешторг, те прислали пять метров импортных лент трех цветов).

Фельд открыл свой кожаный, довольно потрепанный портфель черного цвета, уложил в него десять книжечек небольшого формата, в красном сафьяне, с золотым тиснением, молча козырнул и вышел; следом за ним, прикрывая спину товарища, мягко прошагал второй.

...В час дня, когда Сталин проснулся, эти книги в сафьяне после соответствующей проверки химиками — затаившиеся враги народа по сю пору мечтают отравить генералиссимуса, ни один предмет из внешнего мира не должен попадать в руки вождя без надлежащего контроля ученых МГБ — были вручены ему начальником охраны.

Сталин взял книгу в руки. Еще с семинарских времен он относился к Словоу как к первоначальному бытию, почтительно, с долей мистического страха: из ничего рождалось нечто, на века; только книга есть единственное выявление Памяти человечества, да и архитектура, пожалуй.

Прежде всего он посмотрел на последнюю страницу с выходными данными: тираж восемь миллионов триста семьдесят пять тысяч, каждый член ВКП(б) должен иметь его биографию; усмехнулся, заметив номер Главлита: А-04305; на том, чтобы и его книга была выпущена в свет цензурой, настоял сам, повторив на заседании Политбюро свои давние слова: «Что Сталин? Сталин человек маленький. Пусть охранители государственных тайн почитают его биографию, возможно, возникнут какие-то вопросы, поспорим, без сшибки мнений жизнь мертва, сие — диалектика...»

Хрущев и Булганин переглянулись; хотя Сталин и не смотрел в их сторону, однако сразу же поинтересовался:

— Как я понимаю, Хрущев — против?

Никита Сергеевич заставил себя рассмеяться, смех был тихий, горло сдавил спазм; отрицательно покачал головой, начал писать что-то на листе желтой «слоновой» бумаги...

...Продолжая рассматривать выходные данные, Сталин обратил внимание и на то, что никто не решился поправить его: он, утверждая макет, зачеркнул слово «печатных листа» и поставил «бумажных» — так было принято на Кавказе, когда он переправлял брошюры Авелю Енукидзе для опубликования в бакинской подпольной типографии работ Плеханова, Ленина, Жордания, Троцкого, Мартова; привычка — вторая натура, ничего не поделаешь...

Никто не посмел возразить, когда он вымарал фамилии технических редакторов и корректоров, — Сталин человек грамотный, корректоры ему не нужны, как, впрочем, и редакторы. Сталин привык сам себя редактировать.

Фамилии художника и художественного редактора вычеркнул тоже он, Сталин, заметив составителям биографии — Александрову, Митину и Галлактионову: «Это не «Жизнь животных», а биография политического деятеля, при чем здесь художники и художественные редакторы?»

И лишь после того, как он заново просмотрел фотографии, помещенные в книге, оглавление, сноски, — только после этого пробежал — в который уже раз — текст. Каждое слово было знакомо: многое переписывал, порою целые страницы, компоновал фразы, делал купюры. В первом варианте текст его обращения к народу третьего июля сорок первого года был приведен полностью. После долгих размышлений Сталин убрал обращение «братья и сестры» и свою заключительную фразу: «Вперед, на врага, под знаменем партии Ленина—Сталина!»

...Перед обедом приехали врачи, — фамилии их до сих пор толком не запомнил, за тридцать лет привык к своим Вовси, Виноградову и братьям Коганам; сейчас все в одиночках, дают показания Рюмину, читать страшно, звери, оборотни, душегубы в белых халатах.

Новые врачи провели текущий консилиум — все в порядке, никаких откло-

нений от нормы. Правда, один из профессоров заметил, что надо бы внимательно посмотреть щитовидку.

Услышав это, Сталин сразу же явственно увидел лицо Крупской: щитовидная железа, при нарушении ее функций, ведет к базедовой болезни. Все что угодно, только не это...

Сегодня на обед к себе никого не пригласил. Последнее время подогревал, а порою и готовил еду сам, на электрической плитке, в своих комнатах.

Обычно, когда приносили обед, наливал суп гостям — Маленкову, Булганину, Хрущеву, Берии, — внимательно смотрел, как они ели, только потом наливал себе — раз живы, значит, яда нет. Господь подарил еще один день, спасибо ему...

Позвал коменданта дачи Ефимова — бедняга был кандидатом в члены партии лет восемь, не мог поехать на Дзержинку на партсобрание, жил здесь безвыездно, — налил ему бульона и, пока тот сёрбал, отошел к книжному шкафу, достал книжку Крупской, выпущенную в самом начале тридцатых.

Пролистав несколько страниц, нахмурился. Ефимову сказал уйти, к бульону не прикоснулся, взял карандаш, начал делать пометки на полях, то и дело заглядывая в свою «Биографию»...

Потом достал из кармана медный ключик, отпер заветный шкаф, вытащил оттуда рукопись Троцкого под коротким названием «Сталин», привычно открыл страницу — вещь знал почти наизусть — и прочитал строку за строку: «В юбилейной статье 1918 года (посвящена первой годовщине революции. — Ю. С.) он (Сталин) писал: «Вся работа по практическому руководству восстанием проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Советов партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».

Сталин перечитал еще несколько пассажей: «Свердлов огласил письмо Ленина, клеймившее Зиновьева и Каменева и требовавшее их исключения из партии... Чтобы развязать себе руки для агитации против восстания, Каменев подал заявление о выходе из ЦК... Кризис осложнился тем, что в «Правде» появилось заявление редакции в защиту Каменева и Зиновьева (Сталин был одним из редакторов «Правды». — Ю. С.)... Пятью голосами — против Сталина и двух других — принимается отставка Каменева. Шестью голосами против Сталина выносится решение, воспрещающее Каменеву и Зиновьеву вести борьбу против ЦК. Протокол гласит: «Сталин заявляет, что выходит из редакции»... ЦК отставку Сталина отклоняет... На заседании ЦК 21 октября он восстанавливает слишком нарушенное накануне равновесие, внося предложение поручить Ленину подготовку тезисов к предстоящему съезду Советов и возложить на Троцкого

политический доклад... 24 октября утром в Смольном, превращенном в крепость, происходит заседание ЦК... В самом начале принято предложение Каменева, успешного вновь вернуться в ЦК: «Сегодня без особого постановления ни один член ЦК не может уйти из Смольного». В повестке дня стоит доклад Военно-Революционного Комитета... Самое поразительное в том и состоит, что Сталина на этом решающем заседании нет. Члены ЦК обязались не отлучаться из Смольного. Но Сталин вовсе и не появлялся в его стенах. Об этом непрерываемо свидетельствуют протоколы, опубликованные в 1929 году. Сталин никак не объяснил своего отсутствия — ни устно, ни письменно... Дело идет не о личной трусости — обвинять в ней Сталина нет основания, — а о политической двойственности...»

Сталин держал эту рукопись спрятанной в запортом шкафу оттого, что мучительно боялся, как бы это не прочитали дети: нравственная катастрофа, крушение всех иллюзий. Что касается других, его это не волновало уже: история переписана, отредактирована, все протоколы съездов и конференций подогнаны под новую модель общественного мышления; какая может быть вера фашистскому наймиту Троцкому, засланному врагами в состав ЦК! Люди теперь будут думать так, как им предписано, не в них дело. Единственно, кого следует постоянно контролировать, — так это историков; кто из них имеет доступ к первоисточникам? Впрочем, в этой стране сейчас не найдется ни одного человека, который бы рискнул назвать черное — черным: масса верующих в него, Сталина, нового пророка Революции, вотрет сапогами в асфальт того, кто посмеет против него выступить; русские — раз поверив — не отступают, вот уж воистину — мужик что бык...

Единственно, что до сих пор ранило и страшило его, так это письмецо Ленина, отправленное Карпинскому: «Большая просьба: узнайте фамилию Кобы (Иосиф Дж...? мы забыли)».

У Карпинского есть семья, помимо книг память хранят дети... Впрочем, решился ли он — после уроков тридцать седьмого — рассказывать своим об этом документе? Вряд ли. Ну а если и решился? Теперь никому нет веры, кроме него, Сталина.

Заварив себе крепкого чая — Чарквани присылал лучшие абхазские сорта, — Сталин взял с этажерки зачитанный им пятый том «Собрания» своих сочинений, сразу же открыл нужную страницу, на которой он, в далеком двадцать третьем году, приводил цитату: «Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Каутский, Берштейн, Лафарг, Гед и другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди — одни отчасти, другие целиком, — переродились в сторону

оппортунизма... Мы должны сказать — именно мы, «старички», — что наше поколение, естественно, играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми... Молодежь — вернейший барометр партии — резко все время реагирует на партийный бюрократизм...»

«Да, Троцкий, конечно, владел пером, — подумал Сталин. — Я сделал ошибку, позволив включить это его письмо к партии в нынешнее издание...»

Он посмотрел на последнюю страницу: редактора, понятно, не было; кто посмеет его редактировать? Впрочем, Молотов не возражал против включения в «Собрание сочинений» этой цитаты. Да и Ворошилов — тоже. Почему? Разве они не понимали, что мои возражения Троцкому необидительны? Увы, необидительны...

Сталин прочитал свои строки, медленно шевеля старческими, с голубыми прожилками, губами: «Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков...»

«Но ведь он не причислял, — в который уже раз возразил себе Сталин. — Он просто написал «старая гвардия»...»

Он снова медленно и а ч а л читать, вслушиваясь в слова, сказанные им двадцать девять лет назад: «...непонятно, как можно ставить на одну доску таких оппортунистов и меньшевиков, как Бернштейн, Каутский, Гед, и старую гвардию большевиков...»

«Но ведь и это не ответ, — признался он себе. — Во-первых, никто из этих людей не был меньшевиком, это ведь наше, русское — «меньшевик». А, во-вторых, они действительно начинали как истинные марксисты, смеши с этим спорить. Отрицать их вклад — на первом этапе — в развитие марксизма ненаучно, любой подготовишка от политики опровергнет...»

Сталин усмехнулся: «Если тогда не попробовали, сейчас и подавно не осмелится... Но в следующих изданиях моих сочинений Троцкого надо будет убрать, перевести в прямую речь, что ли... «Экономические проблемы» и «Языкознание» красят новое издание — теория всегда украшает книгу... В следующем году, после съезда, надо будет подготовить «Марксизм и наука», «Марксизм и культура», «Марксизм и проблемы Востока» и, наконец, «Марксизм и религия» — это, пожалуй, главное.

Он отхлебнул холодный уже чай и, ощутив ноющее жжение под лопаткой, подумал: «А что же будет, когда я уйду?»

...Недавно военные подбросили материал против сына, Василия, любимца. Он

долго думал, как с ним говорить, все же человек под поножами, генерал-полковник, самый молодой в армии, надо щадить самолюбие. Поэтому решил чуть приоткрыть себя: сын должен понять, на то он и сын, не волчонок же. (Так называл Якова, испытывая к нему непонятную самому себе неприязнь.)

Поэтому, усадив Василия напротив, долго молчал, упершись своими желтыми, немигающими глазами в такие же рысьи глаза сына; потом, глухо откашлявшись, сказал — тихо, с болью:

— Ты думаешь, ты — Сталин? — Он отрицательно покачал головой. — Нет. Ты не Сталин. Думаешь, я — Сталин? — спросил еще глуше и, глубоко, судорожно вздохнув, ответил: — Нет, я тоже не Сталин. Он, Сталин, там, — генералиссимус поглядел на потолок, потом перевел взгляд на окно, кивнул на бездонную синь неба. — Исходя из этого состоявшегося факта, тебе и надлежит контролировать все свои поступки. Слишком много глаз. Русские люди желают видеть сына их Бога человеком идеальным. Понятно? Такой у нас, русских, характер. Изменить его не дано никому. Нация, — Сталин, наконец, улыбнулся, — идеалистических материалистов.

...Перед тем, как выехать в Кремль, еще раз полистал Крупскую. Эту, первую, редакцию ее воспоминаний изъяли еще в тридцать четвертом, большую часть уничтожили, что-то оставили в спецхранениях, но ведь сколько осталось в личных библиотеках?! Поэтому приказал во время арестов все библиотеки конфисковывать; политическую литературу, изданную до тридцатого года, немедленно сжигать, если обнаружат книги Бухарина, Каменева или Троцкого — расстреливать по решению «тройки». ЧП случилось с Блюхером. После его ареста не осталось времени перепечатать школьные учебники по истории, — там был помещен его портрет: «Легендарный маршал». Кто-то из коллег предложил расослать инструктаж всем району: поручить учителям вместе со школьниками во время первого же урока закрасить лицо шпиона черной тушью, объяснив при этом детям, как ловко маскировался японский шпион, готовившийся открыть границы Дальнего Востока самураям...

Сталину потом сообщили, что дети не удовлетвоались одной лишь тушью. Перед тем как замазать фотографию, они выкалывали глаза «изменнику и диверсанту»...

Сталин листал воспоминания Крупской, и тяжелая ярость вновь рождалась в нем: каждая ее строка дышала неприязнью к нему, Сталину. А что он мог сделать с ней в тридцатом? Ничего он не мог тогда сделать, висел на волоске. Найдись кто решительный среди старой гвардии — не жить бы ему сейчас на Ближней Даче...

Он вдруг споткнулся: «жить»? А разве я живу, спросил он себя. Разве это жизнь, когда приходится каждую ночь запирает дверь в свои покои, выключать свет и в темноте, чтобы не заметили их-

ранники, дежурившие в саду, менять комнаты: в каждой стоял низкий диван, он сам переносил подушки и белье, стараясь ступать бесшумно, каждую ночь спал в разных комнатах, — кому можно верить на этом свете? Кому!?

Ночью, вернувшись в Кунцево, спросил коменданта Ефимова:

— У нас есть печь в доме?

— Конечно!

— Я имею в виду не электрическую печь, — пояснил Сталин. — Есть ли у нас печь, типа деревенской?

...Он бросил в пламя рукопись Троцкого, а потом кинул в алчно завывавшую топку томик Крупской.

...Все мы смертны, сказал он себе, всем своим существом сопротивляясь этим успокоительно-страшным словам. Но с ужаснувшей его кинематографической четкостью он увидел, как после его смерти сюда войдет Василий, откроет шкаф и достанет потаенные рукописи, книжку Крупской, ее первое, не отредактированное им издание; он представил себе тот удар, который ощутит мальчик, прочитав первое издание протоколов ЦК накануне Октября, странички показаний Бухарина, написанные его, Сталина, рукой, стихи, посвященные ему Николаем, что были написаны накануне ареста, и он ощутил страх — неведомый ему ранее — отца, который оставляет на земле двух сирот... Почти все Аллилуевы в тюрьме — вздумали написать в мемуарах, что он у них в ночь Октябрьского переворота пил чай; правдолюбцы; воистину, услужливый дурак опаснее врага, лили воду на мельницу Троцкого! К кому ж пойти детям, если найдется один, который рискнет повторить то, что сделал я, когда умер Ленин?! Кто тогда пригрет их, мою кровь и мою память!

Он смотрел на то, как огонь пожирал бумагу, ломал ее, корчил, превращая в литой, черный монолит, который делается пеплом, стоит лишь подуть на него, и почувствовал вдруг, как глаза его наполнились слезами, — такого с ним не случилось давно, он уж и не помнил, когда плакал после июня сорок первого.

Вернувшись к себе, тщательно залепил дверь, выключил свет и, сняв мягкие ичиги, пошел в ту комнату, где решил сегодня спать. Раздевался долго, по-стариковски, стыдясь своего кряхтения, саднящей боли в затылке, тяжелого гуда в ушах, ломоты в пояснице.

Лег на мягкий, очень низкий диван, закрыл глаза, начал считать, чтобы поскорее уснуть, но сон не шел к нему. С трудом поднявшись, он перешел в другую комнату, включил свет и поднял с пола свою «Биографию». Комендант Ефимов раскладывал в каждой комнате по одному экземпляру той книги, которую читал Хозяин.

Набросив на себя шинель, Сталин присел на краешек стула и начал читать. Постепенно успокоился, пришло тихое умиротворение.

«Несчастливые люди алчут простоты и ясности, они устали от сложности и многообразия. Они не забудут меня хотя бы

за то, что я поднял их до себя, позволив каждому считать себя мудрым и убежденным в завтрашнем дне. Разве такое благо забывают?! Мы, русские, благодарный народ, — успокаивал себя, — нет народа благодарней».

Вдруг услышал песню, которую пела мама, когда оставалась одна в их маленьком доме. Она не знала русского, так до смерти и не выучила, обижалась, бедненькая, когда ей говорили, что любимый сын был исключен из семинарии; говорила всем: «Я сама его оттуда взяла, он заболел легкими, кто мог исключить такого умного мальчишка!» Конечно, это не преминули напечатать в Грузии; слава богу, до России не дошло; того, кто переводил с грузинского, расстреляли, газетчиков ликвидировали, бедная моя мама, прости меня за то, что я был таким плохим сыном...

Сталин понял, что ему не уснуть сегодня. Он пошел в ванную, достал тот порошок для сна, что ему выписывали братья Коганы, начиная с двадцати седьмого года; выпил, прополоскав рот глотком «Боржоми», и отправился в самую дальнюю комнату: сон теперь придет быстро, он будет легким, без разрывающих душу сновидений...

Но сон, тем не менее, не пришел к нему сразу же, как бывало раньше. Он отчего-то явственно увидел лицо матери Меркадера, того испанца, который проломил длинный, яйцеобразный череп Троцкого швейцарским ледорубом.

Берия привез к нему эту женщину, и Сталин вручил ей Золотую Звезду Героя, которой был удостоен ее сын за этот беспримерный подвиг.

Сталин считал, что дни Меркадера сочтены — в общем-то это по правилам, знал, на что шел; его тронули слова испанки; кстати, несмотря на годы и горе, смотрится хорошо, очень женственна:

— Камарада Сталин, если потребуется и моя жизнь, — заключила она, — я отдаю ее за вас со слезами счастья.

— Спасибо, — ответил тогда Сталин, — но ваша жизнь, жизнь матери, давшей жизнь Герою, нужна ему. Скоро вы встретитесь, обещаю.

«Где она, интересно? — подумал Сталин. — А сына ее не расстреляли только потому, что смогли перевербовать... Неважно, что на суде он молчал... Мы умеем заставлять говорить в суде, они — в камере, с глазу на глаз с тем, кому сулят жизнь...»

Он вдруг услышал хруст пробиваемого черепа, почувствовал сладкий запах крови, залившей лицо Троцкого, представив себе, как тот дрался с Меркадером, вырывая у него из рук ледоруб, чтобы не дать нанести второй удар, и ужас объял его, и он перешел в самую первую комнату, возле входной двери, опустился на диван и затаился, прислушиваясь к тихим шагам охраны. Он решил не спать всю ночь, потому что ощутил зловещее предчувствие чего-то неотвратимо-страшного, решил было снова подняться, но не смог — провалился в тихое забытие, которого так боялся...

АЛЕКСЕЙ Ильич Великоречин был партгоргом того эскадрона, где комсоргом был мой отец; вместе служили на границе с Турцией в двадцать девятом, с тех пор побратались; в начале тридцатых Великоречина избрали секретарем одного из райкомов партии в Горьком, отец стал работать в Москве, в Наркомтяжпроме, у Серго Орджоникидзе.

Великоречина посадили в тридцать седьмом; несмотря на применение «недопустимых методов ведения следствия», он ни в чем не признался, в тридцать девятом состоялся открытый суд, его реабилитировали «подчистую», — Берия провел по стране около двадцати «показательных» процессов такого рода, набравший образ сталинского «борца за справедливость».

Войну Великоречин провел в окопах, был отмечен солдатскими наградами, получил звание батальонного комиссара; потом закончил аспирантуру, защитился и стал преподавателем марксизма в Горьковском педагогическом институте; единственным человеком, кто осмелился написать письмо моему отцу, когда тот сидел во Владимирском политическом изоляторе, был именно он, Алексей Ильич; люди моего поколения понимают, каким мужеством надо было обладать, чтобы пойти на это.

Вот он-то и рассказал мне, почему единственный раз в жизни напился допьяна — ни до, ни после с ним такого не случилось.

— Я ведь мужик крестьянский, значит, памятливым... Поэтому меня, знаешь, прямо-таки ошеломило постановление Сталина о закрытии обществ — старых большевиков и политических каторжков и ссыльнопоселенцев. Произошло это летом тридцать пятого, вскоре после того, как Каменев и Зиновьев были выведены на первый процесс в связи с убийством Сергея Мироновича... В день закрытия обществ я поднял в нашей испартовской библиотеке подшивки номеров журнала «Каторга и ссылка». Просидел над ними всю ночь напролет — это, кстати, мне потом ставили в вину на следствии: мол, интерес к «троцкистской клеветнической литературе»... И чем больше я читал, тем зябче становилось: и про Дзержинского там были статьи, и про Фрунзе, Каменева, Свердлова, про Ивана Никитича Смирнова, Антонова-Овсеенко, Дробниса, Радека, Енукидзе, Крыленко, Рыкова, Стурова, Троцкого, Муралова, Пятакова, Шляпникова, Варейкиса, Кедровели, Бадаева, Орджоникидзе, Шаумяна, Бокаева, Мрачковского, Тер-Петросяна — Камо, Литвинова, а про Сталина — одно-два упоминания, всего-то... Писать про него стали после тридцать первого года, когда Зиновьев, восстановленный в партии, короновал Иосифа Виссарионовича «железным фельдмаршалом революции»... А уж как только общество старых большевиков закрыли и журнал политкаторжан прихлопнули, порекомендовав пере-

вести его на «спехранение», — вот тогда и пошли взахлебные статьи про то, что лишь Ленин и Сталин делали революцию.

Понял я той ужасной ночью, зачем Сталину понадобилось уничтожить академика Покровского! Друг Ильича, партийный историк — вся наша плеяда по его книгам училась! В тридцать первом Сталин писал, что царскую Россию дупили все кому не лень — за ее отсталость; теперь, когда он стал «вождем», надо было переориентировать народ: «Не нас били, а мы бьем и будем бить!» Покровский-то ограничивал рассмотрение советской истории лишь двадцать третьим годом — последним годом работы Ильича; Сталин потребовал продлить историю, включить в учебники Семнадцатый съезд — съезд «победителей», когда он сделался «Великим Стратегом»... А знаешь, кому он поручил эту работу в тридцать шестом? Не столько Жданову, сколько Бухарину, Радеку, Сванидзе, Файзулле Ходжаеву, Яковлеву, Лукину и Бубнову, зная уже, что дни этих людей сочтены, все они будут расстреляны! Можешь объяснить его логику?! Я — не могу! Почему именно смертникам он поручил сделать книгу о себе — «Великом вожде революции»? Полагал, что те до конца растопчут себя, принесет ему еще одну клятву в верности? Опозорятся, создав фальшивку? Или ему были нужны имена тех революционеров, которых знал мир, — как таким не поверить?! Но почему же тогда он не дождался выхода этой книги и расстрелял их?!

Алексей Ильич отхлебнул горячего, крепкого чая — волгарь, он был «водохлебом» — и, сокрушенно покачав головой, продолжал:

— Напился я в ту ночь гнусно, до сих пор самого себя стыдно... Теперь-то я понимаю, отчего это случилось: когда я кончил читать старых большевиков, то по всем нормам чести я был обязан на первом же партийном собрании подняться и объявить во всеуслышание то, что я для себя открыл: не был Сталин «великим революционером» в начале века, никто тогда его не знал: не был он — наравне с Лениным — «вождем Октября»! Что ж нас сейчас дурачат?! Неужели мы беспамятное стадо, а не союз мыслящих?! Но, возражал я себе, отчего же все те, кто работал с Лениным до революции: Каменев, Орджоникидзе, Рыков с Зиновьевым, Бухарин — все они, начиная с тридцатого года, звали партию следовать именно за Сталиным?! Как же им-то не верить?! Ведь Каменев с Зиновьевым начали славить Сталина не в тюрьме, а когда еще жили на свободе! А Радек?! Они, именно они начали создавать его культ, перья-то у них были золотые, воистину! Ну и придумал я тогда себе оправдание: мол, историки двадцатых годов были не объективны к Сталину, пользовались его скромностью, замалчивали его роль в революции...

Алексей Ильич набылчился, голова у него была античной лепки, крепкая, кру-

толовая; замер, словно роденовский мыслитель, а потом закончил:

— Когда меня привели на пересуд — уже после расстрела Ежова, — один из профессоров, шедший со мной по делу, сказал: «Я закончу свои показания здравницей в честь товарища Сталина — ведь именно он спас ленинцев от уничтожения бандой Ягоды и Ежова». А новый сосед, которого привезли из Москвы — он раньше в Наркомпросе работал, у Крупской, — процедил сквозь зубы: «Дорогие мои товарищи, если даже нынешний суд нас оправдает, то все равно через пару лет шлепнут, ибо по стране все равно поползет правда о том, что мы, ленинцы, перенесли, а ее, эту правду, без нового тридцать седьмого не уничтожить...»

...Когда отец вышел из тюрьмы, я спросил его, получил ли он письмо Алексея Ильича. Старик ответил, что ни от кого, кроме меня, писем ему не передавали.

А ведь великоречинское письмо я самолично опустил в почтовый ящик...

Алексей Ильич Великоречин умер в горькие годы «застоя»: сердце не могло смириться с ощущением тинной, засасывающей болотности; заплыл далеко в Черное море и не вернулся...

МОЙ многолетний партнер по биллиарду, писатель Николай Асанов, был человеком труднейшей судьбы; впервые его арестовали в начале тридцатых, потом выпустили, вскоре забрали снова; каждый день он писал письма наркомку внутренних дел Ягоде и прокурору Вышинскому, ответов, понятно, не получал. Отчаявшись, обратился к Сталину. Через две недели, в день Первого мая, в три часа утра, его подняли с нар и повели по бесконечным коридорам внутренней тюрьмы, пока он не оказался в большом кабинете.

Напротив него сидела женщина в глубоко декольтированном платье, ангельской красоты и кротости.

— Я не поверил своим глазам, — рассказывал Асанов, выпеливая шар. — Это была Марьяна, видный работник энка-ве-дэ, жена одного из руководителей нашего писательского Союза. Я потянулся к ней, ощутив слезы счастья на щеках; она, однако, чуть отодвинулась, но сделала это так, что я сразу не ощутил пропасть между нами... Тем не менее ласковым, доброжелательным голосом она спросила, как я себя чувствую, нет ли каких жалоб, а затем предложила объяснить — более подробно, чем в письме товарищу Сталину, — почему я считаю несправедливым происшедшее со мной.

Сбиваясь, путаясь, испытывая желание приблизиться к ней, ощутить ее тепло — ведь мы же были на «ты» раньше, — я принялся излагать свое дело, а это ужасно, когда тебе приходится оправдываться в том, в чем ты никак не повинен. Начерное, я был смешон, жалок и неубедителен.

А за окном была рассветающая Москва, и гулькающие голуби ходили по отливам окон громадного кабинета Марьяны. Я ощущал запах ее духов и горечь длинных папирос, которые она курила, сосредоточенно слушая мое бормотанье. Марьяна вдруг резко поднялась, и прелесть ее точной фигуры снова ошеломила меня, сделала арестантом, подошла ко мне, протянула папиросу и тихо, с горечью сказала:

— Послушай, Асанов, хватит. Садись-ка лучше за стол и пиши правдивые показания, это, убеждена, спасет тебе жизнь...

Последние ее слова я слышал уже в состоянии полуобморочном, потому что начал сползть со стула на ковер.

Асанов красиво положил шар, посмотрел на меня своими постоянно смеющимися глазами, в глубине которых прочитывалась неизбывная горечь и, налив свой фирменный кий, купленный за четвертак у нашего маркера Николая Березина, поинтересовался:

— Не правда ли, прелюбопытнейший сюжетец, а?

Асанова вскоре выпустили. А Марьяну расстреляли — пришел Ежов, начал «подчищать» последние кадры Ягоды...

ОН БЫЛ искрометным человеком; друзья звали его «Шура»; бритвенно остроумный, он фонтанировал шутками, каламбурами, уничтожающими метафорами; бледное веснушчатое лицо с маленькими глазами-льдышками контрастировало с атакующей манерой речи; впрочем, публично он не любил выступать: сильно заикался, но в диалоге был, словно танк, — ломал и крушил собеседника. Как и обо всех, в московских литературных кругах о нем говорили разное: враги — со «слоньей» яростью, товарищи — с добройнисходительностью. Одни утверждали, что его брат погиб в тридцать седьмом, другие считали, что, наоборот, ушел на Запад одновременно с Федором Раскольниковым и там выпустил книгу против Сталина и Ягоды; он, Шура, никогда не отвечал на вопросы о родных, булькающе смеялся и, ёрнически подмигивая, демонстративно переводил разговор на другое: «С-с-старичок, а п-п-правда, что в д-д-домжур* привезли р-раков?»

Постоянно, в самые трудные годы, его поддерживал Константин Симонов; однажды Симонов сказал мне: «Шура — это энциклопедия, только страницы не разрезаны; книга, которую никто не смог толком прочесть»...

...В конце семидесятых он — неожиданно для меня — напечатал большую статью, поддерживая моего литературного героя Штирлица. Встретились мы спустя полгода в писательском клубе. Окруженный людьми, которые говорили громко и, казалось, заинтересованно, но

* Дом журналистов.

на самом деле не слушая друг друга, Шура помахал мне рукой: «С-с-старикаша, теперь я ста-а-ал твоим толкова-а-телем, отныне б-б-берегись меня, айда поужинаем у к-к-композиторов, т-т-там тихо, как в морге крематория, г-г-где отпевают провинившихся»...

(Я отчего-то сразу вспомнил маленькую комнатку морга в Кунцево, где стоял гроб с телом Хрущева; народу было мало, зато с о п р о в о ж д а ю щ и х понаехало множество; военные автобусы, спецмашины, шпалеры охраны; я принес красных гвоздик, положил в ноги Никиты, пожал руку детям — Юле и Сереже — и вернулся на шоссе, к машине: в тот же день улетал в Чили.)

...Когда мы вышли с Шурой из писательского клуба, было слякотно, снег превращался в дождь, не пав еще на землю, хотя даже на уровне глаз хлопья были звездно-крупные, шелестящие.

— Старичок, объясни мне, — перестав заикаться, как только мы остались вдвоем, спросил Шура, — как ты трактуешь слово «самопожирание»?

Я прочитал ему строку: «Ах, какая благодать кости ближнего глотать...»

Словно и не услышав меня, Шура как бы продолжал говорить с самим собою: — Я только что закончил «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Исаевича... Вывод однозначен: «Вей жидов, спасай Россию», потому что «империю ужаса», — по его версии, — создали именно евреи. А Ежов, Меркулов, Абакумов, Рюмин? Я не знаю, доживу ли до того времени, когда будет целесообразно написать правду... Ты — доживешь... Вот я и хочу тебе кое-что порассказать, туфли у тебя, гляжу, на каучуке, не промокнут... Кстати, носишь «Саламандру»?

Я отчего-то вспомнил застывшее лицо Твардовского в тот момент, когда спросил его, отчего он отказался печатать в «Новом мире» горькую книгу одной несчастной женщины, просидевшей в лагерях добрые двенадцать лет. Твардовский ответил не сразу, полез за искрошенными «Ароматными» — других сигарет не признавал, — тяжело затаившись и, по-детски удивленно глядя на крыны наших пахринских осин, вздохнул: «Видите ли, когда она была женою городского головы, и на Казанском вокзале ее «линкольн» встречал, и в гостинице «Москва» был номер «люкс» забронирован, — все было нормально, претензий у нее к Сталину не было, хотя в тюрьмах уже страдали сотни тысяч, да и ужасы коллективизации были на памяти, «головокружение», так сказать. А как самой трагедия коснулась, так и переменялось в корне ее воззрение... А литература — во всяком случае русская — прежде всего живет страданиями, «окрест меня открывающимися»...

Голос человека, звучащий в тебе, его лицо, рожденное памятью, не позволяет порою дать ответ на самый, казалось бы, простой вопрос, поставленный собеседником; происходит таинственная реакция несовместимости звуков; Шура был человеком тонким, чувственным, при том,

что умел, когда требовали обстоятельства, — идти, словно бронетранспортер, х р у с т е л о: давил гусеницами.

— Ты знаешь, что сделал Сталин после смерти Дзержинского? — продолжил он, подняв воротник тонкого пальто ангорской шерсти. — Скажем пока что так — после смерти и Феликса Эдмундовича? Он сразу же убрал Беленького — бывшего помощника Дзержинского — с поста начальника охраны Кремля, а на его место назначил Паукера, венгра, который брил его опасной бритвой, — другому не доверял, а «желет», который ему еженедельно привозили из Берлина, царяпал оспинки... С тех пор — а Бухарин, Рыков еще жили в Кремле, только Троцкий съехал на улицу Грановского, когда перестал быть председателем Революционного комитета, — вся информация о них и об их семьях стала поступать напрямую к Сталину. На стол. Ежедневно. Балабос* знал все, абсолютно все, что о нем говорили те, кто не считал его гением... Он терпел восемь лет, можешь себе представить?! Целых восемь лет ждал своего часа, — до тридцати четвертого... Вот воля, а? Вот выдержка! Он на ч а л массовый террор, когда узнал, сколько делегатов семнадцатого съезда проголосовало против него... А ведь ни один из них не выступил против, с трибуны все словословили... Тогда он и решил окончательно рвать с прошлым... Киров был убит Николаевым, русским, заметь; операцию вел Запорожец, русский. Прикрыл в а л — Генрих Ягода, еврей. Ему Сталин и поручил готовить процесс против Каменева и Зиновьева — евреев же. С одной стороны, Ягода боялся Сталина, с другой — мечтал стать в т о р ы м... Поэтому он пошел на то, чтобы сделать страшный спектакль... Но, видимо, еще больше он страшился чего-то такого, что никому из живущих ныне неизвестно, потому что накануне процесса над Каменевым издал подстраховочный приказ, запрещавший какие-либо формы физического или морального воздействия на подсудимых... Но тогда появился секретарь ЦК Ежов и взял на себя функции наблюдения за подготовкой процессов... А поручены они были сначала Молчанову и Миронову, а уж потом — Слуцкому, Агранову, Берману с Фриновским... И допрашивал еврея Каменева, глумясь над ним, человек по фамилии Черток, ему тридцати еще не было, носил кличку «зверь»... Словом, евреев Каменева и Зиновьева сделали статистами в жутком спектакле в основном евреев... Они же сделали шпионами участников второго спектакля: и снова это был страшный фарс, нашпигованный еврейскими фигурантами — с обеих сторон скамьи подсудимых... Но Сталин уже знал от Паукера; то, что он дал честное слово Каменеву и Зиновьеву сохранить им жизнь и не сдержал его, известно тем следователям, которые писали признания обидных «инструкций гестапо» советским наркомам — «как сыпать в масло

* Балабос — хозяин (евр. жаргон).

стекло... И Сталин приказал посадить Ягоду, расстрелять тех, кто готовил первый и второй процесс; в камере Ягода учил свою роль, топил Бухарина и Рыкова... Процессом дирижировал Николай Иванович Ежов, русский. После окончания третьего процесса, бухаринского, Ягоду тоже расстреляли. Потом — Ежова. Пришел Берия. Но память о них, костоломах-извергах, отныне будет вечной, о них, а не о том, кто расставлял эти пешки на шахматном поле дворцового ужаса...

Берия подчистил грехи... Поставил сенсационные процессы против тех, кто еще совсем недавно истязал детей так называемых «врагов народа», добиваясь от них чудовищных признаний в том, что их отцы и матери были шпионами... Так был проведен четвертый спектакль: «Сталина обманывали!» В тех ужасах, что произошли в тридцать седьмом, были повинны, оказывается, скрывавшиеся враги... Ты понимаешь, что мы пережили, с-с-старик?! А в сороковых Сталин чуть оттер Берия, арестовал менгрелов в Грузии и привел в кресло Ягоды—Ежова—Берии молодого Виктора Абакумова... А когда Берия и Маленков начали работать против Вознесенского и Кузнецова, против «русской оппозиции», с одной стороны, и по «евреям-космополитам», «врачам-отравителям», с другой, Абакумова тоже посадили, и пришел никому не известный Игнатьев. И стал спешно раскручивать дело еврейских врачей-убийц... Не успел... Кормчий умер, и поэтому меня не выселили из Москвы, — по моей же «просьбе»... А знаешь, как пытали Вознесенского? Не знаешь... Мне говорили, что его вызвали на допрос в январе, когда мороз трещал, и сказали: «Сейчас вас повезут на дознание. По кольцевой дороге. Вы будете в костюме. Когда почувствуете, что замерзаете, попросите сопровождающих дать те ваши показания, которые надо подписать. Подпишите их. Вас оденут в тулуп, напоят водкой, ссадят с дрезины в теплую машину и отвезут на дачу. И станем писать сценарий. Вам ясно?» Вознесенскому стало все ясно. Его посадили на дрезину и повезли. А он молчал. А потом стал каменным, замерзая. Но он не подписал фальшивку, с-с-старичок, не подписал... Ты не промок еще? Ничего, у композиторов отогреемся, их крематорий уютный, очень т-т-тепло... А знаешь, отчего х о з я и в поручил обвинять членов ленинского политбюро Вышинскому? Думаешь, только потому, что тот был меньшевик? Нет, не поэтому... Вернее — не только поэтому... Вышинский был поляком, а его брат — ксендз, так сказать, родственные души с Вождем...

Шура остановился вдруг, поманив меня пальцем, оглянулся и прошептал:

— Но ведь седьмого апреля тридцать пятого года, когда у нас был принят закон о том, что все граждане, — начиная с двенадцатилетнего возраста, — подлежат судебной ответственности вплоть до расстрела, — я не покончил с собой! Я ведь позволил себе не понять, что это

такое! Когда в тридцать восьмом я требовал на митингах смерти Бухарину, я ж помнил, как девять лет назад проносил по Красной площади его портрет—портрет вождя! Ты думаешь, я не понимал, что грядет и моя очередь — рано или поздно?! Понимал! А в пятьдесят третьем, когда я подписывал вместе с писателями-евреями просьбу о нашем выселении из столичных городов?! Думаешь, я не помнил статью Сталина, опубликованную им еще в начале века: «Не пора ли у нас в партии провести маленький еврейский погром?» Он умел ждать, ждал полвека... Думаешь, я не знал тогда, в пятьдесят третьем, что меня погубят в тех бараках, куда нас должны были выселить — «по нашей же просьбе»?! Знал! Даже если бы ты был последним мерзавцем, все равно оправдаешь себя, обвинив других... Так ответь же мне: это что — жидовская черта характера? Или все люди подобны друг другу?! Еврей Ягода пытал евреев Каменева и Пятакова... Русский Ежов пытал русского Рыкова... Почему я сказал «самопожирание»?

Он вдруг сник, втянул голову в плечи: — Наоборот, самовыживание... Только живем мы каждый день в ином качестве — неузнаваемые, новые, готовые к тому, чтобы сожрать ближнего и оправдать содеянное... Знаешь, что сказал Ежов в разгар террора? Я помню: «Все, что я делаю, продиктовано преклонением перед достоинством советского человека, которого ждет счастье». А я, зная все, аплодировал ему так, что у меня ладони были пунцовыми.

Шура вдруг остановился, взял меня за руки и, странно улыбаясь, спросил:

— Чувствуешь, какие теперь они у меня ледяные? Не пора ли погреть их заново, а?

(Продолжение следует)

ДИСКИ

А. ИГНАТЬЕВ,
А. УЛАНОВ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Гарью пахнет воздух...

В последние дни сержант Дронов привик к этому и потому лишь устало, без страха, удивления смотрит на тлеющие бревна и горы золы, осевшей на землю четкими квадратами. Еще вчера тут, на краю села Велдич, стояло двенадцать домов, в которых жили поляки. Ночью бандеровцы подожгли их и расстреляли из темноты всех, кто пытался выбежать из огня.

«Будто и не закончилась война», — думает Дронов и окидывает взглядом своих солдат:

— Шире шаг!

Сеет и сеет в Прикарпатье мелкий задушливый дождь. Цепкая грязь виснет на сапогах, люди измотаны переходами, и каждый сейчас наверняка проклинает и бандитов, и погоду, и смрадный запах гарь. Смертельно устали бойцы.

Предпоследний в строю — боец с курносом носом и маленькими заплаканными глазками. Птицын. В отделении он недавно, до этого был писарем в штабе. Назубок знает уставы, инструкции, наставления и часто козыряет этим.

— Точных данных нет, — бурчит, — вот и бродим без толку. Местность не изучена, население знаем плохо...

Птицын выводит сержанта Дронова из терпения, тот недовольно покашливает в кулак. Тишина теперь прерывается лишь чавканьем сапог: проселочная дорога глинистая, вязкая. Слева серыми волнами катятся холмы до самого горизонта, справа стоит лес, то подступая вплотную, то уходя к синеватым Карпатам. Весеннее утро тусклое, подслеповатое. Но вот выходит солнце, и идти становится еще труднее: от тепла клонит в сон.

Дронов поравнялся с младшим сержантом Кравцовым, ручным пулеметчиком. Кравцову тяжелее всех — пулемет с магазином весит более одиннадцати килограммов, но он не унывает, глаза его, как всегда, веселые. Однако чувствуется, устал здорово. Вот перекладывает пулемет с одного плеча на другое, ладонью смахивает пот со лба, сплевывает сквозь зубы клейкую слюну. Заметив на себе взгляд командира, расправляет плечи: мол, все в порядке.

Неподалеку от дороги — большой стог сена. Дронов отвертывает рукав куртки, смотрит на часы:

— Привал, — бросает кратко.

Усталые солдаты ложатся у стога.

«Совсем измотались ребята, — с тревогой думает Дронов. — Но сидеть долго нельзя, расклеются. Двигаться надо».

Истекло намеченное им для отдыха время. Сержант прибавляет к нему минутку, потом еще одну.

С гор долетает прохладный ветерок, шуршит в сене. Под солнцем оно быстро сохнет после дождя. Сено старое, прошлогоднее. То ли коровы у его хозяина не стало, то ли... Однако пора подниматься. Солдаты встают по очереди, нехотя берут на ремень автоматы и карабины, поправляют чехлы с гранатами. Вскоре отделение серой неровной цепочкой выстраивается у стога. Брезентовая сумка с пулеметными магазинами лежит на земле.

— Чья очередь нести? — спрашивает Дронов, обводя взглядом хмурые лица солдат, хотя отлично знает, что очередь Птицына. Но Птицын молчит и даже отворачивается со скучающим видом, словно то, что происходит,нисколько его не касается. Гнетущее молчание наконец прорывается негодующим голосом высоченного, широкоплечего рядового Беличенко:

— Ну какого черта молчишь, Птицын? Твоя ведь очередь.

— А тебя не спрашивают, — огрызается тот.

— Тебя спрашивают. Ты и отвечай.

— Прекратить разговоры! — приказывает Дронов и добавляет спокойно. — Возьмите сумку, Птицын!

Солдат не шевелится!

— Приказание слышали, Птицын?

— Не моя очередь, — бурчит тот и отводит, прячет глаза, словно сержант светит ему в лицо фонарем.

Дронов тяжело переступает с ноги на ногу, отыскивает взглядом щепку, нагибается и неторопливо счищает грязь с сапог. Отделение ждет в молчаливом нетерпении — стоять тяжелее, чем идти. Но сержант не спешит, он мучительно думает, как поступить. Самый простой выход — отдать сумку другому, а Птицына наказать по прибытии в гарнизон.

Можно взять сумку самому. Можно заставить Птицына взять диски...

— Товарищ сержант, долго мы тут стоять будем?

Это Величенко.

Дронов сердито посмотрел на него и сразу решил: «Действительно, чего они стоят? Надо идти».

Скомандовал:

— Отделение, за мной!

Зашагал к дороге.

Солдаты потянулись за ним.

Дронов понимает, что принятое им решение рискованно, но он уверен, что оно правильное. И если Птицын не возьмет диски, значит, дерьмо он.

Сержант словно невзначай смотрит назад, замечает, что Кравцов вдруг останавливается, презрительно смотрит в спину идущему без дисков Птицыну, скребет затылок, потом возвращается назад, к стогу. Этого не видит никто, кроме Дронова, — остальные идут, глядя под ноги. «Золотой ты парень, Петро», — почти с нежностью думает о пулеметчике Дронов, искоса глядя на щупленькую, жидковатую фигурку заместителя, нагруженного пулеметом и сумкой с тремя магазинами. Этот груз великоват и для человека более крепкого сложения. Младший сержант стоит по щиколотки в грязи — кажется, что он ушел ногами в землю под тяжестью своей ноши. И снова чувствует сержант доброе дружеское чувство признательности к этому парню. Но шепотом спрашивает его строго:

— Зачем взял?

— Как зачем? — удивляется Кравцов. — Пулемет же у меня, а без магазинов он палка, а не пулемет.

Дронов хотел было тут же остановить строй, пристыдить Птицына, но решил посмотреть, что же будет дальше. Через минуту Дронов снова смотрит назад. Птицын идет, низко опустив голову, словно что-то упорно разглядывает в дорожной грязи. Украдкой оглядывается. На какое-то мгновение.

«Ну и черт с тобой», — ругается в душе сержант, идет вперед и слышит вскрик Кравцова:

— Эй! Куда ты! Вернись, говорю, слышишь!

Все останавливаются.

По дороге, к чуть видимому теперь стогу, расплескивая жидкую грязь дорожных колдобин, отступаясь, скользя и размахивая руками, бежит Птицын. Он уже недалеко от стога. В это время раздаются выстрелы. Дронов вскидывает бинокль, видит: из леса наперерез солдату высочили пять бандеровцев, стреляя на ходу. Вторая группа бандитов обходит его с тыла.

— Отделение, за мной! — кричит Дронов, бежит вперед и понимает: не успеет. Впереди и левее дороги небольшой холм. Если там установить пулемет, то можно прикрыть Птицына огнем.

— Кравцов! — кричит сержант. — С пулеметом вон на ту высоту. Прикройешь Птицына. Вторым номером Величенко.

Рослый Величенко подхватывает сумку с магазинами. Кравцов мгновенно стаскивает сапоги, мчится босиком по холодной, жидкой грязи. Через пару минут он уже дает по бандеровцам длинную очередь. Огонь заставляет их залечь, потом ложиной отползти к лесу...

Птицын лежит у стога, раненный в бедро. Дронов наклоняется над ним.

— Живой? Ну и молодец. Сейчас перебинтуем тебя, и порядок.

— Товарищ сержант, сумку я не нашел, наверное, бандиты взяли, — с трудом говорит Птицын. — Преследовать их надо. Разрешите, я пойду?

Он пытается подняться.

— Лежи, лежи, — ворчит Дронов, но в голосе его сквозит добродушие. — Неплохо дрались, ну а сумка у нас. Ее Кравцов взял.

— Кравцов? — переспрашивает Птицын.

— Ну да, Кравцов. А кто же тебя выручил? Те самые диски. Без них бы наверняка мы не успели. Понял?

— Товарищ сержант, — горячо заговорил Птицын, — я... понял, все понял...

В.

ИСТОКИ

СВЕТЛОГОРСК

Есть еще места, где просто тихо.
 Вот и здесь одна листва шумит,
 Балтика — заснувшая моржиха —
 У крутого берега сопит.
 Светлогорск... Уже в самом названии
 Видишь солнце,
 чувствуешь покой.

Я сегодня,
 встав солдатской ранью,
 Тишину поглаживал рукой.
 Но затихли и листва, и море,
 Уловив чужой и странный звук:
 Там, где у военных санаторий —
 Будто колотушкой: тук да тук.
 Стук да стук. Неровная походка.
 Капитан, видать, еще с ночи,
 По тропинке больно и неловко
 Костыли свои ходить учил.
 ...Нет на свете мест,

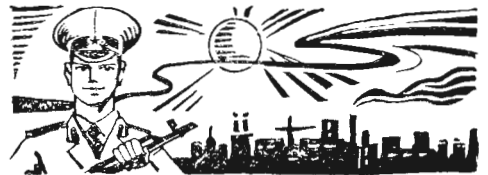
где просто тихо!
 И как ни далек Афганистан,
 Боль его принес
 с протезным скрипом
 В Светлогорск
 угрюмый капитан.

НАДЕЖНОСТЬ

Я всегда ощущал
 ту надежность друзей,
 У которой сравнение — с металлом.
 Потому и стою
 крепко в жизни своей,
 Что надежность почувствовал смалу.
 Вместе с ней
 в проходную завода шагал,
 Пели гимн ей гудки зычным басом.

Эстафетой ее мне отец передал —
 Ту надежность рабочего класса.
 И в друзья
 никого я не брал сгоряча,
 Потому — все они мне за брата.
 Их надежность
 всегда у меня — у плеча,
 Как притертый приклад автомата.

ИСТОКИ

Наверно, в поле Куликовом,
 Где пращур спит в сырой земле,
 Хрусталь клокочет родниковый
 И не дает покоя мне?
 Наверно, с тульской наковальни
 Из-под могучих рук Петра
 Метнулась искрой в космос дальний
 Моя дорожная звезда?
 Наверно, старец густобровый,
 Яснополянский бросив кров,
 Оставил в том краю сосновом
 Бунтарский дух, мятежный зов?
 Мечты родительские, может,
 Чуть приглушенные войной,
 Теперь меня вдвойне тревожат
 И просят радости двойной?
 ...Наследье это многослойно —
 Из расставаний, встреч, дорог.
 И мне нельзя прожить спокойно.
 А впрочем,
 Так бы и не смог.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВИЛАХ ПРИЕМА В УЧИЛИЩА

В связи с утверждением новых Правил приема в вузы Министерства обороны СССР во всех высших военно-учебных заведениях МВД СССР в 1989 году, наряду с другими экзаменами (см. объявление на четвертой странице обложки журнала «На боевом посту» № 2 за этот год), будут приниматься и вступительные экзамены по истории СССР.

В упомянутом объявлении неверно обозначена квалификация, которая присваивается выпускникам Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР. Лицам, окончившим ВПУ, выдается диплом общесоюзного образца с присвоением квалификации «офицер-политработник с высшим военно-специальным образованием, преподаватель общественного и научного коммунизма в средних учебных заведениях».

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«ИСПОВЕДЬ СЛАБОГО «ДЕДА» (1989, № 1)

Начальник политического отдела соединения сообщил, что проблема казарменного хулиганства, поднятая в статье, стала предметом обсуждения в частях, на сборах с командирами, начальниками политорганов, на семинарах с ротными политработниками, секретарями партийных и комсомольских организаций.

Серьезный откровенный разговор о недостатках в борьбе с неуставными взаимоотношениями состоялся на совещании командования соединения, в котором принял участие начальник политотдела ВВ МВД СССР по Западной Сибири.

К виновным приняты меры: подполковник Н. Правдуной привлечен к дисциплинарной ответственности; подполковник П. Карапузов заслушан на заседании партийной комиссии соединения; снижены в должности капитан П. Кудрявцев и старший лейтенант В. Остапенко.

Возбуждено ходатайство о снижении в должности командира роты капитана В. Михеенкова. За грубость старшина роты прапорщик В. Антонин привлечен к партийной и дисциплинарной ответственности.

В батальоне приняты меры по выполнению распорядка дня, наведен порядок в столовой.

ЧИТАЙТЕ

Проблемы ЛТП: зона или профилакторий, лечащиеся или преступники! Обстановка накаляется, организация надзора отстает. Почему!

Ответы ищут корреспонденты журналов «На боевом посту» и «Воспитание и правопорядок».

* * *

Полковник первым незаметно так разрывает свой конверт. Читает долгожданные строчки из дому. И вслух произносит то же самое, что каждодневно повторяется по радио, телевидению, в газетах: «Помоги Армении, ничего не пожалей!»

И вслед за ним, полковником из России, почти те же строчки читает лейтенант из Ташкента...

Вот звучат они по-украински, по-латышски, по-молдавски: «Помоги Армении...»

У солдата Родина одна.

В СЛЕДУЮЩЕМ

Копии письма ушли в ЦК КПСС и начальнику внутренних войск страны. Что это, холодный, трезвый расчет дальновидного, битого жизнью склочника или растерянный жест человека, отчаявшегося добиться справедливости.

На вопросы ответила командирова.

* * *

— Кто штурмовал Кронштадт в двадцать первом!

— Как кто? — Швец изумился. — Товарищ Сталин.

— Тухачевский, Сталин и Троцкий, — тихо сказал я, оглянувшись невольно.

— Я б тебя за такие слова на фронте к стенке поставил, — Швец разъярился. — Запомни: тридцать седьмой год был годом великого очищения!

Ю. СЕМЕНОВ.
Ненаписанные романы.

НОМЕРЕ

ВРЕМЕНА ГОДА

*Ах,
лето...*

Вот и дождался любители природы раздольного лета. Ночи стали короткими, теплыми, зори — тихими, чуткими. Днем — море солнца, зеленого цвета, запахов разнотравья. Лишь изредка прошумит благодатный дождь да прогрехнет незатяжная гроза. Какой уважающий себя рыбовод, когда у него появляется хоть немного свободного времени, усидит дома! Едва начнет сереть на востоке, самые нетерпеливые уже на ногах. Привычно ориентируясь в утренней мгле, торопятся к заветным местам. Еще и поплавка на воде толком не видно, а они, волнуясь, на ощупь насаживают крючки и забрасывают снасти...

Но как бы ни был увлечен любимым делом рыбовод, он вряд ли пропустит момент, когда на горизонте проклевывается краешек солнечного шара. Удивительные это минуты зарождения нового дня, пробуждения природы!

Летом отдыхающие редко возвращаются с водоема с лустыми садками. На реках и озерах повсеместно активно ловятся практически все виды рыб. Частенько рыбоводы приносят домой и полные лукошки летних грибов...

У охотников, как и у школьников, лето — пора каникул. Разрешен лишь отстрел волков да ворон [под руководством егерей]. В это время леса, поля — зона спокойствия, охраны подрастающего молодняка.

~~~~~ БЫВАЛЫЕ — МОЛОДЫМ

НА ОХОТЕ, КАК В БОЮ

Порою длинен путь в охотничьи угодья. Два, а то и три часа в дороге. Как скоротать время? Конечно, за доброй беседой о делах охотничьих и рыбацких. Нередко речь заходит о пользе охотничьих навыков в военном деле. Особенно много поучительного в рассказах ветеранов войны. Одна из таких былей мне запомнилась особенно.

— Вскоре после войны, — рассказывал белый как лунь фронтовик, — знакомый егерь пригласил нас с сослуживцем на утиную охоту. Предложение было принято. Замаскировавшись в кустах канавы рядом с озером, ждем лёта. Вскоре перед нами появилась стайка крякв. Товарищ произвел два выстрела, но промахнулся. Взяв на мушку переднего селезня, я нажимаю на спусковой крючок, но вместо выстрела — «т-у-м». Осечка? Бью с левого ствола — тот же звук... В чем дело? Открываю ствол ружья. Моему изумлению не было предела. Оно оказалось незаряженным. К чему я это рассказываю? Вот мы все время твердим молодым: «Разряжайте оружие, разряжайте оружие!». Правильно твердим. Но надо напоминать и — «Зряди!» В бою или на боевой службе оплошность, подобная моей, может дорого обойтись.

Полковник в отставке В. ЖУКОВ.

~~~~~ А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

НЕЖДАНАЯ ГОСТЬЯ

Что ни говори, а озеро Джандаргель — чудный подарок природы в знойной Каразской степи. Вокруг одни рыжие холмы с выгоревшей на солнце травой и серыми мелкими камнями. И вдруг — водоем. Да еще богатый рыбой.

Я стою в воде и ловлю сазанов. Удилище лежит на пригнутых камышинках. Его иногда приходится использовать не по прямому назначению, а как палку для отпугивания змей.

Может, потому и неважно клюет. К тому же попадаются не ахти какие экземпляры, хотя здесь, говорят, есть такие, что никакая леска не выдержит. У берега, конечно, очень крупной рыбы нет, но килограммовых красавцев выуживать приходилось. Вдруг и на этот раз повезет...

Поплавок обнадеживающе качнулся и стал медленно тонуть. Странная поклевка, не сазанья. Так бывает, когда уцепится рак. Но откуда здесь раки?

Подсекаю и сразу же чувствую неимоверную тяжесть. Гнется удилище, до предела натягивается полумиллиметровая жилка.

Постепенно попавшийся на крючок незнакомец начинает сдаваться.

Медленно выходит из воды леска, вот и грузило показалось, а за ним на поверхность выплыла... черносерея тарелка со змеиной головой, хвостом и четырьмя лапами. На крючке сидела черепаха. С трудом удалось вытащить крючок из ее губы, и я швырнул тяжелый, килограмма на два, трофей в камыши. Как мне показалось, к обоюдному нашему удовлетворению.

Борьба с черепахой, конечно же, распугала сазанов, да и солнце пекло уже так, что стало не до рыбалки.

А. ОЖИГАНОВ.

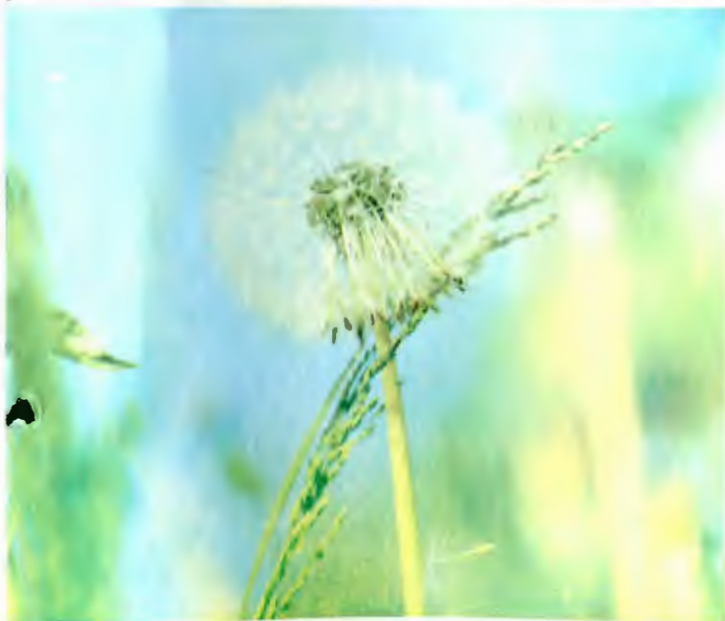

НАШЛА СПАСЕНИЕ

Как-то с фоторужьем целый день бродил по летнему лесу. Перед тем как идти домой, решил передохнуть. Присел на поваленную осину. Слушая птичью симфонию, чуть вздремнул от усталости и чистого воздуха. И в это время что-то мягкое упало сверху на плечо. Повернул голову и глазам не поверил: белка! Даже боюсь ресницами шевельнуть. И в ту же минуту мимо меня проскочила кошка и скрылась в кустарнике. Очевидно, одичавшая.

Белка дышала часто. Спасение свое от дикой кошки она нашла на моих плечах. „Вот какая ты иногда смелая бываешь“, — сказал я и протянул руку к зверьку. Белка спрыгнула на землю, несколькими прыжками достигла высокой сосны, вмиг оказалась на ее макушке.

В. ЕГОРОВ.

ПРИРОДА И МЫ

Фотоэтюды нашего нештатного корреспондента полковника запаса Б. ПОПОВА.

